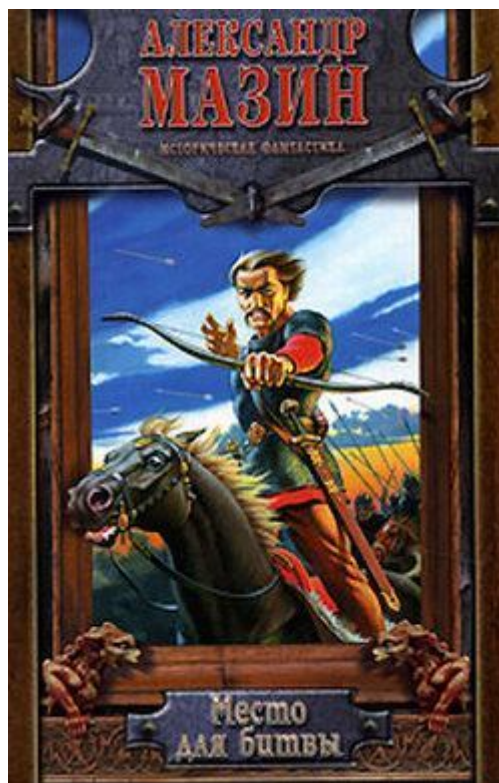

Александр Владимирович Мазин

Место для битвы

Варяг – 2

" Место для битвы " – вторая книга древнерусского цикла Александра Мазина.

Последний год княжения великого князя Игоря. Сергей Духарев – командир летучего отряда варягов-разведчиков в Диком Поле. Хозары, печенеги, ромеи – все хотят сделать эти ковыльные степи своими. Одни – чтобы разбойничать, другие – чтобы торговать, третьи... Третьим, ромеям, все равно, кто будет владеть Степью. Лишь бы этот «кто-то» не угрожал Византии. Поэтому ромеи платят золотом, чтобы стравить русов и печенегов, венгров и хозар. Это выгодно кесарям, ведь это золото все равно вернется в Византию... если не потеряется по дороге.

Воин не выбирает: сражаться ему или нет. Он будет биться, потому что война – это его жизнь, его предназначение.

Но место для битвы настоящий воин выбирает сам.

Глава первая

Удачное утро для варяжской охоты

Высокая трава раздвинулась, и на полянку проскользнул Понятко, разведчик-следопыт из Серегина десятка.

Половая лошадка разведчика тут же встрепенулась и сделала попытку подняться на ноги.

Кто-то из воинов успел схватить ее за ноздри и прижать к земле. Ковыль был

достаточно высок, чтобы скрыть не только лошадь, но даже и всадника, если тот пригнется к холке. Но слух у степняков острый. Лучше не рисковать.

– Три больших десятка, двое дозорных, остальные спят, – шепотом доложил разведчик. – Собачек нет.

И поглядел на своего десятника: доволен ли?

Сергея одобрительно кивнул, и Понятко расплылся в улыбке.

Классный парень. Умница. И следы распутывать мастер, а как часовых снимает! Не захрипит, не булькнет. Залюбуешься!

Значит, три больших десятка... Сергей почесал взопревшую под доспехом грудь. Большой десяток, это обычно человек двенадцать-пятнадцать. Итого сабель сорок, не меньше. А варягов – двадцать три. Вполовину меньше. Но для рукопашной – более чем достаточно. Парни у Сергея – один к одному. Молодцы. Варяги, одним словом. Против сорока степнячьих сабель – и десятка добрых варяжских мечей хватит. Но... Есть одно «но». И «но» это заключается в том, что помимо сабель у степняков обычно имеются луки. И луками степняки пользуются не хуже варягов, а, как это ни печально, лучше. И если степняки успеют взяться за эти самые луки, тогда будет худо.

Духарев поглядел на Устаха. Лучший Серегин друг и второй десятник в отряде был обуреваем теми же мыслями.

– Кто они, печенег? – спросил Духарев. Он был почти уверен, что услышит – «да». Но Понятко мотнул головой:

– Хузары. Дикие.

И поглядел на «своих» хузар, Машега с Рагухом: как отреагируют?

Лицо у Машега стало, как у девушки, откусившей яблоко и неожиданно обнаружившей переполовиненного червяка.

Понятко тихонько засмеялся. На него цыкнули. Духарев знал, что для большинства его варягов что «черный хузарин», что печенег – без разницы. Одно слово – степняки. Те, что, налетев, бьют, грабят, уводят в полон мирный люд... А потому и их самих бить да грабить – милое дело. Если силушки хватит. Но для тех, у кого соображения побольше, а уж тем более для кровных хузар – разница была ощутимая. А для последних – еще и обидная.

Сергея Духарев из чужих рассказов да из собственного опыта составил для себя примерную картину местной геополитики и понимал ситуацию так.

После того как печенежские орды подмяли под себя изрядный кусок хузарского хаканата, очень многие из бывших данников нынешнего хакана Йосыпа и даже его собственные подданные из черных хузар-язычников примкнули к победителям, увеличив и без того многочисленные печенежские полчища. Наиболее отмороженные сколачивали собственные шайки и, на собственный риск или заручившись поддержкой того или иного большого хана, нагло безобразничали на торговых путях.

Таких разбойничьих шаек численностью до полусотни стрелков каждая в степях Приднепровья было что блох на бродячей собаке. Иногда шайки объединялись, иногда резали друг друга. Они роились около трактов и волоков, как мухи у навозных куч. Раньше, когда Итильский хаканат был в настоящей силе, такого не было. Но хакановы хузары в этих краях уже вчистую проиграли печенегам, и теперь главной силой, способной противостоять степнякам, стала княжья русь: варяги, славянские вои, служивые нурманы, свеи и прочие. Им же теперь приходилось оберегать торговые пути к ромеям, чтобы кочевые полчища не отрезали их от тех же ромеев, как это уже случилось с Хузарским хаканатом.

Воевать с печенегами было трудно. Степные орды находились в постоянном движении. Погрузят имущество на повозки да коней – и ищи их по всей степи. За несколько дней печенежское кочевье, с женщинами, детьми, стариками, и то уходило на сотню километров. А уж воинам-степнякам отмахать за день километров шестьдесят – сущие пустяки.

Отчасти поэтому нынешний киевский князь даже и не пытался потеснить степняков. Насколько было известно Духареву, Игорь лишь единожды, да и то лет двадцать назад, ходил против печенегов. Пытался наказать хана, пограбившего киевские земли. Толку от

этого вышло – ноль. С тех пор Игорь решил, что со степняками проще дружить. И дружил. Например, недавно ходил с ними на ромеев. Ромеи откупились от Игоря, а Игорь, соответственно, – от союзников. После чего русь отправилась домой, а печенеги – грабить болгар.

С большими ордами и впрямь лучше было не связываться, но прижать всякую мелочь – не так уж трудно. Однако это, как оказалось, не совсем совпадало с интересами самого киевского князя, который предпочитал получать с купцов за право присоединиться к княжьему каравану.

Впрочем, не все рассуждали, как Игорь. Иного мнения придерживался, к примеру, княжий (формально, а по сути – свой собственный) воевода Свенельд. А еще – полоцкий князь Роговолт, которому не улыбалось торговать под жадной рукой киевского князя. И в этом Роговолта поддерживали даже упрямые новгородцы. Не только словами.

Поэтому вот уже второй год топтали степные травы небольшие летучие отряды славян – выискивали степных разбойников. Малых числом – били. На банды посильней наводили Свенельдову дружину. Если же наталкивались на большую орду, держались подальше. Такая вольная охота на степняков считалась делом опасным. Славянам, особенно тем, что с севера, воевать в степи еще надо было научиться, а для кочевников Дикое Поле – родной дом. Поди сыщи их раньше, чем тебя самого отыщет печенежская стрела, которая за пятьдесят шагов навывлет щит пробивает. В общем, опасное дело. Но прибыльное. Иной раз не только пояса, но даже и седельные сумы разбойников были набиты серебром.

Устах и Серега командовали одним из таких вольных отрядов. Ватажка их считалась варяжской, хотя из прирожденных варягов в ней был один Устах. Остальные – сборная солянка. Поляне, кривичи, прусс, свей. Особняком – Рагух и Машег. Двое хузар, оваряженных Свенельдом, – «подарок» киевского воеводы перспективному десятнику Серегею: очень не хотелось воеводе, чтобы Духарев стал кормом стервятников. Двое хузар благородной крови, воинов в ...надцатом поколении, знавших все тонкости и хитрости степной войны, – это неоценимый дар.

Вообще-то вначале хузар было четверо. Еще двоих Свенельд отдал в десяток Устаху. Но эти были попроще, и судьба им не улыбалась. Одного в первой же стычке посекали «черные» угры, второму печенежья стрела разбила локоть, и его с купеческой ладьей отправили в Киев.

Собранный с бору по сосенке, отряд тем не менее получился крепкий. Правда, частые жестокие стычки с Дикой степью изрядно проредили храбрую ватажку. Храбрую-то храбрую, но вот насчет побудительных мотивов своего разномастного воинства Духарев не обольщался. Парни лезли в драку не за идею, отечество или поруганную честь родичей (хотя были, конечно, и такие), а исключительно ради того самого серебришка, что побрякивало в разбойничьих кошельках. Но старших младшие уважали крепко, и на этом уважении держалось единство воинской ватаги. На этом да еще на понимании варяжского славного братства. Не то перегрызлась бы разноплеменная компания на счет «раз».

– Дикие хузары... – Устах поглядел на Машега, тот брезгливо скривил рот. Варяжские усы его были не усами, а насмешкой. По три волосины. Но лицом не смугл, а светел, ничуть не похож на большинство плосколицых кочевников, которых княжья русь пренебрежительно называла копчеными. Это потому что сам Машег был из «белых» хузар, поклонявшихся Единому. Из воинской элиты. А элита эта, ясное дело, в постель предпочитала класть не уродливых простолудинок, а писаных красавиц. Обычно заморских. Потому стриженные под горшок волосы хузарина были светлыми, а глаза – синими. И этими синими глазами Машег взирал на хузар низших, «черных», язычников с презрительным высокомерием. Как волк – на деревенских собак. Иудейская вера, впрочем, не мешала Машегу вкладывать время от времени золото в черный языческий Перунов рот. Вера – верой, а обычай – обычаем. Тем более если обычай – варяжский.

– Откуда они пришли? – спросил Духарев.

– Вроде с волока, – не очень уверенно ответил Понятко. – Я далеко не бегал, точно не скажу, но точно, что от Днепра.

Воины оживились. Если разбойник от реки скачет, значит, или спугнул кто, или – с добычей.

– Бьем? – Тусклые обычно глаза древлянина Шуйки заблестели от жадности.

Духарев с Устахом переглянулись: в общем все было ясно.

– Бьем, – сказал Духарев. – Какие могут быть вопросы? Только на этот раз мы – зачинщиками! – ревниво добавил он.

– Да ладно уж! – Устах ухмыльнулся. – Только Понятку мне дай. И Машега.

– Машег, ты как? – для порядка спросил Духарев.

Он знал, что хузары предпочитали держаться вместе, но понимал, что во второй группе тоже должен быть мастер-стрелок.

– Пойду, – отозвался Машег. – Если Понятко меня петть заставлять не будет.

Они с Поняткой были приятели, а шутка была старая, потому никто не засмеялся.

– Клёст, Свей с лошадьми, – распорядился Устах. – Остальные проверьтесь: чтоб не звякать там, не кашлять и не пердеть.

Через несколько минут вторая группа гуськом втянулась в густую траву, чьи стебли в сумраке казались совсем черными.

Духарев выждал положенное время и, сделав знак своим, тоже нырнул в траву, в щель, оставленную возвращавшимся разведчиком. За Серегой бесшумно проскользнул Рагух, за хузарином – лучший из Серегоного десятка, Гололоб. За Гололобом – семеро оставшихся. План ночной атаки был просчитан до мелочей и не раз опробован в деле.

Сергей скользил, пригибаясь, между высоких стеблей. Он двигался почти бесшумно, аккуратно раздвигая траву. Серые утренние сумерки – хорошее время. Его, Серегоно, время.

Когда ветерок донес кислый запах разбойничьей стоянки, Духарев подал знак: «Стой!» – и сам замер. Медленно потянул носом («взял», как сказал бы Рёрах) воздух. Потом еще раз.

Пахло травой, людьми, лошадьми, мясной похлебкой, должно быть, старой, потому что дымом не пахло: степняки огня не разводили. А ведь здесь, в низине, трава еще не растеряла влагу, и пожара можно было не опасаться. Это позже, когда солнце основательно высушит степь, случайной искры будет достаточно, чтобы понеслась по Дикой Степи огненная волна.

Духарев однажды видел такой пожар и помнил, как они обходили раскинувшееся на сотни стрелищ¹ серое пепелище, которому лежать мертвым до первого дождя. А дождь этот, может статься, выпадет аж через месяц. Всему живому в огне – смерть, а под хороший ветер пал мчит вдвое быстрее лошади. И даже если поднявшийся от твоей искры огонь и обойдет тебя стороной, богини степей не простят жестокости. Найдут как отомстить.

Не то чтобы варяг Серегей (не говоря уже о христианине из Питера Духареве) боялся степных божков. Но «дедушка» Рёрах, который городского неуклюжего кобеля Серегу оборотил в стремительного и смертельно опасного волчару, дразнить языческих божков не советовал. Тем более на их территории.

Однако, кроме опасности пожара, была еще одна существенная причина не разводить костров. Запах дыма. Те, кто не желал афишировать свое присутствие в степных просторах, вынуждены были обходиться без огня. И разбойники, и охотники в степи попусту костров старались не жечь, а если жечь, то непременно со всеми предосторожностями.

Значит, костра степняки не жгли. Тихарились. Ну и ладно.

Приложив ладони раковинами к ушам и медленно поворачивая голову, Сергей прислушался. Человеческого дыхания он не услышал, зато услышал лошадей, пасшихся вокруг лагеря. Степняки, по обыкновению, отпустили их подкормиться. Но между варягами и лагерем не было ни одной, иначе пришлось бы обходить. Хузарские кони обучены не признавать чужих и поднимать тревогу.

¹ Стрелище – расстояние прицельного выстрела из лука, обычно – 200 м.

Духарев выждал еще немного. Устаху, который будет огибать лагерь по большой дуге, нужно время, чтобы занять боевую позицию.

Прошло полчаса. В лагере степняков ничего не изменилось, только один раз визгливый голос спросонья забормотал по-хузарски.

Сергей вопросительно поглядел на Рагуха, но тот мотнул головой. Ничего важного.

Духарев ждал. Его десяток тоже ждал: кто – сидя на корточках, кто – на земле. Ждать в неподвижности они могли часами. Терпение воина превосходит даже терпение охотника.

Сергей очень хорошо знал каждого из своих парней. Знал, кто и что может, знал, как к кому подойти, чтобы сделал сверх возможного.

Любому духаревскому соотечественнику из того, прежнего мира эти парни показались бы стандартными, как игрушечные солдатики. Одинаковые шлемы, у кого – с прорезями для глаз, у кого – со стрелками-наносниками, одинаковые куртки с нашитыми бляшками, заправленные в сапожки штаны из прочной ткани, с кожаными нашлепками на коленях и в паху, мечи в ножнах – за спиной (подражание своему десятнику), луки, ножи... Обычный прикид для степной «охоты». Щиты и стальные доспехи имелись у всех, но остались на стоянке. Сейчас главное – легкость и быстрота.

Время вышло. Сергей поднял два пальца. С ним пойдут двое. Кто эти двое, знали все. То же было бы, если бы он показал три или четыре пальца.

Лагерь степняков – вытопанное пятно шагов сто в поперечнике. На поляне в кажущемся беспорядке разбросаны упряжь, седельные сумы. Несколько больших мешков кучей свалены посередине. Хозяева всего этого барахла вповалку спят вокруг. Оружие под боком, но тетивы у всех, кроме часовых, спущены. Это хорошо.

Сторожей было двое, и их следовало обезвредить быстро и аккуратно. На этот случай у Серёги имелась своя персональная примочка. Ноу хау.

Серёга осторожно развязал кожаный мешочек и извлек из него жирного живого слепня. Слепень злобно загудел, но это его не спасло. Крохотная деревянная игла с коричневым от яда жалом проткнула его насквозь. Жить слепню осталось чуть больше минуты. Этого достаточно. Та же печальная участь постигла и второго слепня.

Духарев отцепил от ножен ровную тростниковую трубку, из тех, что использовались славянами для «подводного плавания». Серёга, однако, несколько расширил сферу ее применения.

Духарев приложил полый тростник к губам, просунул между стеблями. Первый слепень отправился в последнее путешествие...

С той стороны изготовившиеся к бою Устаховы молодцы наверняка опознали хлопок. Но ни часовых, ни спящих этот незнакомый звук не встревожил. А вот звук спущенной тетивы или характерный удар попавшего в цель швыркового ножа поднял бы на ноги всех.

Часовой шлепнул себя по шее, поглядел на раздавленного слепня, отбросил его брезгливо, потер «укушенное» место... «Жало» осталось в ранке.

До второго часового было подальше, метров двадцать, но Серёга и на этот раз не промахнулся.

Яд начинал действовать через две-три минуты. Это был хороший яд, Духарев отдал за него чародейке, «служанке» Мокоши, полную гривну. Попадая в кровь, яд сначала вызывал сонливость, потом слабость, а затем смерть. Состояния сменяли друг друга так быстро, что отравленный не успевал заподозрить что-то неладное.

И тут, впервые, произошла осечка.

Часовой, ближний, неожиданно поднялся. Второй, повернувшись, поглядел на него, но первый махнул рукой: все нормально.

Возможно, у него просто затекли ноги. Проблема состояла в том, что сидящий со скрещенными ногами степняк, засыпая, так и остается сидеть. А вот тот, кто стоит на ногах...

Второй вырубился раньше. Серега увидел, как он клюнул носом...

И тут колени у первого подогнулись...

Гололоб, опередив своего десятника, метнулся вперед, бесшумно, подхватил падающее тело, бережно опустил на землю. Хузарин успел глянуть на варяга мутнеющими глазами, но подать голос уже не мог.

Все остальное заняло не больше минуты. Варяги ворвались в лагерь, как степные волки – в овечий загон. Брызги крови и ошметки плоти, вопли, визг, рев...

Духарев прыгнул сразу в середину лагеря, к сложенным кучей мешкам, хлестнул веером сразу на три стороны, перебросил меч в левую руку, достал четвертого. Пятый успел откатиться, ухватился за лук... Топорик Гололоба проломил облепленный сальными волосами затылок. Кто-то из степняков свистнул с переливом, зовя коня. Перекрывая свист, над степью задрожал тоскливый злобный волчий вой. И тут же завyli, вперелив, по-волчьи, все варяги. От этого страшного звука шарахнулись прочь непугливые хузарские кони, а на их хозяев, тех, что успели схватиться за оружие, навалилась внезапная немоть, и что-то ослабло внутри. Лишь немногим удалось преодолеть отнимающий силы звук. Наконец зазвенела сталь. Но не степнякам тягаться с варягами в искусстве клинковой игры, тем более – на твердой земле. В одном месте, правда, нескольким хузарам удалось сбиться в кучу, ошестиниться пиками. Такой пикой степной всадник на скаку подхватывает брошенное в траву кольцо. Но пешими хузары не продержались и минуты. Устах и еще четверо варягов налетели с разных сторон, посекали и пики, и тех, кто их держал, и тех, кто под прикрытием уже нацеливал смертоносные луки... Быстро, очень быстро... Вот кто-то из степняков метнулся прочь, в спасительные травы... и полетел ничком, когда стрела Рагуха ударила ему под лопатку.

Машег и Рагух в сечу не лезли. Били на выбор, неторопливо, насмерть.

Минута, может, чуть больше – и всё закончилось. Для разбойников. Для варягов же, как выяснилось чуть позже, всё только началось.

Глава вторая, в которой выясняется, что даже удача может оказаться чересчур большой

Победители неторопливо осматривали тела, срезали и снимали все, что казалось ценным. Раненых добивали. В воздухе висела тяжелая вонь крови, боли, выпущенных внутренностей. К вонь Серега уже давно привык. Притерпелся, как к свербящей под доспехами коже. Ну чешется – и ладно. Главное, чтобы вши-блохи не завелись. Естественная брезгливость цивилизованного человека, конечно, не исчезает совсем, но привычка натягивается на нее сверху, как перчатки патологоанатома. Правда, были вещи, к которым Сереге было притерпеться трудно. Но одно дело – изнасилованные или брошенные в костер дети, и совсем другое – порубленные в схватке разбойнички. Одним словом, как говаривали классики: труп врага пахнет очень даже приятно.

Подтянулись Свей и Клест, пригнали коней.

Рагух и Машег сели на своих лошадок, пустились ловить разбойничьих. Поймают, конечно, не многих. Дюжины две. Но и эти пригодятся – трофеи везти.

Сергей мертвых не обдирал. Не командирское это дело. Без него справятся. Обдирать – не убивать.

А все-таки ловко у них стало получаться! Сорок восемь разбойничков – наповал, а у Сереги в десятке только одного поцарапало, да и то легонько. Конечно, резать спящих – неспортивно. Но это только в рыцарских романчиках все чисто-благородно. А по жизни чистая работа как раз такая: чтобы вокруг в живописном беспорядке валялись чужие трупы, а твои друзья стояли вокруг на собственных ногах. Вот картина, от которой становится тепло на сердце у всякого вожды. А он, Серега Духарев, теперь, как ни крути, а вождь. Хоть под рукой у него не тысячи, а всего дюжина.

Короче, Духарев был собой стратегом вполне доволен. В открытой сшибке со степняками легла бы половина его парней. Это в лучшем случае.

О худшем даже и говорить не хочется. Это они, варяги, с побежденными обращаются по-доброму: ножом по горлу. Не смерть, а чистое милосердие. А к степнякам в руки живьем попадать не стоит. За неполных два года Духарев в здешних краях насмотрелся всякого. Иной раз на то, что остается от угодивших в плен к тем же копченым-печенегам, не стоит даже смотреть. Лучше уж – к нурманам, чем к этим. Вон красавец валяется – на шее два ожерелья. Одно – золотое, второе – из сушеных пальцев. Притом не мужских, а женских. Или детских. Обдиравший разбойника Щербина, полочанин из Устахова десятка, угрюмый, битый громила, и тот передернулся лицом, сплюнул, разрезал шнурок и положил страшное украшение на землю...

– Серегей! – За два года Устах так и не научился правильно выговаривать имя Духарева. – Поди сюда, глянь!

Серега подошел. Глянул. Ёш твою мать!

Устах стоял у развязанного кожаного мешка. И был этот мешок доверху наполнен серебряными чашами. И не какими-нибудь, а дорогой ромейской работы, с чернью и чеканкой. Иные – даже с эмалью.

Духарев присвистнул. Повезло, однако! На один такой мешок боевую лодью построить можно. Да что там лодью – корабль морской, а то и два! Серега потянулся к другому узлу, поменьше, распутал шнурок... Ну вообще! Мешок, размером с баранью голову, был под завязку набит серебряными монетами: греческими, арабскими... Друзья переглянулись.

Третий мешок они вскрыли вместе. И он тоже оказался набит монетами. Только золотыми.

Они поглядели друг на друга. Губы Устаха растянула глуповатая улыбка, совершенно неуместная на суровом, обветренном лице синеусого варяга. Но Серега тут же поймал себя на том, что лыбится так же глупо. Как влюбленный шестиклассник, которого подруга неожиданно чмокнула в щечку.

– Ах ты мохнатая Волохова гузня! – пробормотал Устах. – Скажи мне, брат, это морок или вправду золото?

Духарев зачерпнул тяжеленькие монеты ладонью – как пшеничное зерно, взял одну, прикусил...

– Высшей пробы!

Это было богатство. Огромное. Причем – для всех ватажников. Даже если в остальных мешках солома с глиной, что маловероятно.

«Черт! – подумал Духарев. – Что ж я с этим делать-то буду? Такие деньжищи!»

Очевидно, в голове Устаха роились такие же мысли. Но синеусый варяг был более практичен.

– Чусок! – окликнул Устах своего помощника.

Чусок, самый старый в ватажке – пятый десяток пошел, горбоносый, чернявый, как ромей, и такой же хитрый, подошел к десятнику.

– Глянь.

Воин глянул, глаза его блеснули алчно, мозолистая рука сама потянулась к рыжему металлу. Но Чусок тут же взял эмоции под контроль, ограничился одной монеткой.

– Ромейская, – хрипло проговорил он, вертя красноватый диск корявыми пальцами. – Романовой чеканки. Вишь, морда его! – Черный ноготь чиркнул по императорскому профилю. А это что? – Чусок взял одну из чаш, полюбовался узором. – Товар отборный! – И тут до его лицу пробежала тень. Чусок положил чашу обратно, поскреб щетинистый подбородок, повернулся, поглядел на посеченных степняков...

– Я вот чего думаю, – произнес он неторопливо, – больно мало их для... такого. Это ж какой товар! И деньжищи какие! Такое без доброго присмотра степью никакие купцы не повезут. Маловато этих было для такого дела...

– Какие купцы, Чусок? – фыркнул Устах. – Это ж дикие хузары!

Он еще не понимал. А Серега уже въехал, и нехороший холодок возник где-то у него внутри.

– Может, их больше было? – рассуждал Устах. – Может, за это дело побили многих?

– Может, и побили. Или они побили. А может... – Чусок подергал оттянувшую мочку, золотую серьгу с солнечным знаком.

Духарев тем временем нетерпеливо распутывал следующий мешок... Так, серебро! А этот, поменьше... Черт! Опять золото!

Радость от привалившей удачи растаяла, как мороженое во рту дикаря. Только вместо сладости остался совсем другой привкус...

Устах и Чусок наблюдали за Серегой с большим вниманием.

Так, еще серебро, и еще, а здесь – посуда драгоценная... Блин!

«А ведь это жопа, – подумал Серега. – Надо же, как вляпались!»

Нечто подобное, вероятно, испытал бы вокзальный воришка, ловко стыривший чемоданчик и вдруг обнаруживший, что тот доверху набит пакетиками с героином.

Духарев не мог себе представить, чтобы такое охраняла кучка задрипанных разбойников. При таком товаре естественно виделись закованные в сталь грозные шеренги всадников, сторожкие дозоры, опытные, доверенные сотники...

Очевидно, у Серегиных соратников перед глазами возникла сходная картинка.

– А может... – пробормотал Чусок.

– Что? – быстро спросил Устах, которому тоже открылась вторая, смертоносная сторона медальки.

– Может, тайно везли?

– Ромеи?

– А кто же еще?

Это могло быть правдой. Такое было вполне в обычаях Восточной Римской империи. Тайком подкинуть золотишко одному из возможных противников, чтобы тот не к имперским валам шел, а вцепился в загривок другому опасному для ромеев соседу.

– Думаешь, даром² кому? – спросил Устах.

– Угу. Даром. Или откупом.

– Похоже, что так, – согласился Устах. – Значит, от кого – мы догадываемся. А вот кому?

Кандидатов, учитывая сумму, было не так уж много. Печенеги. Вернее, кто-то из больших печенежских ханов. Гонорар за внеочередной рейд по славянским землям? Или ущемление хвоста другому большому хану, своему сородичу? Вполне вероятно. Итак, печенеги – это раз.

Хакан хузарский. Это два. Но сомнительно. Йосыпу хузарскому нынче не до империи. Своих проблем – выше крыши.

И наконец, три – хакан русский³. Он же великий князь Киевский Игорь свет Рюрикович. Вот это возможно. Год тому назад Игорь как раз на ромеев и ходил. Те откупились, но большого богатства киевский князь тогда не привез. Тем не менее в этом году великий князь за добавкой не пошел. Да, Игорь – кандидат реальный.

Следующий вопрос: за что полагается такой существенный взнос в личную казну? Ну, это не вопрос даже. Ежику понятно: ромейское золото служит исключительно для пользы ромеев. Следовательно, во вред всем остальным... Следовательно, все остальные спят и видят это золотишко перехватить. Так что даже тайная миссия должна быть обставлена

² Даром – от слова «дар», подарок.

³ Право на титул хакана давало Тмутараканское княжение, хотя князь тмутараканский именовался просто князем, а не великим князем, как тот, кто держал стол в Киеве.

очень серьезно. И тот, кому предназначается золото, обязательно должен быть в курсе и тоже позаботиться о соблюдении правил безопасности. И дикие хузары при таком куше выглядят примерно как пацаны с рогатками в качестве охранников коммерческого банка. Следовательно, здесь что-то нечисто. Следовательно, ничего хорошего от этой немереной добычи ждать не приходится. И очень, очень вероятно, что настоящий хозяин имущества обретается где-то поблизости. Следовательно...

– Следовательно, мы влипли, – констатировал Духарев. – Эй! Братья-варяги! Идите-ка все сюда!

Через пару секунд две дюжины варягов уже толпились вокруг немереной добычи. Гоготали, лупили друг друга по спинам, щупали драгоценный металл, пускали слюни...

– Значит, так, ребятаки, – негромко, но веско произнес Духарев. – Слушай меня!

«Ребятаки» тут же оставили в покое золотишко и обратили восторженные лица к командиру. Общеизвестно, что преданность воинов напрямую зависит от удачливости военачальника. В эту минуту рейтинг Духарева поднимался аж до заоблачных высот. Сергею предстояло опустить его на землю.

– Я не знаю, – сказал он, – как это все попало вот к ним. – Жест в сторону покойников. – Но я знаю твердо: у этого богатства есть настоящий хозяин. Вот этого мешочка... – Духарев поднял мешок с золотом, тянувший на полпуда, – хватит, чтобы год кормить дружину в три сотни клинков. И будь я хозяином этого мешка, я бы не хотел, чтобы ему было без меня одиноко. И присматривал бы за ним не хуже, чем евнух болгарского царя за его новой наложницей.

– А мы его поделим! – задорно выкрикнул Мисюрок, совсем молодой парень из Серегина десятка. – И присмотрим вместе!

Бац! Деревянная лопата, которую Устах называл своей ладонью, шлепнула Мисюрка по затылку так, что у парня шлем съехал на глаза.

– У этого золота есть хозяин, – продолжал Духарев. – И я не уверен, что нам он по зубам. Но, с другой стороны, и мы все имеем некоторое право на эти деньги. Мы ведь взяли его в бою, верно?

Ватажка дружно подтвердила: да, верно.

– Может, нам следует подождать хозяина и спокойно отдать ему деньги: может, и нам что перепадет? – задал коварный вопрос Духарев.

– Перепадет, – мрачно проворчал Щербина. – Секирой по загривку.

– А хозяин-то кто? – поинтересовался неугомонный Мисюрок.

– Это земля большого хана Куркутэ, – заметил Чусок. – Может, и деньги его?

– Может, – не стал оспаривать Духарев.

Понятко звонко рассмеялся.

– Чтобы Волк поделился добычей? – воскликнул он. – Скорее мой гнедой жеребенок принесет!

– А что ты предлагаешь? – Духарев усмехнулся.

Понятко был молод, но храбр и неглуп. Потому пользовался в ватажке не меньшим уважением, чем Гололоб или тот же Чусок.

– Взять добычу и бежать со всех ног! – Понятко снова засмеялся. – Авось не догонят!

– Кто думает по-другому? – спросил Духарев.

Ватажка ответила одобрителем ворчанием.

– Ясно, – кивнул Сергей. Поглядел на небо: до восхода осталось недолго.

Он минуту задумался, планируя дальнейшие действия. Остальные терпеливо ждали.

– Значит, так, – решил Духарев. – Ты, Понятко, сейчас возьмешь Мисюрка, пару заводных – и махом – вдоль хузарского следа. Далеко не ходите. Как солнце выглянет – сразу назад! По седлам!

Хотел еще добавить, чтоб поосторожней, но сообразил, что в этом нет необходимости.

– Устах! – Духарев повернулся к другу. – Отсюда до берега стрелищ двадцать?

– Тридцать.

– Тем лучше. Слепим ложный след. Заодно коней напоим. Распорядишься?

– Угу.– Серегину идею он ухватил с ходу. Чем больше следов поведет с места побоища, тем сложнее будет возможным преследователям Днепровский берег здесь – не то что у Хортицы, пологий. И течение ровное. Можно переправиться? Можно. Вот пусть преследователь и гадает: переправили добычу на тот берег или нет.

– Клёст, Чекан, Шуйка! – гаркнул Устах.– Взяли лошадей – и к Днепру. Туда – широко гоните, обратно – цепочкой. Да на берегу не валандайтесь! Наполнили бурдюки – и назад. Свей, Морош, что стоите, разинув рты? Ждете, пока муха влетит? Ну-ка, давайте с мертвяками заканчивайте! Чусок, возьми кого-нибудь и пересыпайте это в переметные сумы.– Варяг небрежно пихнул ногой мешок с золотом.– На мешках, вишь, пометки сделаны. Да в сумках везти сподручней будет.

– А делить? – заикнулся было Морош.

– Печенег тебя поделят! – посулил Устах.– Частей на шесть. Шевелись давай!

Пока синеусый варяг организовывал производственный процесс, Серега старательно шевелил мозгами: что бы такое сотворить для окончательного запутывания возможных преследователей?

Его размышление прервало появление хузар. Лихо осадив коня в шаге от Духарева, Машег швырнул к Серегиным ногам труп еще одного разбойника.

– Ну и что дальше? – спросил Духарев, поглядев на свежего покойничка.

Ничего особенного. Плоская, дочерна загорелая морда, разъявленная пасть с обломками зубов...

– А то, – сердито бросил Машег, – что их двое было. Один ушел!

Вот это было скверно, но ругать хузар Духарев не стал. Видно, что и так расстроены неудачей.

– Там у них табунок был, – сказал Рагух.– Голов на двести. И этих двое. Как нас увидели – сразу бежать. Этого Машег достал, а второй утек. Да и пусть бежит. Одним больше, одним меньше... Может, поймают его кто да кишки и выпустит!

– Вот именно! – буркнул Духарев.– Вы лучше вон туда гляньте! – Он показал на Чуска, пересыпающего монеты из мешка в седельную сумку.

– О-о-о! – Рагух даже забыл закрыть рот.

Тронув коня, он подъехал поближе.

– Что зыришь? Давай помогай! – сказал ему Чусок.

В отличие от соплеменника, Машег с места не сдвинулся.

– Это золото, да, Сергей?

– Золото. И серебро. И утварь.

– Больно много.

Машег – синеглазый красавец, воин в ...надцатом поколении, кровь хаканов, немерено колен благородных предков, но голова у хузарина варила – дай Бог всякому!

– В том-то и дело, – хмуро бросил Серега.

– Это ничего! – Машег блеснул зубами.– Много золота не бывает!

– Зато бывает, что вокруг этого золота много трупов, – заметил Духарев.– Не хотелось бы к ним присоединиться.

Хузарин встрепнулся – понял.

– Поеду-ка я поищу этого пастуха, – сказал он.

– Нет! – отрезал Духарев.– Хрен с ним. Некогда. Надо ноги уносить.

Он вкратце изложил Машегу возможные варианты происхождения золота и свои мысли по поводу ближайшего будущего.

Чусок тем временем закончил перегрузку и занялся дележкой того, что ободрали с мертвых тел. Дело нетрудное, доля каждого известна, если командиры решили бы кого поощрить особо, сказали бы.

К уже предложенным вариантам предполагаемой судьбы серебра-золота Машег

прибавил еще один: дикие хузары золота сами не везли и силой не добывали, а были в сговоре с теми, кто вез. Или с теми, кому везли. Имитировали ограбление – и ищи ветра в Диком Поле! Если этот вариант соответствовал истине, то число осведомленных о деньгах, соответственно, увеличивалось, а шансы варягов выкрутиться – уменьшались.

К сожалению, к даме по имени Истина именно Машег оказался ближе всех.

Глава третья, в которой десятник варяжский Сергей применяет хитрость, именуемую «два зайца»

Понятко и Гололоб прошли по разбойничьему следу до днепровского берега и еще версты две – вдоль реки. Тут след прервался. Вернее, ушел в воду. Понятко пошарил в камышах и обнаружил вспоротую бычью шкуру. Такие шкуры использовали для переправы: набивали сеном, зашивали – и вперед. Держало неплохо, Духарев сам пробовал.

На тот берег парни переправляться не стали, повернули коней и поскакали обратно. Позитивной можно было считать информацию о том, что на этом берегу степняков никто не преследовал. Но в этом Сергей и так был почти уверен: если бы у разбойников на хвосте висели сердитые дядьки, хузары не были бы такими беспечными. Хотя кто их, поганных, поймет? С них станется: зарежут пару-тройку пленников, божков своих в крови выкупают – и считают, что дело в шляпе, ни один враг не отыщет. И надо признать, были случаи, когда не отыскивали. Стало быть, методика работала.

Однако варяги, хоть тоже язычники, к подобным приемам не прибегали, а уж христианину такое и вовсе не пристало. Поэтому Духарев решил сбить погоню более реальной уловкой.

– Я думаю, нам надо разделиться, – сказал он Устаху.

Выслушав Серегины аргументы, Устах признал, что мысль неглупая. Но взять половину добычи и возглавить второй отряд отказался наотрез. Обосновал отказ следующим образом:

– Мне это не нравится!

Все. Точка. Спорить с синеусым после того, как он объявил свое решение, – только время попусту тратить.

Сообща решили: выделить во второй отряд по три человека из каждого десятка. Старшим будет Чусок. Он опытен, и парни его уважают. Позвали Чуска, изложили новый план.

Чусок, подумав, согласился, но сказал, что доли добычи не возьмет. Возьмет пуда полтора серебра, гривен на сто, чтоб, если что, ребятам не обидно было.

Под «если что» подразумевалось: если славные парни Духарев, Устах и остальные пойдут на подпитку вороньего племени.

Царапая ножиками на коже перевернутой сумки, набросали схему движения отвлекающего отряда: подняться вверх по течению Днепра до обжитых мест, там свернуть на восход и краем степи идти к Донцу, точнее, к острожку Крице, возведенному на излучине Донца.

Решили, что второй отряд заберет всех лишних коней и увезет тела разбойников. Тела эти, по хузарскому обычаю, следовало зарыть в землю, но Серега предложил поступить проще: привязав камни, утопить трупы в Днепре. Прямо у берега, на радость ракам и прочей живности. Это тоже был обманный ход. Замаскировать место побоища не получится, так пусть те, кто пойдет по ложному следу, схвалят еще одну обманку. Тот, кто найдет под бережком утопленных, должен сообразить так: кто топил – тот и убил. А кто убил – у того и денежки. А Чусок с парнями пойдут не таясь, без особой спешки, да не в степь, а землями киевских данников. Если хозяин богатства, печенег или иной чужак, сунется на киевские земли – вполне может схлопотать по чавке. А если хозяин – сам киевский князь? Тогда еще лучше. Ну догонит он Чуска – и что дальше? Тот охотно признает, что побил черных хузар.

Служба у него такая – разбойников бить. Да вот беда: и разбойники побили многих – вот и решили возвращаться. Золото? Да не было никакого золота! Вот лошадок степных взяли. Не хочет ли светлый князь лошадок прикупить? Хорошие лошадки-то!

Зная Чуска, можно не сомневаться: врать он будет не хуже скомороха.

А тем временем основной отряд уже потеряется в Дикой Степи. «Ищи ветра в поле» – это как раз о ней и сказано.

Когда набравшее жар солнце повисло над ковыльными метлами, оба отряда двинулись, каждый в свою сторону. Еще раньше в степь умчались разведчики.

Духарев ехал во главе отряда на заводной лошади из трофейных. Лошадка эта попыталась поначалу качать права, кусаться и совершать другие не предусмотренные походным распорядком телодвижения. Но Серега быстренько втолковал ей, что такое хорошо, а что такое – больно, и консенсус был найден. Следом, обремененная переметными сумами, трусила Серегина первая заводная, а слева, налегке, легким галопом – Пепел. Боевого, выученного коня Духарев старался не обременять. Если что, жеребец должен быть злым и свежим.

Справа от Сергея, тоже на заводной, ехал Гололоб, а за ним тянулась цепочка вьючных. Не охотничий отряд, а купеческий караван. Ехали то шагом, то легким галопом, не медля, но без особой необходимости коней не изнуряя. Расчет был такой: через пару дней выйти на тракт, что вел через степь к побережью Азовского – по-здешнему Сурожского – моря. Сергей запланировал так: выйти на Сурож, сбить лишних коней, купить лодью или насад, выплыть к донскому устью, оттуда – к Донцу, подняться вверх до Крицы, объединиться с остальными и идти в северские земли. Это был путь отнюдь не самый близкий, левой задней ногой – через правое ухо. Зато возможную погоню запутает, да и по воде плыть, хоть и против течения, варягам привычно и от разбойничьих шаек безопасно. Таковы были планы, но Духарев очень сомневался, что реализуются они так же гладко, как составились. Это только с виду степь кажется пустынной и бескрайней. А если собрать вместе всех шарящихся по ней любителей приключений и чужого имущества – такая толпа получится, не дай Бог!

Если бы Духареву каким-то образом удалось раздобыть вертолет и поднять его над Диким Полем или, еще лучше, глянуть на степь глазами парящего в бледном небе ястреба, он увидел бы много интересного. В первую очередь, он увидел бы широкую ленту многоводного Днепра и медленно ползущие по ней широкие насады, лодки, струги и прочие торговые плавсредства. Это было обычно и неинтересно. А вот узкие, похожие на быстрых хищных многоножек боевые лодьи, чьи паруса были раскрашены в цвета киевского князя Игоря, снующие от берега к берегу, перевоза крохотных, если смотреть из-под облаков, лошадок и человечков, наверняка заинтересовали бы Духарева.

Но еще больше его заинтересовали бы «плывущие» по степному «морю» крохотные фигурки в войлочных шапках и серых тягилях.

Печенеги. Причем только мужчины. Воины. Вернее, разбойники.

Было их немного, зато путь их лежал в сторону Днепра и неминуемо должен был пересечься с путем варягов.

Это был не единственный воинский отряд печенегов в ближней степи. Еще один отряд ехал вдоль небольшой речки, бегущей к Сурожскому морю, но эти шли на север, и вероятность их встречи с варягами была исчезающе мала. Зато третий отряд, численность которого раз в десять превышала численность поредевшей варяжской ватажки, двигался на юго-восток. Столкнуться с варягами этот отряд не мог, зато оставленный ими след должен был пересечь обязательно. И если этот след заинтересует печенегов...

Но у Сереги Духарева не было ни вертолета, ни крыльев ястреба. Поэтому он мог рассчитывать только на глаза своих дозорных и собственную интуицию. До сих пор этого хватало. Поскольку он еще жив.

Глава четвертая

Стычка

Меньше стало ковыльных метел, больше обычного разнотравья. Трава измельчала – не доставала и до конского брюха. Теперь всаднику открывались приятные глазу просторы: синева неба и зеленые пологие холмы, грядой уходящие к востоку. На одном Духарев разглядел крохотных наездников – своих дозорных.

Здесь, в степи, Серега чувствовал себя не то чтобы одиноким... Незначительным. Слишком много места вокруг. Слишком мало людей. В этих пространствах теряется даже многотысячная орда. Что уж говорить о маленьком отряде? А вот Сладе степь нравилась...

Подумав о жене, Серега вспомнил, как они позапрошлым летом приехали в Полоцк. Как толпился у причала народ, как радовались жены, встречая мужей живыми и веселыми. Вспомнил, как они втроем, Устах, Духарев и маленькая Слада, потерявшаяся между двумя здоровенными варягами, сошли на берег, где их никто не встречал. Сошли и остановились, не зная, куда дальше, чужие среди веселой толпы полочан. А потом из толпы возник сотник Гудым, широкий, громогласный, в обнимку с женой и дочерью, не сводившими с сотника восторженных глаз...

И сразу все вокруг стали своими, и кипящий водоворот толпы, до этого чужой, тоже стал своим, включил в себя троих пришельцев и понес куда-то, то есть не куда-то, а в большой Гудымов дом, шумный от обилия домочадцев и челяди. А затем баня, общая трапеза и наконец торжественный поход к Детинцу, варяги и просто гридни, торжественные представления и – сам полоцкий князь Роговолт, неожиданно молодой, немногим старше Духарева, невысокий, с толстыми синими усами и еще более синими глазами на темном от загара лице. Как они с Духаревым с первого взгляда понравились друг другу, а Устах с полоцким князем оказались даже дальними родичами. Потом – пир, чаши по кругу, много пива, меда и хвастовства. Серега сначала собирался вообще о своих «подвигах» помалкивать, но хитрый Гудым заставил-таки Духарева выложить историю своей схватки с Хайнаром. И Серега неожиданно увлекся, вскочил, стал показывать, как бил Хайнар, как он парировал, атаковал... И слушатели оказались благодарные, понимающие. Все они были воины, профи, для которых не было ничего выше и важнее битвы, и схватка с нурманом из неаппетитной кровавой карусели неожиданно превратилась в прекрасный своим утонченным искусством поединок. А потом слово взял Устах и принялся совсем уж неумеренно расхваливать Серегу, живописуя, как он голыми руками расправился с двумя вооруженными ульфхеднарами ⁴, а потом, раненый, с одним мечом, без щита, зарезал третьего нурмана. И слушатели восхищенно орали, потому что здесь были только варяги и те, кто хотел ими стать. И не было ну ни одного спесивого нурмана! И Серегу заставили показать, как именно он бил волколюдов. И Духарев показал. И еще расколол кулаком деревянный поднос. И никто не смеялся над его «простонародным» способом борьбы, а кто-то из гридней побился об заклад, что тоже развалит кулаком доску. И не развалил, а только ушиб руку, и Серега, смеясь, позвал гридня в гости, потому что жена у Сереги лекарка и вылечить расшибленные пальцы ей раз плюнуть. А Гудым немедленно продемонстрировал вылеченную Сладой руку, разумеется, невероятно преувеличив тяжесть раны, доведя ее чуть ли не до огневицы...

И еще Духарев обратил внимание, что молодой князь почти ничего не говорит и почти не пьет, но слушает очень внимательно.

А когда на небе высыпали звезды, а полоцкая дружина наелась, напилась, накричалась и тоже высыпала во двор охладиться, князь подозвал Гудыма, чтобы сотник привел к нему нового дружинника. И сказал князь, что хочет он что-то сделать для такого славного воина, но одарить его зброей не может, поскольку видит, что зброя у Серегея-варяга отменная. Да и серебра у такого славного воина наверняка вдосталь (Сергей кивнул не без гордости), а

⁴ Ульфхеднар – волк-оборотень.

потому он, Роговолт, дарит Сереге землю внутри городских стен, чтобы тот построил на ней добрый дом и жил там своим родом, с женами и наложницами, и растил сыновей, которых, ясное дело, у такого молодца будет великое множество.

Духарев поблагодарил искренне и не стал тогда «огорчать» князя сообщением о своем христианстве и естественных ограничениях, налагаемых оным на количество жен.

Князь узнал об этом позже, когда собирался поставить Духарева десятником. Узнал и десятником Серегу не поставил. То немного, что полоцкий князь ведал о последователях ромейского Бога, не внушало Роговолту доверия. То есть своего расположения князь Духарева не лишил, но поручить человеку «с дефектом» своих людей не рискнул.

Десятником Серегу поставил уже Свенельд. У воеводы были на Духарева серьезные планы, а религиозными проблемами победитель уличей не заморачивался. Ему служили и христиане, и иудеи-хузары, и поклонники «светлых небес» из степных племен. Кого из божеств считать своим главным покровителем – личное дело гридня. Лишь бы он был толковым воином, не хулил Перуна и правильно понимал Правду.

Духарев Перуна не хулил, но в кровавых оргиях участия не принимал. Не одобрял, но помалкивал. Что делать, если все твои друзья – язычники. Если ни один праздник без крови не обходится. Что говорить о боге воинов Перуне, если даже скотий⁵ бог Волох, которого многие славяне держали в покровителях, тоже человеческими жертвами не брезговал, хотя в последнее время служители его старались приносить ему не девственниц, а девственность. Однако ж при любых неурядицах те же смерды готовы были отдать собственных дочерей, лишь бы не было неурожая. Духарев одобрить это не мог, но понять – вполне. Жили тут не каждый сам по себе, а родами. Индивидуальность, личность не имела значения. Только как часть целого. И если для выживания целого надо отдать богу часть, дочь или сына, – отдавали. Был бы род жив, а дети новые родятся. Голодная зима больше погубит, чем серп жреца. Голод был реальностью и для пахарей-полян, и для охотников-кривичей. Каждый третий год был неурожайным. И хорошо, если только третий.

В этом отношении обитатели Азовского побережья, к которому сейчас двигались варяги, были в привилегированном положении. Пусть засуха сожжет поля, пусть падет скот – рыба в мелком Сурожском море не переведется. Хоть сетями лови, хоть руками. Зимой тут даже овец рыбой подкармливали.

Кабы еще степняков диких к ногтю прижать, был бы тут просто рай.

Вспугнутые лошадьми, взлетели из травы тетерева. Паривший над степью ястреб тут же ринулся вниз, ударил метко...

Кто-то из варягов заклекотал по-птичьи, поздравляя небесного охотника с удачей.

Другой, более практичный, метнул стрелу – и жирный степной тетерев тяжело рухнул в траву. Стрелок, древлянин Шуйка, перенятый Свенельдом из гридней древлянского князя Мала, пустил коня вскачь, свесился с седла и с ходу подхватил сбитую птицу.

– Добре! – зычно поощрил его Устах, и следующую стайку так густо закидали стрелами, будто то были не птички, а печенежская конница.

– Из тетерева уха хороша! – мечтательно произнес Гололоб. – Ежели с корешками да на рыбьей юшке...

– Ша! – Духарев привстал на стременах. Он увидел, как один из разъездов, правый, достигнув вершины холма, внезапно повернул вспять и галопом понесся обратно.

– Стой! – рявкнул Сергей.

Он наблюдал за вторым разъездом.

Так и есть! Взлетев на гряде, двое дозорных тоже развернули коней и понеслись обратно. Один даже, на ходу, переметнулся из седла в седло – на свежую лошадь. Второй на скаку, будто играя, подбросил лук: раз, другой. Условный знак. Две дюжины верховых. Или

⁵ Древнеславянское понятие «скот» включало не только домашних животных, но и любое имущество, богатство.

немного больше. Если это не передовой отряд, то управиться можно. Но всё равно невезуха! И пятнадцати верст не проехали, а уже навалились!

Варяги, остановившись, глядели на своих. Ждали команды. Биться или бежать?

На гребне показались крохотные фигурки – вражеские всадники. Рассыпаясь веером, они помчались вниз.

Дозорные опережали их шагов на четыреста.

Устах подъехал к Сергею, хлопнул по рукояти меча.

Духарев кивнул.

– Разберись! – выкрикнул синеусый.

Варяги тут же изготовились к бою: сменили лошадей, разъехали широко в стороны, проверили луки, сдвинули колчаны поудобнее...

Духарев пересел на Пепла. Почувствовав на спине тяжесть хозяина, жеребец тихонько заржал. Серега коленями послал его вперед, вынул из колчана сразу три стрелы с узкими гранеными наконечниками...

Один из дозорных начал отставать: преследователи обрадованно заверещали. Сразу трое степняков скакали плотной группой, понемногу настигая...

На свою голову!

Дозорный (кто – не разглядеть, но наверняка кто-то из хузар) развернулся в седле и метнул стрелу вверх. Мгновением позже один из вражеских коней взвился на дыбы и опрокинулся. Наездник успел соскочить. А преследуемый тут же прибавил и ушел вперед. Вслед ему полетели стрелы, но попадали в траву, не достав цели.

Сергей тянул сколько мог: очень уж не хотелось драться. Может, увидав остальных варягов и сообразив, что расклад почти равный, степняки струсят?

– Ну, копченые ублюдки, – пробормотал он, – давайте поворачивайте!

Не повернули. То ли они увлеклись, то ли – от избытка наглости – сочли варягов легкой добычей. Что ж, пеняйте на себя!

Духарев набрал в грудь побольше воздуха – пронзительно засвистел и бросил Пепла в галоп.

Все варяжские кони разом рванулись вперед, в полную силу. Всадники припали к холкам.

Тугой воздух бил в лицо. Серега наклонил голову пониже, чтобы ветер задувал под ворот и охлаждал спину. Ковыльные метлы хлестали по сапогам, глухо били в землю копыта, толкая вперед и вверх могучее тело жеребца, подбрасывая привставшего в стремях всадника. Это была не просто скорость. Как будто мощь коня перетекала в человеческие мускулы. Восторг, азарт, кайф!

Но нынче Серега не имел права растворять мозги в кайфах. Он обязан был думать. За себя и за своих бойцов. Обязан был четко осознавать происходящее, предугадывать возможную опасность: вдруг дозорный ошибся, и врагов намного больше? Вдруг сейчас вывалит из-за холмов целая сотня степняков – и что тогда?

А тогда надо сунуть ярость, азарт, сладкое предвкушение битвы куда подальше, развернуться на сто восемьдесят и, как выражается Понятко, «тикать во все четыре копыта». И позаботиться, чтобы все его парни тоже развернулись и удирали, как припеченные. И тот, кто думает, что для этого достаточно разок свистнуть, – глубоко ошибается. Попробуй заверни того же Мисюрка, когда у того перед дракой крышу начисто сносит и в пустой башке ничего не остается, кроме этой самой будущей драки! Боевая ярость мозги отшибает почище сушеных мухоморов. В первую очередь чувство самосохранения.

Нет, никто больше не выскочил из-за холмов. Но еще не факт, что там никого нет. Степную повадку: цапнуть, отбежать – и заманить в засаду – Серега уже изучил во всех подробностях. Кровью за науку плачено. Поэтому летит Серегино тело в бой, пластается над степью вместе с бешеным конем, с трудом удерживая рвущийся из груди крик предвкушения битвы, а сознание – оно где-то сбоку, замечает, отслеживает, прокачивает ситуацию через мозговой компьютер, как бы минуя кипящее адреналином тело...

Нападающие скатились с холма. Уши резанул пронзительный визг. Так не визжит даже распаленный жеребец перед дракой. Так мерзко верещат только копченые!

Кто-то из варягов ответил низким турьим ревом, кто-то завыл по-волчьи...

Сергея вдыхал острый запах конского пота, теплый ветер раздувал усы, облизывал щеки...

Дозорные – они уже были ближе к своим, чем к степнякам, – резко повернули коней почти под прямым углом, натянули луки...

Ф-фыр-р! Ф-фыр-р!..

Ушли в небо красноперые стрелы... Один из печенегов вылетел из седла, еще один...

Остальные перестали визжать, приникли к конским холкам, рассыпались в стороны. И вот уже они один за другим поднимаются над лошадиными спинами, вскидывают луки... В воздухе зарябило от стрел, но оба отряда, вернее, две растянувшиеся цепочки всадников продолжали сближаться.

...Сергея видит, как ближайший к нему всадник, на полном скаку, встав почти во весь рост, посылает стрелу за стрелой. Духарев слышит, как эти стрелы рвут воздух совсем близко, но ни одна не задевает ни его, ни Пепла.

Когда печенег сует руку в колчан, Духарев тут же привстает на стременах и, почти не целясь, одну за другой, выпускает три стрелы.

Мимо. Зато степняк после первого же выстрела съезживается, припадает к гриве... А кони летят навстречу друг другу, стремительно сближаясь...

Духарев торопливо сует в чехол лук, вытягивает меч, бьет пятками жеребца. Быстрее, еще быстрее...

А его противник, наконец сообразив, что рукопашная – не его профиль, резко осаживает коня.

Хлесткий удар тетивы.

Пепел прыгнул в сторону, не дожидаясь команды всадника, и тут же снова прыгнул вперед. Обученный для боя конь дорогого стоит – две стрелы ушли в «молоко». Третью Духарев лихо отшиб мечом. Нервы у степняка не выдержали. Он рывком развернул лошадь, уже в повороте выстрелил еще раз – опять промахнулся, хлестнул свою лошадку... Но Пепел, разогнавшийся, уже ее достал, и Сергей, привстав на коротких стременах, смахнул печенежью голову в войлочной шапке. Легко, словно лозу срубил. И тут же оглянулся, выискивая нового врага.

Враг, как мгновенно выяснилось, тоже его искал.

У затылка, едва не чиркнув по шлему, пропела стрела.

Духарев резко осадил, и следующая стрела прошла перед мордой Пепла. Разворот... Вот ты где, голубчик!

Ухмыляясь во весь рот – с тридцати шагов степняк муху к кизяку пришпилит, – печенег выпустил еще одну стрелу. Духарев не глазами, шестым чувством уловил, куда целит враг, резко наклонился – и смерть прошла над головой.

Вот наглец! В лицо метит!

Прижавшись щекой к жесткой гриве, Духарев мчался вперед. Пары секунд ему хватило, чтобы оценить противника и понять, что тот, отменный стрелок, не станет бить в коня, уверенный, что непременно достанет всадника. Ну, поглядим!

Духарев так плотно приник к Пеплу, что только стальной шлем виднелся между ушами жеребца. Да еще рука с мечом, занесенная для удара.

Стрела ударила в основание клинка с такой силой, что Серегину руку отбросило назад. Печенег закинул руку, выдергивая из колчана новую стрелу, но Духарев уже был рядом. Меч взлетел и опустился. Полетели в траву две половинки лука, которым степняк (наивный!) попытался отбить булатный клинок. Меч с хрустом просек пропитанный солью тягилай. Конь печенега шарахнулся, его хозяин вывалился из седла и остался лежать, судорожно дергая конечностями. Духарев уже забыл о нем, выискивая новых врагов.

Но их не было.

Около дюжины оставшихся в живых печенегов рассыпались по степи, спасаясь бегством. Примерно столько же варягов скакали за ними. Преследовали.

«А вот это совершенно лишнее!» – подумал Духарев и высвистел сигнал: «Все ко мне!» Печенег и убегая может метнуть стрелу. И попасть, что характерно.

Свист хорошо слышен в степи. Варяги один за другим прекратили преследование. Все, кроме одного. Этот на скаку выпустил стрелу – и удирающий печенег свалился. Его конь тут же остановился, готовясь защищать хозяина, но стрелок (это был Машег) отложил обдиранье трупа на потом и галопом пустился на зов. Понятие дисциплины было не чуждо благородным хузарам, хотя иногда трактовалось ими весьма вольно.

Съехались.

– Рагух, что за холмами? – первым делом спросил Духарев.

– Других не видал. – Хузарин правильно понял вопрос.

Убегающие печенеги превратились в черные точки. Вряд ли они вернутся. Не было случая на Серегиной памяти, чтобы разбойничья шайка вернулась, получив по чавке. Разве что с подмогой.

Сергей спрыгнул на траву, приласкал Пепла. Огляделся, пересчитал своих и помрачнел. Подъехал Устах, тоже спешился.

– Цел?

– Как видишь.

– Надо бы наверх подняться, глянуть, как оно там.

– Я поднимусь, – кивнул Духарев, свистом подзвал заводную, взобрался в седло. Тело уже расслабилось, но сердце колотилось быстро-быстро. Обычное дело после боя.

Уцелевшие варяги съезжались к командирам.

– Устах, раненые – на тебе. Машег, Гололоб – со мной! – скомандовал Сергей. И направил лошадь к ближайшему холму.

Глава пятая

Неожиданная «находка»

На вершине холма стоял обгрызенный ветрами каменный истукан. Рагух сплюнул метко, попав истукану в выпуклый пористый глаз. Удостоился неодобрительного взгляда со стороны Гололоба. Ухмыльнулся.

По ту сторону холмов лежали еще холмы. Трава – как шелковистая шерсть на спинах исполинских зверей.

Гололоба прозвали Гололобом потому, что надо лбом у него не волосы росли, а бугрился широкий шрам от ожога. В дальнем походе плеснули со стены кипящим маслом. Повезло, что в глаза не попало. Если не считать этого малого дефекта, Гололоб был муж хоть куда. Силач, красавец, воин отменный. Но с хузарами постоянно пикировался. Не то чтобы Гололоб их недолюбливал, скорее – дух соревнования.

– Ты руку перевяжи, кровь капает. – Рагух показал на Гололобово предплечье.

– Ах ты, песий бог! – Гололоб поддернул рукав. – Не заметил!

И полез здоровой рукой в седельную суму за льном.

– А ну покажи! – забеспокоился Духарев.

– Нет, пустяки. Стрелой царапнуло. – Гололоб плеснул из фляги на рану (антисептика, блин!) и одной рукой умело намотал льняной лоскут.

Истукан взирал на людей с мрачным терпением; дескать, когда ваши косточки истлеют, я все еще буду тут стоять.

«Да, – подумал Серега, – место хорошее. Все видно и отовсюду видно». Такие места обычно выбирали для погребальных курганов. Очень возможно, что в ногах идола покоится прах древнего вождя. Тем не менее идола никто не трогал. И старых курганов, кстати, никто из нынешних степняков не потрошил. Даже самые отмороженные воздерживались от

грабежа чужих могил. Это потом, лет через тысячу, прикатят сюда «цивилизованные» археологи, ученые, мать их так, срежут макушку бульдозером, выпотрошат могилку, разложат косточки по коробочкам с надписями, свезут на музейный склад. А то и пепельницу сварганит какой-нибудь весельчак из бурого черепа древнего вождя. И будут многоученные кореша археолога, за партией в преф, пихать в череп окурки да скрученные шкурки от воблы. И обзывать дикарями тех же печенегов, которые, дескать, кумыс пили из вражеских черепов. Ну да, пили. И детей поили. Но при этом, надо отметить, врагов убивали собственноручно и чаши из черепов делали не для их посмертного унижения, а совсем наоборот. Чтобы доблесть вражескую наследовать. Дикари, ясное дело! У них, наверное, и граненых стаканов не было. Вот и пили из чего ни попадя. А вот плевательницу из черепашки сделать – слабо?

– Глянь, Серегей, там вроде рошица? – отвлек Духарева от мрачных размышлений Гололоб.

– Река там, – уточнил Машег.

– Откуда знаешь?

– А ты на зелень погляди!

Гололоб спорить не стал: Машег лучше знает, он в степи родился.

– Поедем глянem?

– А что на нее глядеть? – удивился хузарин. – Вода есть – и хорошо. Там и заночуем. Так, Серегей?

Духарев кивнул.

– Поехали обратно, – сказал он. – Вроде все чисто.

– Ну-ка, стой! – неожиданно проговорил Машег. – Вроде пачинаки⁶?

Сергей прищурился, ага, точно! Два всадника! Правда, на таком расстоянии определить их племенную принадлежность Духареву было не по силам. Зато он углядел что-то светлое (мешок, что ли?), волочащееся по траве...

– Да пес с ними, с копчеными! – проворчал Гололоб. – Нехай бегут!

– А что это за ними тащится? – спросил Сергей.

Машег тоже прищурился...

– Полоняника волокут! – заявил он уверенно.

– А ну-ка...

Духарев пихнул каблуками лошадь и поскакал вниз по склону. Машег тут же его обогнал, полетел впереди, все более увеличивая разрыв. Конь у него был лучше Серeginого, да и наездником хузарин тоже был лучше, чем Духарев, лишь несколько лет назад впервые севший в седло.

Гололоб поравнялся с командиром, но гнать сломя голову не стал. Скорее шакал волка загрызет, чем Машег не управится с двумя печенегами.

Степняки заметили погоню. Тот, который волочил пленника, моментально перерезал веревку, и оба печенега припустили галопом. Хузарин тоже нагнал.

– Машег! – взревел Духарев. – Брось их!

Хузарин услышал, придержал коня. Но скорее всего, не от дисциплинированности, а просто потому, что решил поберечь силы.

Пленник печенегов лежал, неловко подобрав под себя связанные руки и уткнувшись лицом в землю. Смуглая спина изодрана и посечена травой, длинные черные с проседью волосы спутаны и подпалены.

Варяги спешили.

Гололоб неделикатно, носком сапога, поддел лежащего и перевернул на бок. Тот застонал, попытался открыть глаза, но не смог. Лицо его выглядело так, словно над ним минут десять работал боксер-профессионал.

⁶ Печенеги.

– На болгарина похож, – авторитетно заявил Гололоб.

Духарев хмыкнул. Больше всего бедолага был похож на сырую отбивную.

– Парс! – возразил Машег, разогнул пальцы связанного и показал у него на ладони красное пятно: то ли краску, то ли татуировку.

– Добить, командир? – деловито осведомился Гололоб.

– Уверен, что мы для этого его у печенегов отбивали? – иронически осведомился Духарев.

Гололоб пожал плечами.

– Дак он же не из наших! – сказал он с полной уверенностью, что это достаточный довод, чтобы прикончить пленника. – Да и не отбивали мы его...

Пленник зашевелился.

Сергея молча отстегнул фляжку и поднес к губам связанного.

Тот присосался к горлышку, как теленок к вымени. Разом выдул половину. Вздохнул, снова попытался разлепить веки, не смог.

– Благодарю тебя, добрый человек, – прошептал он по-славянски.

– Мы – варяги, – сказал ему Духарев. – Мы тебя не бросим, не бойся!

Гололоб хмыкнул. Машег пробормотал что-то по поводу мягкосердых почитателей Христа.

Поступок командира оба не одобрили. Их гуманизм в отношении чужаков не распространялся дальше «прибить, чтоб не мучился». И это было правильно. По местным традициям. А Сергею вдруг очень захотелось помочь незнакомому бедолаге. Может, потому, что он еще не изжил до конца старую мораль, может, потому, что Духареву просто надоело убивать. Захотелось, наоборот, подарить кому-то жизнь. Не из христианского человеколюбия. Просто так.

Кривой засапожный нож легко перерезал ремни, Духарев подхватил незнакомца на руки и уложил поперек седла. Бедняга скрипнул зубами, но удержался, не застонал.

В стычке с печенегами варяги потеряли двоих. И еще трое были серьезно ранены. Легко раненных, вроде Гололоба, было с полдюжины, но легкие раны значения не имели.

Двое из Устахова десятка уже копали яму под костерок. Устах, признанный в ватажке костоправ, раскладывал инструменты.

Впрочем, один из «серьезных», раненный в шею Мисюрок, ухитрился «помочь себе сам». Вырвал стрелу, продырявившую мышцу, и, вместо того чтобы заняться раной, снова полез в драку. В результате потерял столько крови, что еле на ногах стоял.

– Ты что, нурман? Берсерк? – отругал его Духарев. – Горячка начнется – что с тобой делать? Герой! Без тебя не управились бы, да?

Мисюрок криво ухмылялся. Полагал он себя именно героем, а не недоумком. Еще бы! В гуслярских сказах настоящие герои именно так и поступают. Сольют пару литров крови – и дальше скажут. А потом такие вот сопляки, даже не перевязав раны, снова кидаются в бой... и через пять минут валяются под копыта коней.

– И кто тебя только учил, дурня! – ворчал Сергей, накладывая повязку.

– Десятник черниговский Дутка! – не без гордости ответил парень.

– Знаешь такого?

– Встречал, – буркнул Духарев.

В Чернигове они с Устахом гостевали в прошлом году и составили о тамошней дружине не слишком высокое мнение. Сомнительно, что в приличного бойца Мисюрок вырос в Чернигове. Скорее уж – когда в отроках у Свенельда ходил.

Устах обрабатывал бок второго раненого.

– Подержи-ка его, – попросил он Духарева, но раненый, его звали Вур, даже обиделся.

– Ты давай режь, старшой! – закричал он сердито. – Что я тебе, девка? Вытерплю!

– Как знаешь. – Устах зажег масло, прокалил в огне нож и хитрое приспособление для вытягивания стрел, похожее на кривую ложку.

Разрез Вур перенес бестрепетно, но когда Устах полез ложкой в рану, дернулся в сторону. Духарев вмиг придавил его руки к земле...

– Я сам! – прохрипел раненый. – Не держи меня!

И точно, больше не дрогнул, только скрежетал зубами да поминал нехорошими словами печенегов, степь и своего лекаря-мучителя.

Устах на ругань не реагировал, аккуратно вытянул наконечник, оглядел – не отравлен ли? – отложил в сторону. Наклонившись над раной, из которой обильно струилась кровь, принюхался, обмакнул палец, лизнул...

– Вроде требуху не порвало, – пробормотал он и принялся пучками запихивать в рану покрытый плесенью мох. Мох выглядел отвратительно, но собран и «приготовлен» был по рецепту Серегиной жены и пользовался у варягов заслуженным доверием.

У второго раненого печенежская стрела продырявила плечо, перешибла кость и вышла с другой стороны, упершись в кольчужный рукав. Вытащить ее было просто. Устах отломил наконечник, смазал древко маслом да и выдернул. Сложнее оказалось «составить» кость. Бедного парня держали вчетвером, а он бился и кричал, позабыв, что он – варяг, которому непристало даже жаловаться на боль.

Управились. Закрепили руку в лубке.

– Другой раз я его не возьму, – сказал Устах, вытирая окровавленные руки.

Парень был из его десятка.

Духарев кивнул, соглашаясь. Жаль, конечно, бился бедолага неплохо.

Мимоходом подумал: «А сам я? Вытерпел бы или тоже орал и вырывался?»

Года два назад, точно, орал бы. А теперь? Теперь бы, наверное, терпел. Во-первых, положение, как говорится, обязывает. Во-вторых – еще и рёреховская выучка имеется. Старый варяг сам боли вообще не замечал и ученика своего великовозрастного тоже кое-каким упражнениям научил. Правда, упражнения – всего лишь упражнения. Проверить, как это все сработает, когда у тебя в кишках начнут пальцами рыться, случая пока не выпало. Надо признать, Серега по этому поводу не особо печалился.

Последним осмотрели найденыша. Оказалось, не такой уж он покалеченный. Так, «повреждения мягких тканей», как любил выражаться спортивный врач в Серегиной «той» жизни, обследуя, скажем, раздувшуюся после доброго пинка мошонку.

После обработки чужеземец даже ухитрился разлепить один глаз. Но – помалкивал. Его, впрочем, и не допрашивали. Успеется.

Обоих убитых завернули в попоны и погрузили на лошадей. Печенегами пусть зверье подкормится, а своих полагалось предать огню. Но – степь. Дым на сотню верст просматривается. Однако у Сереги появилась полезная мыслишка. Если речка окажется достаточно глубокая...

Глава шестая

Ночь у неведомой реки

До реки добрались уже на закате. Речушка оказалась не такая уж мелкая, чистая, с каменистым дном и купами лохматых верб вдоль низких берегов. Раненым в тени поставили шатер, прикрыли вход шелковым пологом, чтоб насекомые не досаждали. Для погибших связали квадратный плот, тела обложили ветками. Вместо медвежьей лапы, что клали по славянскому обычаю, дали покойным луки со стрелами да по длинному ножу. В ноги погибшим бросили двух связанных печенегов, взятых живыми и не добытых на месте именно для этой цели. По варяжскому обычаю, они должны были «сопровождать» уходящих за Кромку, чтобы видели духи: истинные воины в Ирий идут. Печенегам перевязали раны и дали воды: чтоб дотянули до рассвета.

Пока остальные готовили в смертный путь погибших братьев, Духарев и хузары, которым языческие церемонии отправлять было не положено по вере, занимались делами менее возвышенными – стряпали.

После ужина, по заведенному Сергеем обычаю, сели в кружок, провели «разбор полетов». Сошлись на том, что ошибок не было. А что потеряли троих против четырнадцати побитых печенегов, так это очень даже хороший результат. Особенно если вспомнить, к примеру, какой была их первая стычка с печенегами у хортицких порогов. Вот когда была мясорубка!

Из восьми варягов (один – в дозоре, один – на страже у павших, трое раненых – в шатре), сидевших сейчас на песочке у костерка, ту схватку помнили все, кроме хузар, которые пришли в ватажку позже. Все восемь там были, все выжили, и все потом долго еще удивлялись, что выжили.

Сергея тоже помнил ту стычку очень хорошо. И слава Богу, что мог помнить, а не лег там, у хортицких порогов...

* * *

Месяца не прошло, как они пришли из Полоцка. Три больших десятка, сорок человек, считая сотника.

Пришли они по слову князя Роговолта, но вызвались все сами. Сергей тоже был добровольцем. Заскучал он в Полоцке. Для выходца из мира ТВ и компьютеров жизнь провинциального гридня скучновата. Тем более что и политиком, и воином Роговолт был умелым, с соседями жил если и не в большой дружбе, то уж уважением пользовался. Так что никто на Полоцк хищного клюва не разевал. А при таком раскладе жизнь гридня довольно однообразна. Тренировки, охота, пиры. Для женатых – еще и хозяйство. Двор, дом, челядь и прочее. Хозяйством, впрочем, ведала Сладислава, чему Сергей был откровенно рад.

К списку развлечений дружины относились также недаленые походы: посещение соседей, полюдь. Сбор налогов и демонстрация силы одновременно. И суд, конечно. Князь, тиуны, старшие бояре занимались решением социальных проблем, а дружина осуществляла, так сказать, силовую поддержку.

Выглядело это следующим образом.

На рыночной площади какого-нибудь городка выбиралось местечко, где навозу поменьше. На нем устанавливался деревянный княжий трон, который возили с собой специально для этой цели. Пониже, на скамеечках, рассаживались ближние бояре, а дружина, в полном боевом, выстраивалась вокруг. И начинался княжий суд.

Звучало круто, но на деле... На деле это обычно выглядело куда более прозаично.

Допустим, голова вольной охотничьей ватажки Шкуродер взял у огнищанина Пупырки-Жадюги снасть и припас в размере... (долгое и подробное перечисление) под треть будущей добычи, которая составила... (подробное перечисление). И вот, по заявлению кредитора, вышеуказанный Шкуродер, нехороший человек, сволочь поганая, представил только четверть.

«Сам ты сволочь поганая, нехороший человек и жаба мелкая, болотная! – степенно отвечает Шкуродер. – Всё мы тебе, пасти ненасытной, пиявке, опарышу трупному, отдали! А тебе все мало! – (Князю.) – Хочет он, чтоб мы по миру пошли, чтоб дети наши...»

«Ах ты, блоха собачья, червяк навозный, помет сорочий! – с достоинством перебивает кредитор. – Как же это всё отдали, если...»

Засим следует еще длинное перечисление, что именно отдали ватажники с указанными расценками, дефектами поставленной продукции и уничижительными эпитетами в адрес поставщиков.

На что незамедлительно следует ответная речь Шкуродера, в которой подробно перечисляется отданное Пупырке, но оценивается отданное существенно выше, дефектов значительно меньше, а вот эпитетов, сопровождающих имя почтенного кредитора, существенно больше. Вспоминаются и недопоставки продуктов и снаряжения со стороны Пупырки, а также дефекты этого снаряжения, по мнению ватажного головы, вызвавшие уменьшение добычи и напрямую связанные с происхождением Пупырки от дохлой щучки,

совокупившейся со свиным пометом, изрыгнутым в чистую реку вышеупомянутым Пупыrkой.

Когда стороны созревают до того, чтобы от словесных действий перейти к рукоприкладству, следует грозная реплика князя, и тяжущиеся стороны моментально перестают осыпать друг друга бранью, а их сторонники, соответственно, перестают засучивать рукава. А если не перестают, то пара-тройка княжских отроков, выполняющих функции судебных приставов, быстренько навешивает буянам тренделей, оттаскивает их за ноги куда-нибудь в тени – и суд продолжается.

Начинается опрос видаков. То бишь свидетелей. И опрос этот вполне может затянуться часов на десять, поскольку считается, что чем больше у судящегося свидетелей, тем лучше, а диспут по поводу какого-нибудь мотка гнилой пеньковой веревки ценой меньше мелкого резана может длиться бесконечно.

Поначалу Духарев удивлялся терпению князя, молча выслушивающему диспут о том, как сказывается удар палкой, полученный забредшей в чужой огород (по другой версии – просто прогуливавшейся по улице) свиньей, на стоимости и вкусовых качествах окорока, изготовленного из этой свиньи двумя месяцами позже. Но потом Серега сообразил, что князь не столько слушает доводы, сколько изучает тяжущихся и общественную реакцию на их слова. А заодно определяет обеспеченность местных жителей и психологическую обстановку в городке. И слушает очень внимательно, поскольку в горячке дискуссии выбалтывается информация, которую в ином случае диспутанты держали бы при себе.

Решались же сами споры, как правило, не по показаниям свидетелей, а на основании личного знакомства князя с характерами сутяжников.

– Ты, Пупырка, три лета тому у ватажников тож лишнего требовал, – строго напоминал князь. – Довольно тебе.

И вопрос был решен. Так сказать, по прецеденту.

Если же судья с биографиями спорщиков был знаком слабо, а доводы с обеих сторон были примерно одинаковыми по громоздкости, призывался местный тиун, или староста. За кого поручится – тот и прав.

У Роговолта было чему поучиться. Если бы Духарев метил в княжьи тиуны, он, несомненно, внимал бы князьему суду с жадным вниманием.

Но Серега, который даже ведение собственного хозяйства переложил на хрупкие плечи жены, от подобных споров впадал в ступор, как лягушка – от мороза.

Были, конечно, и другие судебные дела. Попроще. Например, убийства. Тут расклад был четкий. Труп, свидетели, преступник, признание преступника. Если все присутствовало, князь определял головное (родственникам пострадавшего) и виру (себе). Если не хватало какой-нибудь детали, допустим, преступника, то виру выплачивала община или конец, на территории которого произошло убийство. При таком раскладе, то есть когда простые граждане были кровно, кошельком, заинтересованы в поимке убийца, у того было совсем мало шансов сбежать. А если он все-таки сбежал, то ловили его всем миром и с большим энтузиазмом. Дружина в этом участвовала, только если убийца оказывался слишком крут для непрофессионалов. Например, заезжий рубака-свей. Но такой случай Духарев наблюдал всего один раз, и то поставленный перед князем свей мгновенно повинился и заплатил, сколько сказали.

В общем, тоска.

Конечно, пиры и охота скрашивали жизнь бедных воинов. Охоту, однако, Серега любил не всякую. Вот медведя взять – это по нему! Но любой серьезный зверь считался «князьим», и его обычно заваливал сам Роговолт, прочие – не лезь! А три часа гонять за каким-нибудь перепуганным оленем – извините! Что же до пиров... Кушали гридни, конечно, вкусно и сытно. И скоморохи их развлекали, и гусяры. Но скоморошья шуточки, от которых катались от хохота дружинники, были, на взгляд Сереги, довольно тупыми, а откровенная лесть по отношению к князю – вообще тошнотворна. Тех же скоморохов если и смотреть, то не в хоромах, а на рынке. Когда они не жопу князю лизали, а пародии на него

корчили. Но скоморохи – это еще ничего. Вот гусяры-сказители – это вообще полный облом. Припрется какой-нибудь одноглазый дедушка да как затянет сипло, на одной ноте, под монотонный трень-брень, да как попрет словесным поносом...

Прерывать гусяра считалось дурным тоном. Тем более что народ это был злопамятный и запросто мог обкакать обидчика... в тереме другого князя. К тому же половина гусяров – чьи-нибудь согладатаи.

Посему занудного певца воспитанные полоцкие дружинники редко выкидывали с крыльца. Чаще хвалили и подносили чашу за чашей. Надерется и уснет. И не будет мешать дружинникам самим петь любимые песни.

На памяти Духарева только один гусяр обладал музыкальным слухом и голосом и ушел не только с полным брюхом, но и с полным кошельком.

Была у Сереги еще одна проблема. Посерьезней. Девки. Те самые, которые на дружинных пирах обязательно присутствовали и у которых Духарев вызывал естественный здоровый интерес. И надо признать, при всей любви Сереги к жене интерес этот бывал не только односторонним. Но – увы! Все содеянное мужем на стороне непременно доходило до Сладиславы. Нет, никаких сцен она мужу не устраивала и ни словом не попрекнула. Только огорчалась. А огорчать ее Духарев совсем не хотел, но...

В общем, когда поступило предложение двинуть на юг, Духарев не без радости согласился. Но согласился бы он в любом случае, поскольку на юг, десятником, уходил Устах, а не поддержать в опасном деле лучшего друга Серега просто не мог. Вот они и пошли.

Глава седьмая

Ночь у неведомой реки (продолжение)

Пришло их от Роговолта сорок человек. И еще шесть десятков дал Свенельд. И велел, чтобы шли вдоль берега до Хортицкого волока, а ежели кто попадется из степняков – били без пощады.

Духареву воевода великого князя Киевского, а теперь и сам князь уличский и древлянский Свенельд сразу понравился. Правильный мужик. Одного замеса с Роговолтом полоцким. Варяг, опять же.

Правда, в немалой Свенельдовой дружине варягов было немного. Да и опытных воинов тоже было немного. Нелегко дались примучивание улечей и расширение подданных Киеву территорий. Служили Свенельду в основном парни молодые, отроки, самых разных племен, не шибко опытные, но азартные, и – всадники. А это в степи – половина успеха.

В полоцкой же дружине варягов больше половины, а из остальных большая часть – опытные гридни. Но наездники из полочан – не очень. Даже среди варягов, поскольку природных варягов, синеусых, было всего четверо, считая вождя. Те же, кто вошел в Перуново братство по клятве, а не по рождению, с коня, конечно, не падали, но пронырнуть в галопе под лошадиным брюхом, уходя от стрел... Нет, такого они не осилили бы.

Поначалу Сереге новая служба показалась развлечением. Степняков он видел только на торжках, и они не казались ему такими уж опасными противниками. В сравнении с теми же нурманами – вообще задохлики. И ненависти к степнякам он тоже не испытывал. Слышал, конечно, о сожженных селах, зарезанных купцах, о замученных да угнанных в полон... Но полагал, что это обычное дело. По нынешнему времени. С другой стороны, сама служба казалась нужной и почетной. Охрана границ государства, защита мирного населения... Ну и добыча, опять-таки, предвидится. Свенельд, муж государственный (как показалось Духареву), внятно поставил им задачу. Сказал, что верит в них и надеется на их доблесть. Не забыл напомнить о том, чтобы заглядывали в кошельки побитых разбойников: наверняка там сыщется дюжина-другая ромейских монет. Короче, воодушевил.

От Киева шли весело. Правым, степным берегом. Правда, степь тут была еще не степь: рощи, перелески. Не такой густоты, как на севере, но зато иным дубам лет по триста, не

меньше. Богатые места. Зверь, птица, рыбу руками ловить можно... Одним словом, с удовольствием шли. Аж до самого славного острова Хортицы. Не встречая никаких степных разбойников.

Как теперь понимал Духарев, большинство степняков загодя уходили с пути сильного отряда. И дозорных не трогали, чтоб не настораживать. Много раз славяне натыкались на теплые еще следы, угадывали, что степняки уходили в спешке,— и исполнялись уверенности: «Ишь как нас боятся!» И потеряли бдительность.

С Духарева, впрочем, в те времена был невелик спрос, поскольку ходил он тогда даже не в десятниках, а лучшим гриднем в десятке Устаха.

Большая вина лежала на вожде, сотнике. Природный варяг, опытный воин, бившийся на море и на суше, степи он совсем не знал, хотя и ходил в молодости с Олегом на юг щипать ромеев.

Степняки же не просто бежали с их дороги. Скорее, отступали, попутно присматриваясь. По ночам сторожевые псы не раз и не два поднимали тревогу. Поначалу. Потом перестали. И скорее всего, потому, что печенежские лазутчики наловчились обманывать собак: заходить с подветренной стороны, отшибать чем-нибудь едкий человеческий запах...

Это Сергей понимал сейчас. Тогда он вместе с остальными и в ус не дул, полагая, что перед их «непомерной» силой все чужое бежит в ужасе.

Взяли их до рассвета. Удобный лысый пригорок на днепровском берегу, где славяне расположились на ночь, был бы очень хорош, если, к примеру, пришлось бы отбивать атаку нурманов или наскок белоголовых карел. Но в данном случае пригорок оказался ловушкой.

Часовых, у костров, срезали первыми выстрелами.

Лавина степняков с визгом и воем захлестнула беспечный лагерь. Выплеснутая из кожаных ведер вода с шипением хлынула в костры. Славян кололи, секли, топтали копытами. Белые рубахи и белые тела ратников Свенельда выдавали их даже в слабом свете звезд. Отроки вскакивали, заполошенно размахивая мечами,— и падали от точных ударов невидимых всадников.

В этой, первой атаке Духарев уцелел только потому, что умел биться в темноте, вслепую. И еще благодаря самообладанию.

Разбуженный визгом, криками и конским топотом, он не вскочил всполошенно, а, наоборот, прижался к земле. Сработал в нем какой-то глубинный прежний рефлекс человека, слышавшего грохот автоматных очередей: не бежать, вслепую рубя мечом, а вжаться, распластаться и тихонечко, ползком, от бугорка к бугорку...

И Серега пополз. Медленно, волоча за собой сверток с амуницией.

Совсем рядом лупили вплотную землю копыта. Слышался то взвизг стали, то влажный хрупающий звук разрубленной плоти, то короткий сиплый вскрик... И сразу с другой стороны — дикое ржание раненой лошади, злобный гортанный возглас...

Темная тень заслонила звезды, пронеслась сверху, обдав острым духом лошадиного пота, тяжело ухнули копыта, комочки земли осыпали Серегину голову... Удар, вопль...

«Копьем»,— машинально отметило сознание. Натренированное, оно вычленяло звуки, запахи, сотрясения почвы... Бой кипел рядом, в двадцати шагах. Не бой, а бойня. Серега мог бы вскочить, ударить снизу в конское брюхо, полоснуть по ноге всадника... Но в этой каше его сразу сшибли бы и затоптали. Не то чтобы он испугался... Просто чувствовал, что это не его бой. Бой по чужим правилам.

Воин же, как учил его старый битый варяг Рёрах, должен сам выбирать место для битвы. Если не хочет умереть на чужом.

Когда Серега отполз достаточно далеко, то рискнул привстать и натянуть доспехи. Он делал это медленно. Частично из осторожности: не привлечь внимания; частично, может, потому, что понимал: облачившись, придется идти туда, в кровавую кашу, где вертелись

черные всадники и мелькали белые пятна – свои.

Время как будто замедлилось, звуки удалились...

– И-и-и-ё-ё! – Печенег вылетел прямо на него, ударил, промахнулся, поднял коня, норовя затоптать.

Духарев моментально отпрыгнул, перехватил левой рукой печенегово копьё, рванул, но хитрый степняк выпустил оружие и умчался, вмиг растворившись во тьме.

Сергей сплюнул на ладони, вырвал пласт дерна, окунул руки в землю и размазал грязь по лицу. Подхватил оружие... Как раз вовремя. Еще один всадник, черная тень, пронесся мимо... Н-на!

Трофейное копьё вышибло печенега из седла, конь умчался, а всадник... Духарев не стал разбираться, что с ним. Он уже бежал обратно, в лагерь.

Под ногами что-то блеснуло. Сергей наклонился, подхватил на бегу оброненный кем-то меч, с двумя клинками врезался в свалку... И тут же услышал зычный голос Устаха, созывающего своих. Через мгновение они уже стояли спина к спине. А еще через мгновение к ним присоединились другие, и сразу стало повеселей, но степняки, почуяв, что резня вот-вот превратится в битву, тотчас покинули поле боя.

В общем, в этой, первой атаке славяне потеряли больше тридцати человек. И всех лошадей. Перебив пастухов, степняки угнали табун в степь.

Сергею никак не хотелось верить, что он потерял Пепла. Целый час он бродил в темноте, звал, свистел... Напрасно.

А когда начало светать, им всем стало не до коней.

До рассвета, конечно, никто из славян не уснул. Перевязывали раны, оценивали потери... И думали, что все уже кончилось.

Не тут-то было!

Едва ночную тьму сменили предрассветные сумерки, степняки появились вновь.

И началась кровавая карусель.

Юркие всадники замельтешили в высокой траве, градом посыпались стрелы.

Славяне пытались отстреливаться – у них были хорошие луки, особенно у варягов, но так вышло, что внизу, где скакали печенеги, было темнее, чем наверху, где залегли славяне. А степняки били навесом – и очень метко. У Свенельдовых воинов были большие овальные щиты. Ими кое-как прикрылись, собрались вместе, выстояли. Ударить в славянский строй печенеги не рискнули. Вернее, не захотели. У них был другой план.

Во второй атаке погиб вождь-сотник. И пять десятников из семи. И каждый второй из выживших в первой атаке.

Уже никто не верил, что печенеги ушли. Славяне разделились. Человек десять остались в лагере, остальные решили спуститься к Днепру, за водой. И послать за помощью на остров, в святилище Хорса. Или хотя бы переправить туда раненых.

Напрасная надежда. Как только большой отряд спустился к берегу, на лагерь тут же обрушились печенеги. Наверное, их было не очень много, с самого начала не очень много – около полусотни. Но этой полусотни вполне хватило.

Один из двух уцелевших десятников, Свенельдов гридень, услышав крики, тут же кликнул своих и ринулся на помощь. Второй десятник, Устах, не сдвинулся с места.

И, глядя на него, остались на месте восемь полоцких варягов и с полдюжины славян. В том числе несколько Свенельдовых.

– Им не поможешь, – мрачно заявил Устах.

С ним никто не стал спорить. Крики на высоком берегу не смолкали, но звона оружия уже не слышалось.

Устах поглядел на Духарева. Серега уступал другу опытом, но зато соображалка у него работала лучше.

– В воду и в камыши, – сразу заявил Сергей. – Досидим до ночи – и на остров.

– А почему не сейчас? – спросил кто-то из молодых.

– Потому что ты – дурак, – спокойно ответил Устах. – Головой думай.

Степняки появились на берегу спустя несколько минут. За это время уцелевшие славяне успели спрятаться между стеблей рогоза.

Печенеги выпустили наугад с полдюжины стрел, но в воду не полезли. Там все преимущества стрелков-всадников сводились к нулю. Там один Духарев мог бы играючи порубить на мясной салат дюжину степняков.

Уцелевшие просидели в камышах до темноты... Слушая вопли истязаемых печенегами товарищей.

У Духарева было большое искушение добраться до палачей, но он понимал: печенеги наверняка оставили часовых. Стоит только сунуться – и тут же схлопочешь стрелу. В лучшем случае. Живой, он еще успеет отомстить. Мертвый – вряд ли.

Когда стемнело, беглецы сложили боевое железо в перевернутые щиты и поплыли к Хортице.

Добрались не все, недосчитались двоих полян. Может, те утонули, а может, унесло течением.

Спустя две недели к острову подошли лодыи киевских купцов с большой охраной. У купцов, скинувшись, варяги купили малую лодью, узкую лодку с косым парусом и четырьмя парами весел.

Еще через две недели они бесславно вернулись в Киев, а оттуда верхами пришли к Свенельду.

Воевода, естественно, гибели отряда не обрадовался, но выживших корить не стал. А сделал соответствующие выводы. Теперь старшим он назначил Устаха, дал тому еще два десятка молодых воинов.

И четверых «оваряженных» хузар.

Для обучения степной науке.

И за эти полтора года варяги кое-чему научились. Например, не гибнуть по-дурацки. Но война есть война. Без потерь не бывает.

Глава восьмая

Ночь у неведомой реки. Совет

На песчаном берегу горел маленький костерок. Вокруг, кружком, сидели варяги. Лениво отмахивались от комаров, ждали, что скажут старшие.

На перевернутом щите стояла деревянная братина с ручками в форме лосиных голов. В братине темнел хмельной мед, хранимый именно на такой случай.

Духарев палкой поворошил костерок, проводил взглядом взлетевший сноп искр.

– Что ж, братья,– произнес он неторопливо.– Давайте думу думать, что делать будем. Есть кому что сказать?

Все тут же поглядели на Понятку. По традиции первое слово после старшего принадлежало младшему. Понятко же – самый молодой. Да и за словом за пазуху обычно не лазил. Но сейчас с речью не торопился.

Неподалеку коротко взлаяла собачонка. На зверя, не на человека.

Понятко взял братину обеими руками, отпил.

– Что делать...– медленно, с достоинством произнес он.– Мало нас. Не убережем добытого. Еще одна такая схватка – и мы биты. Все врагу достанется.

– Ну, значит, и достанется,– флегматично отозвался Рагух.– Мертвым злато без надобности.

Устах и варяги постарше поглядели на хузарина неодобрительно: обычай нарушает.

– Дай! – Древлянин Шуйка почти выхватил чашу из рук Понятки.

– Точно хузарин сказал! – выкрикнул он.– Коли степняки наедут – и так и так погибель. А пронесет лихо – будем все на угрских иноходцах красоваться! В лучшую зброю облачимся! Хоромы построим княжьи! По пять жен заведем! Пировать станем денно и

ношно! Мое слово: поделить все, а там – будь что будет! Лично я слово даю Перуну ноги кровью омыть, а рот набить золотом!

И Волоху – золотом! Пусть даст удачу! – Шуйка вскочил в азарте, расплескав мед.– Слышите меня, боги? Мое слово – крепкое!

– Сядь! Чего разорался? – сердито бросил древлянину Гололоб.– По воде звук далеко идет. Хочешь, чтоб тебя, окромя Перуна, еще и степняк услышал?

Шуйка сел, и Гололоб отобрал у него братину.

– Я против, чтоб злато с собой везти! – заявил он.– Степняк злато чует. Без злата безопасней.

– Ты что ж, братишка, выбросить его предлагаешь? – вьедливо осведомился Рагух.

– Почему выбросить? Зароем в приметном месте. Вон хотя бы под взгорком, где истукан каменный. Как, братья?

И поглядел на своего десятника.

Духарев молчал. Ждал, как остальные отреагируют.

– Я свою долю зарывать не стану! – отрезал Щербина.– Может, тебе, Гололоб, деньги и не нужны, а у меня жена да сын с дочерью. Это что ж, я им даже гостинца не привезу?

– Щербина дело говорит! – поддержал Рагух.

– Надо же,– вполголоса сказал Устах Сергею.– Шуйка мой да Щербина, главные хузаровы нелюбезники, с твоим Рахугом одним голосом поют. А еще говорят, что злато людей рознит!

– Доли ваши! – сердито сказал Гололоб.– Хотите – забирайте. Только ежели отымут, так это уж ваша, а не моя забота. Я за вашу жадность биться не стану!

– Ты мне покажи того, кто у меня отымет! – тут же ощерился Рахуг.– Я его прям в брюхо стрелой попотчую!

«Дотрепались! – подумал Духарев.– Мое, ваше... Братчина, блин!»

Да уж, привалила удача!

Вспомнился Духареву Рёрах, учитель. Как ходил тот с дружиной в дальние земли, и удачно ходил: везли из набега столько, что аж из корабельных ларей сыпалось. А чем кончилось? Из всей дружины уцелели четверо. Да сам вождь, покалеченный пытками. И добыча, в землю зарытая.

Если кому и повезло от этого исхода, так это Сереге. Меч у него за спиной – из того клада. А главное: не обезножел бы после нурманских пыток Рёрах, не стал бы из военного вождя лесным ведуном. И не встретил бы его Серега Духарев, беглец бестолковый. И не стал бы Серега тем, кем стал. И все, что есть у него ценного: меч, доспех, уважение, жена, дом в граде Полоцке, конь ратный, – все силой да доблестью добыто, а не на рынке куплено. Конь, правда, сначала был именно куплен. На смоленской ярмарке. Но это сначала, а потом...

– Я своего не отдам! – ярился Рагух.– Мое – это мое! Все уразумели?

Машег похлопал его по спине, сказал что-то по-своему.

Понятко, способный к языкам, знавший и по-хузарски, и по-печенежски, оскорбительно засмеялся.

Рагух глянул на него злобно, сжал кулаки, приподнялся.

– А ну сядь,– негромко произнес Духарев, глядя на него в упор.

Хузарин тут же опустился на землю. Будто под коленки толкнули.

Духарев взял братину.

– Нечего попусту языками молоть,– веско сказал он.– Одной стрелой десятерых не побьешь, а сто гривен в пояс не спрячешь. Даже если в степи нас не перехватят, куда мы с таким богатством пойдем?

– Да хоть куда! – выкрикнул Шуйка.

И схлопотал по затылку.

– Цыть! – грозно сказал Устах.– Ты свое сказал.

– Ладно, деньги,– продолжал Духарев.– А утварь? Куда ты ее денешь? На киевский торг выставишь – так ее любой зоркий глаз опознает. И нас же в лихоимстве обвинит.

– А если к нам? – предложил Машег. – В Итиль. А еще лучше – в Саркел. Наши купцы такой товар с руками оторвут! Довезти бы только.

– Вот именно. – Сергей поставил братину на колено. – Далеко до вас. И степью.

– Да я один от Волги до Днепра ходил! – запальчиво воскликнул Рахуг. – Не верите, да?

– Верим, – сказал Устах. – Только ты как ходил: с добычей или пустой?

Рахуг промолчал.

– Вот-вот, – продолжал синеусый варяг. – Злато притягивает. Это верно Гололоб сказал. Когда у тебя сумы пусты, а всего имения, что конь да колчан со стрелами, кому ты нужен? Так, Рахуг?

Хузарин опять промолчал.

Зато подал голос Шуйка:

– Слушай, Серегей, что-то я не понял про лихоимство! Это что ж, если воин добычу на базар выносит, а ему говорят, что он ее добыл не честью, а подло, так это ж – судное дело!

– Умник! – Понятко хлопнул древлянина по спине. – А судит кто? Игорь-князь!

– А мы – Свенельдовы люди! – сердито возразил Шуйка. – Воевода вступится – князь уступит.

– Может, и уступит, – кивнул Сергей. – За исключением одного случая...

– Какого? – тупо спросил Шуйка.

– Если этот товар не Игорю предназначен, дурная голова! – гаркнул Понятко.

Над костром повисло молчание. Ссориться с великим князем киевским никому не хотелось. Но и отдавать добычу тоже совсем не хотелось. Тем более такую. С таким богатством каждый из варягов мог получить практически все, чего захотел. Кроме разве что княжьего стола. Но набрать свою дружину и сесть княжьим посадником в каком-нибудь городке – вполне. Или купить боевой корабль и двинуть навстречу приключениям, если на месте сидеть не захочется. Зарыть в землю такое будущее?..

Но, с другой стороны, ни один из варягов не был лишен здравого смысла. И понимал, насколько мал шанс довести такую кучу драгметаллов до безопасного места.

В общем, все молчали. Ждали, что скажет тот, кого они полагали самым удачливым в ватажке. Серегей...

– Значит, так, – заявил Духарев. – Все, кто хотел, свое слово сказали. А сделаем мы так. Золото и утварь с собой не повезем. Сомневаюсь я, что сумеем довести. До Киева или до Саркела – все едино. Так что злато и утварь зароем здесь и место приметим. Серебро поделим, и каждый из своей доли переметную суму наполнит. Сколько это выйдет, Устах?

– Да гривен по сто, не меньше, – ответил синеусый.

– Тоже ведь деньги немалые, – заметил Духарев. – На вено⁷ тебе, Шуйка, хватит. И на доспех тоже. И Щербине на пряники-мониста. Что же до злата... Будем живы да в силе – вернемся и заберем. А умрем, так мертвым оно без надобности. Так, Рахуг?

– У меня тоже родичи есть! – буркнул хузарин.

– Знаю, – кивнул Сергей. – Думаешь, что твоим родичам больше по вкусу придется: ты со ста гривнами или твое сушеное ухо у печенег на сбруе?

Кое-кто из варягов засмеялся, хотя ничего смешного в сказанном не было.

– Твоя правда, – кивнул Рахуг. – Быть посему.

– Все согласны? – Сергей оглядел товарищей.

Если у кого-то и были возражения, то он оставил их при себе. Духарев неплохо знал своих людей, но и они за это время успели узнать своего командира достаточно хорошо, чтобы не обманываться насчет «согласны – не согласны». Когда десятник Серегей таким образом выдвигает челюсть да глядит исподлобья, лучше ему не перечить. Поскольку десятник кулачищем своим с удара волколodu-берсерку шею сломать может. Прецеденты были. Так что лучше язык за зубами держать. Глядишь, и зубы целее будут.

⁷ Вено – «подарок» жениха родителям невесты.

Собственно, Духарев именно такой реакции и ожидал.

Если чье мнение и интересовало Серегу, так только мнение Устаха. Но Духарев знал, что синеусый варяг с ним полностью согласен.

Серега поднял братину и через огонь протянул другу.

Устах принял, отпил:

– Быть посему,– повторил он слова Рахуга. И добавил: – Зароем – и Перунову клятву принесем! Чтоб языками не трепать.

Синеусый варяг осушил чашу, выплеснул в костер последние капли.

– Шуйка,– велел,– поди дозорного позови. И Чирка. Он с павшими сидит. Пусть подойдут ненадолго.

Через несколько минут тринадцать варягов собрались в шатре, где от такого количества народу сразу стало тесно. Устах торжественно сообщил раненым, что решил круг. Зажгли малый огонь, выложили круг обнаженными мечами, встали меж клинков (раненых поддерживали товарищи), соединили руки и произнесли слова клятвы. Все: и христианин Духарев, и иудеи хузары. Вера верой, а братство – братством.

Приметой выбрали каменного истукана. Отсчитали сто двойных шагов вниз по склону. Наметили место, подняли дерн, вырыли яму, закидали мешки. Лишнюю землю увезли и выбросили в реку. Дерн с травой положили аккуратно, речной водичкой полили, чтоб трава не подсохла.

«Интересно,– сумрачно размышлял Духарев, когда, закончив дело, они возвращались в лагерь,– придет ли кто из нас за этим кладом? Или отроет его какой-нибудь археолог лет через тысячу?»

На какой-то совсем коротенький миг ему даже захотелось вернуться обратно, в свой век. И стать таким археологом. Там, в мире самолетов и кругосветных круизов, он нашел бы, как с кайфом истратить подобное богатство. А здесь? Это просто засада какая-то, когда у тебя есть все, что можно купить. А то, чего нет, – и купить невозможно.

Глава девятая Русы

– Господин, мы их потеряли,– голос у гридня дрогнул. Он застыл, не поднимая глаз выше золоченого стремени, и не мог видеть, как ладонь всадника ласкает витую рукоять булавы. Один удар – и светлый затылок (шлем гридень держал в руках) превратится в кровавую кашу. Но всадник сдержался. Он умел смирять гнев. Вместо того чтобы ударить, он тоже снял шлем, погладил бритую загорелую голову, расправил влажный от пота чуб. Не выше уха у всадника – узкая полоса – шрам. И рука, расправлявшая поседевший чуб, тоже испещрена шрамами. Ее хозяин не любил рисковать попусту, но если уж выходило драться, то за щитами дружины не прятался.

Сейчас дружина стояла поодаль. Рядом был только один, лучший.

– Сказывал я те, батька: не хитри с хитрованами! – проворчал он.

– А ты? С одного лиса две шубы не снять. Ты своего Скарпи слушай больше – с сумой по миру пойдешь!

Варяжские усы говорившего были с густой проседью, а на концах крашены синим. Так же, как и у того, кого он назвал батькой.

– Молчи, Асмуд! – бросил старший.

Жеребец под ним заплесал, чуя настроение хозяина. Гнедая кобыла Асмуда недовольно покосилась на белого жеребца.

– Встань да говори толком! – прошипел всадник. – Лиса сбежала с нашим золотом?

– Не знаю.– Гридень медленно распрямился.– Их не было в уговоренном месте. Они ушли. След оборвался в Днепр...

– Переправились? – отрывисто спросил всадник.

– Скарпи сказал...

Высокий нурман в золоченых доспехах прыгнул на песок, пошатнулся... Оказавшийся рядом разведчик-гридь сунулся поддержать, но нурман сердито его оттолкнул.

– Не девка, – грубо сказал он. – Не свалюсь.

И пошел к воде.

Наверху громко переговаривались по-нурмански хирдманы Скарпи, личная дружина княжьего боярина.

Славяне-разведчики, обнаружившие след, помалкивали.

Примерно в полутора стрелищах от берега стояли на якорях две большие боевые лоды под полосатыми парусами. Там тоже интересовались происходящим на берегу, но нурмана в золоченых доспехах за высоким рогозом с кораблей видно не было.

Скарпи долго разглядывал примятые камыши. Потом повернулся, хватаясь за торчащие из земли корни, вскарабкался по сыпучему склону, толкнулся от подставленных под ногу ладоней и уселся в седло.

– Зови корабли, – бросил он одному из хирдманов.

Тот дважды отрывисто дунул в рог. Гнусавый низкий рев всполошил птиц. Захлопали тысячи крыльев. Разведчики, в большинстве – из охотников-полян, проводили улетающую дичь тоскливыми взглядами.

Лоды снялись с якорей, развернулись к берегу...

– Хрунгельв, я оставляю тебе две сотни, десятерых следопытов и дюжину собак, – сказал нурман в золоченых доспехах тому, кто трубил в рог. – Разделитесь. Одни пусть идут вверх по течению, а другие – вниз. Но за оба отряда отвечаешь ты.

– А ты? – спросил Хрунгельв.

– А я переправлюсь на тот берег и сделаю то же самое. У этих черных крыс нет лодок. Далеко по воде они не уйдут. След будет.

Гридень перевел дух.

– Ну! – сердито поторопил всадник. – Продолжай!

– След мы нашли, – торопливо проговорил гридень. – На этой стороне и совсем близко. Только волки уже порвали лису.

– Какие еще волки? – взъярился всадник.

– Побили их, батька. На правом берегу, повыше Рачьего острова. Вся трава – в крови. И мешков не было. И хузар там тоже не было.

– Трава в крови! – фыркнул Трувор. – Сбежали они, шакалья порода!

– Не сбежали, – буркнул гридень. – Мы их нашли...

Полуденное солнышко до песка пробивало мелководье. Скарпи не понадобилось спускаться с береговой кручи, чтобы увидеть то, что под водой. Зрелище объединенных раками тел – не самое приятное. Но Скарпи, который своего первого врага уложил в четырнадцать лет, а к семнадцати уже потерял счет тем, кого убил, вид трупов не взволновал. Его интересовало другое.

– Вытащить и пересчитать, – распорядился он. – Определить, скольких не хватает. Пустить погоню по следу...

– По которому? – флегматично поинтересовался Хрунгельв. – Их три.

Скарпи задумался...

– Скарпи решил: главный – тот, что в степь уходит. В степи потеряться легче. Остальные – чтоб глаз отвести, – сообщил гридень. – Так, батька, он и велел тебе передать.

– А почему он знает, что они на тот берег не ушли? – вмешался Асмуд. – Может, их насады на реке ждали?

– Скарпи на тот берег тоже послал, – ответил гридень. – След искать. И Днепром... Он

одну лодью вниз послал, а вторую вверх, к волоку. А еще тебе велел передать, батька, чтоб ты с дружиной прямо к чумацкому тракту шел. Ежели что – он сразу знать даст. А ежели ты решишь с лодьями и насадами в Царьград идти – ничего. Скарпи сам найдет злодеев и злато ромейское вернет.

– Ха! – воскликнул Асмуд, сын Стемида. – Нурман? Вернет! Только сначала ополовинит!

Гридень потупился. Он сам был нурман, а ославленному варягом Скарпи приходился племянником. По чести он должен был тут же вызвать Асмуда на поединок, но поскольку то был не просто варяг, а сам боярин Асмуд, то гридень предпочел промолчать. Если дядя найдет нужным, он сам защитит свою честь.

Старший же всадник Асмуда не слушал. Он размышлял.

К ромеям он, конечно, не пойдет. Ромеи вероломны. К ним если идти, то с настоящей силой. Ежели ромеи силу видят – они сами дают, и брать не надо. Малая дружина в тысячу воинов – это не сила. Тем более что дань ромеи уже отправили. Потребуешь еще – решат, что дешевле кого другого купить. И натравить на Киев. Ромеями не доблестные правят – торгаши. Хотя, надо признать, есть у них и полководцы. Но правят все равно торгаши. Потому и неплох был план Скарпи.

Приползут недобитые ромеи из тайного посольства к кесарю, доложат, что побили их степняки и дань, что русам да пацинакам причиталась, забрали.

А большому хану Куркурэ он сам пожалуется, дескать, забрали хузары наше золото! И пусть храбрый хан от обиды наедет на хузар! Пусть задерутся – а Киев тем временем еще кусочек сурожского берега под себя возьмет. И ромеи пусть с печенегами решают, кто дань схитил. А русы что? Русам обещано? Обещано. Значит, собери снова – и отдай. А не то придут и сами возьмут!

От этих приятных мыслей всадник пришел в хорошее настроение и произнес уже не так мрачно:

– Передай Скарпи, я иду к тракту. А он пусть ищет. Не найдет – головой ответит за потерянное богатство. Отправляйся!

Гридню подали свежих коней, и он усакал.

«Ничего! Скарпи найдет! Он золота не упустит, не та порода. Такое богатство! Да и делить ее придется только с малой дружиной. А Волку⁸ вообще шиш!» – Он злорадно ухмыльнулся, вспомнив, сколько пришлось отдать печенегам из прошлогоднего ромейского выкупа.

Ухмыльнулся и тут же помрачнел, вспомнив, и эта дань ромейская пока что не у него в руках, а неизвестно где. А как хорошо все было задумано! Да и сделано хорошо. Кто ж знал, что у диких хузар достанет ума, чтобы угадать, какую судьбу им назначили русы?

Глава десятая

Соляной тракт

Утром варяги свершили погребальный обряд: перерезали глотки пленникам, подожгли плоты и оттолкнули от берега. Рассвет – хорошее время для такого дела: умершие не собьются с дороги, притянет их не луна синяя, а Хорс-Солнышко.

Бледный, почти невидимый огонь, серый прозрачный дым... Некоторые видели, как на призрачных крылатых конях улетают в Ирий души героев.

Духарев призраков не видел, да и не высматривал особо. Не до того. Мучило Серегу дурное предчувствие. Нервность нездоровая. Когда за каждой полынной метелкой мерещится соглядатай, а за каждым пригорком – вражья конница. И еще в спину как будто кто-то пялится: так и хочется оглянуться. А ведь это не чашоба – степь. Простор от

⁸ Куркутэ по-печенежски – волк.

горизонта до горизонта. А давит так, словно в каменном мешке сидишь. Хотелось рвануть галопом: бежать, бежать, пока не поздно...

Но ехали они теперь медленно. Из раненых только Мисюрок смог сесть на коня. Остальным пришлось мастерить носилки – кожаные гамаки на жердях, уложенных на лошадиные спины. Кони с таким грузом могли идти только шагом.

Подобранный Серегой чужак за ночь отлежался, встал. Духарев распорядился выдать ему лошадь и трофейную печенежскую одежду. Оружия не давать. Мало что у чужака на уме?

Одежку чужак сразу надевать не стал: выполоскал в речке. И сам умылся. Чистоплотный. От завтрака отказался, немедленно вызвав подозрение Устаха. У многих народов так: с врагом вместе не едят. А с кем поел – того убивать нельзя. Боги не одобряют. Велено было Шуйке за чужаком приглядывать. И если что – не церемониться. Чужак, впрочем, повода для подозрений больше не давал. Тащился в хвосте, дремал, уронив поводья. Надо бы его потрясти: кто, откуда, как попал в плен? Принцип «враг твоего врага – твой друг» в степи не срабатывал. Тут все – против всех. И только твой клинок – за тебя.

Километров через двадцать речушка свернула к северу, варяги перешли ее вброд, и опять потянулся однообразный степной пейзаж: пологие холмы, покрытые травами.

Миновали стадо могучих степных туров. Длиннорогие быки с горбатыми холками подняли головы и проводили всадников недоверчивыми взглядами.

– Э-эх! – громко вздохнул Понятко. – Какая охота!

Духарев слышал, что степные туры еще сильнее лесных, чью мощь он уже испытал на собственных ребрах, но за все это время ему так ни разу и не пришлось поохотиться на степных быков.

– Ай да сокол молодой
Над горой летал.
Ай да белу лебедицу
Молодой искал.
Стал он с горки да на горушку
Перелетывать,
Да звал лебедушку-красуню
В муравушке поиграть...

– затащил Понятко.

У парня был звонкий и ясный голос. Ежели так случится, что в бою покалечат, может, гуслиром станет. Певун с таким голосом на княжьем пиру – желанный гость. Тем более варяг...

Солнце припекало, снизу поднимался густой запах трав. Не зря поляне этот месяц травнем зовут. Варяги-северяне снимали доспехи и стеганные подкольчужники, оставшись кто в белой льняной рубахе, кто вообще без ничего. Рассудили: ежели что – дозорные упредят. Машег (Рахуг был в передовом дозоре) поглядел на разоблачившихся с усмешкой, процедил что-то обидное. Для него градусов тридцать – это еще не жара, а так, тепленько.

Духарев тоже броню снимать не стал. С одной стороны, пример выдержки для подчиненных, с другой – все то же неясное беспокойство.

Ехал, слушал, как весельчак Понятко беседует с Машегом. О женщинах. Вернее, о том, как это печально, когда их нет. И чем их, в принципе, можно заменить. Вот те же печенег, к примеру, они вместо баб...

Понятко, у которого всегда имелась наготове соответствующая история, рассказал, как его дальний родич был в полоне у печенегов-гилеев. Вот позвал однажды родича хан и сказал, что у его, хана, наложницы родился сын. И у сына того глаза сини. А сини глаза во всей округе только у Поняткова родича. Посему, выходит, согрешил славянин с хановой наложницей, и за то выходит ему, славянину, наказание: бить сильно, а мужские достоинства

отрезать напроочь.

Родич Понятки, естественно, огорчился и задумался. А подумав, сообразил и сказал вот что: не у тебя ли, хан, в табуне родился недавно жеребенок с черной гривой?

– Было дело, – согласился хан.

– А ведь у кобыл твоих и жеребцов, у всех гривы желтые да сивые! – показал удивление родич. – Как же так?

Хан подумал немного, погладил черную бородку и молвил:

– Добро. О сыне моем боле говорить не будем. Но и ты гляди: о жеребенке никому ни слова!

Машег посмеялся вежливо, а потом сказал, что у них похожую байку рассказывают про славянского тиуна и ромея. Только там не кобыла, а коза была.

Внезапно один из дозорных, достигнув очередного взгорка, резво повернул назад. Воины встрепнулись было, но увидели, что дозорный, это был Сирка Чекан из Устахова десятка, машет пустыми руками: опасности нет.

– Ну что? – спросил Устах, когда дозорный подлетел к нему и осадил потного жеребца.

Сирка Чекан, рыжий, весь в веснушках, прибил к прошлой весной. Никто в дружине его не знал, но кто и откуда – не спрашивали. Видно, что варяг, видно, что жизнью бит. Бит, да не сломан, так что к делу годится.

– Ну что?

– Дорога там, – шепелявя из-за дефицита передних зубов, сообщил дозорный.

– Соляной тракт, – сказал Машег, подъезжая к старшим.

– Куда ведет?

– К Сурожу.

– К городу?

Хузарин мотнул головой.

– К лиману, к варницам. Но к городу отвороток есть. Городок старинный, небольшой.

– Чей он? Как называется? – спросил Духарев.

– Называется Таган. По-нашему. Раньше наш городок был.

– А теперь?

– А теперь – не знаю. Его хакан Олег под себя взял и с нами договорился, чтоб соль брать по малой цене, сколько надо. А кому сейчас дань платят – не знаю. Придем – спросим.

– А печенег там есть, как думаешь?

– Может, и есть, – ответил Машег. – Это не беда. В Саркеле тоже печенег есть. Наемные. И угры.

– Значит, по тракту пойдем? – спросил Сергей.

– Лучше – по тракту, – ответил Машег. – На тракте спокойней.

– Почему? – Духарев эту часть Дикого Поля знал слабо. В прошлый сезон они один раз ходили от Орла⁹ по Донцу почти что до упомянутого Машегом хазарского города Саркела, но обратно возвращались тем же путем и к Днепру шли не напрямик, а вдоль северских земель, высматривая для Свенельда места, где удобно ладить укрепленные городки.

– На тракте меньше грабят.

– Да ну? – Духарев скептически поднял бровь.

– Вдоль тракта истуканы языческие издревле поставлены. Кто степных богов боится, – Машег сплюнул, – тот на тракте лютовать не будет. Ну, может, возьмет немножко.

– Печенег – тоже их бояться?

– Не знаю. У них свои демоны. – Хузарин снова сплюнул, затем добавил после паузы: – Ране этот тракт наши дозоры стерегли. Их-то поболее стереглись, чем кумиров деревянных.

Машег уже несколько лет служил Свенельду, поскольку был воином из рода воинов, в ...надцатом поколении, и не воевать не мог. Хузарский же хакан Йосып своих воинов не

⁹ Приток Днепра.

жаловал. Предпочитал по-ромейски нанимать за золото чужеземцев, которым доверял больше. Машег служил Свенельду, оваряжился, но всё равно считал себя именно хузарином и никак не мог привыкнуть к тому, что княжья русь и печенеги так потеснили его народ. А ведь совсем недавно Хузарский хаканат держал под собой и всю землю от Волги до берегов Греческого моря, и Сурожское море, и Степь – до самого Днепра. И те же поляне безропотно платили им дань... Потом с востока пришел хан Бече ¹⁰, с запада – варяги...

– Поедем трактом, – подумав, решил Духарев.

– Машег, – через некоторое время спросил хузарина Понятко, – а печенеги – они каким богам кланяются?

– Те, что там, – Машег махнул рукой, – в Аллу верят. И в Мохаммеда-пророка. Хоть ложно верят, так хоть в Бога истинного. А те, что у нас, у тех вера черная, в демонов. – Машег скривился и сделал отвращающий жест. – Они своих демонов человеческой кровью кормят¹¹.

Понятко кивнул. Одобрительно кивнул, поскольку, как любой варяг, покровителем считал Перуна, а Перун кровушку человеческую тоже очень одобряет.

Хузарин скривился еще больше, поглядел на Духарева, словно ища поддержки, но Сергей о специфике печенежской веры понятия не имел, что же касается жертвоприношений, то тех же пленных так и так прирезать пришлось бы. И если при этом кто-то хочет возглашать: «Тебе, Перун, воин Небесный», – то пусть возглашает. Хотя если Перун действительно воин, а не мясник, то ему должны быть больше по вкусу битвы, а не казни.

Не дождавшись поддержки, Машег махнул рукой, пихнул коня пятками и умчался.

**Глава одиннадцатая,
особая, в которой повествуется о том, как Духарев с Устахом
прошлой осенью
славно потрудились в княжестве Черниговском, и еще кое о чем
весьма замечательном**

На дороге пустили коней рысью. По голой земле идти легче, чем по разнотравью. Сменили сторожевые разъезды. Духарев верхом на заводной, прихватив Пепла, сам поехал в дозор. Обогнав отряд шагов на семьсот, оглянулся. Издали казалось – варягов много. Над дорогой поднималось густое желтое облако пыли. Такое заметно издалека – это минус. Зато за пылью сразу не разглядишь, что лишь на десятке лошадей – наездники.

Сергей потянулся к фляжке, промочил горло. Встряхнул, определяя, сколько осталось. Когда он выезжал из Киева, в серебряной, обернутой толстым войлоком фляжке плескалось разбавленное водой белое хузарское вино. Убыль вина пополнялась из увесистого поначалу бурдюка, но с каждой неделей воды во фляжке становилось все больше, а вина – все меньше. Из-под копыт порскнула стайка перепелов. Лошадь под Духаревым шарахнулась.

– Тих-хо! – прикрикнул Сергей и движением колен вернул лошадку на прежний маршрут.

¹⁰ О происхождении слова «печенег» у историков нет единого мнения. Византийцы называли их пацинаками и пацинакитами. Арабы использовали слово «баджнак». Версия происхождения слова «печенег»(беченег) от имени легендарного вождя Вече представляется вполне вероятной. Есть достаточно примеров, когда степной род получал имя по имени своего первого вождя. Вернее, первого вождя правящего рода, потому что, строго говоря, печенеги были не единым родом, а скорее объединением племен тюркского происхождения. Возможно, не только тюрков, угров и других.

¹¹ Некоторые данные свидетельствуют, что печенеги-язычники исповедовали не обычный в те времена анимистический культ, а некий вариант «экспортированной» из Тибета черной религии «бон».

Он уже далеко обогнал своих. Ветер дул в лицо, относя за спину запахи и звуки, оставляя только стрекот насекомых, сдвоенный стук копыт и душный аромат зацветающей степи. По белесому небу ползли редкие прозрачные облака. Дикая Степь.

«А я ведь уже три года здесь»,— подумал Сергей.

Прошлое, вернее, будущее: двадцатый век, телевизоры, компьютеры и «мерседесы» с «боингами» — где это все? Нет, Серега не жалел. Наоборот, теперь ему казалось, что до того, как попасть сюда, он и не жил по-настоящему, так, плыл в сонном тумане, жевал безвкусные котлетки, потраховал вялых и синеватых, как мороженые куры, потаскушек...

Серега посмотрел на свои загорелые руки, исчерченные светлыми полосками шрамов, потрепал лошадь по жесткой гриве. Взревновавший Пепел тут же пихнулся мордой: а меня? Духарев приласкал и его, поглядел на ладони. Да, эти ладони малогодились для ласки. Оружие и — особенно — тяжелое весло накатали на них такие бугры мозолей, что ими гвозди можно забивать вместо молотка. Настоящие рабочие руки, хм... работника ножа и топора. Вернее, меча и рогатины, поскольку топору Духарев безусловно предпочитал прямой клинок, а нож... Ну, нож — это не оружие, по местным понятиям, так, сало строгать.

Пепел, не отставая, опять сунулся мягкими губами, уложил тяжелую башку на шею Серегиной лошади. Та тихонько заржала. Решила, видно, что жеребец к ней подбивает клинья.

Серега вспомнил, как он горевал, потеряв коня в давней сече у Хортицы. И как чудом отыскал его той же осенью. А еще говорят всякие придурки, что Бога нет!

* * *

Той осенью Серега с Устахом заехали в Чернигов. Собственно, путь их лежал мимо Чернигова в Любеч. В Любече друзей ждала торговая лодья. С ее хозяином, добрым приятелем Духарева, купцом Гораздом, было еще по весне сговорено, что возьмет он обоих варягов на обратном пути. А чего ж не взять? Заморский товар — легкий: шелка — не мука. А две пары варяжских рук будут очень кстати и на воде, и на волоках.

От Переяславля до Любеча — рукой подать. Даже осенью верхами за несколько дней дойти можно. Но Духарев с Устахом не торопились. Был у них, перед отъездом, доверительный разговор с самим Свенельдом. И тайное поручение.

«Я,— сказал Свенельд,— даю это дело вам, а не своим дружинным, потому как родичей у вас в наших краях нет и своих интересов тоже. А люди вы опытные. Хочу я, чтоб ехали вы в Любеч непременно через город Чернигов, а в Чернигове погостили бы денек-другой да и пригляделись к делам тамошним. Может, увидите что... занятное».

Тут воевода сделал многозначительную паузу. Не любивший недомолвок Устах тут же спросил напрямик:

— И что ж нам в Чернигове искать, княже?

— А не знаю! — ответил Свенельд с той же подкупающей прямоотой.

Слывший на киевской Горе опытным и изворотливым политиком воевода со своими гриднями не хитрил никогда. За то и любила его дружина. И еще за ум, щедрость и личную храбрость. Ну, и за удачливость, конечно.

— С Рунольтом черниговским мы не в дружбе и не в ссоре,— продолжал победитель уличей.— И господин его не я, а великий князь киевский...

Тут воевода слегка склонил голову, как бы признавая старшинство Игоря. Слишком многие открыто ставили на воеводу — против князя киевского. Особенно после того, как Свенельд, отговорившись местными проблемами, отказался идти с Игорем на Царьград. И Игорь в отместку даже не включил его имя в договор, заключенный с императором ромеев. Ближники Игоря открыто подзуживали князя. И богатая Гора тоже исподволь пыталась натравить великого князя на удачливого воеводу, получившего в удел древлянские и примученные уличские земли. Но открыто порицать Свенельда Гора не осмеливалась. Кое-кто из больших киевских бояр был в крепкой дружбе с воеводой. И еще сторону

Свенельда держала сама великая княгиня. А Ольгу на Горе уважали. Поэтому до открытой вражды дело не дошло, а Свенельд постоянно подчеркивал, что не ставит себя вровень с великим князем и остается по-прежнему воеводой киевским. Правда, данью уличской и древлянской делиться не собирался и не скрывал, что намерен по возможности расширять собственный удел. Ведь именно на таких условиях варяжский воевода принял службу у великого князя.

Но на черниговские земли уличский покоритель никогда не претендовал. Так в чем же дело?

Воевода объяснил, в чем.

– Больно много этим летом через мои земли из Чернигова полоня прошло, братья-варяги, – сказал он.

Устах с Серегой удивленно переглянулись. Эка невидаль – полоня! Нормальный предмет экспорта. В здешнем мире, где постоянно кто-то на кого-то нападает. Обычное дело при таком великом князе. А где война, там и пленники. Рабы на продажу. В иные «урожайные» на брань годы за раба три ногаты дают. Как за овцу.

– Ну-ну, – угадал их мысли воевода. – Все не так просто. Кабы то весь была, чужь да всех понемножку – тогда я б не удивился. А то ведь древляне, да поляне, да сиверяне, да радимичи. Да половина – девки молодые, и не военная добыча, а челядинки.

– Ну и что? – пожал плечами Устах. – Ну продают смерды дочерей. Обычное дело.

– Обычное, – согласился Свенельд. – В плохие лета. А нынче неурожая не было. Зато жаловались мне недавно: набежали, мол, на село люди оружные. Скотину не тронули, а вот девок шестерых увели.

– Степняки?

– То-то и оно, что нет. Бронь, говорят, почти как у моих гридней.

– Гридни? – Устах презрительно скривил губы. – Из-за шести девок мараться даже нурманы не станут.

– Из-за шести, может, и нет, – воевода прищурился. – А из-за ста шестидесяти? Мои люди купцов, что полон последний везли, аккуратно поспрошали: откуда челядь? Оказалось, почти всех брали в Чернигове на торгу. А сами купцы – киевские. Мои люди вызнали: возят они полоня в Степь, да недалеко возят. За лето раз шесть обернулись. Вот и занятно мне: почему это киевские купцы, что ране вели торг с ромеями да булгарами и вместе с Игорем в Царьград гостями хаживали, ныне из Чернигова сиверскими землями в Степь ходят? И откуда та челядь, что они в Чернигове покупают?

– А сами девки что говорят? – ляпнул Духарев.

Устах и воевода изумленно поглядели на него, и Серега прикусил язык. Забыл он особенности местного менталитета. Кого интересуют слова рабыни?

Между тем Серега не раз имел возможность убедиться, что именно эти самые челядинки, особенно из тех, что приближены к власти имущим, являются хранителями ценнейшей информации. В первую очередь потому, что относятся к ним – как к мебели. Но переубеждать варягов Духарев не стал. Бесполезно.

– Не может быть, – продолжал между тем Свенельд, – чтобы без войны столько челяди на восход уходило. Зато, слыхал я, в черниговских землях разбойнички озоруют. Только что ж это за разбойнички, что на открытом торгу, у дружины на виду, в княжьем городе хищным торгуют? А?

До Устаха еще не дошло, а Серега уже все понял. Поскольку в прежней жизни, где вроде бы рабства не существовало, с подобным бизнесом имел несчастье столкнуться.

– Мафия, что ли? – поинтересовался он.

Конечно, его не поняли. Пришлось пояснить, что он имеет в виду преступный сговор разбойников как таковых и разбойников из числа представителей власти.

Свенельд поглядел на Серегу с явным одобрением.

– Похоже, – согласился он. – Вот и проведайте, что да как.

Духарев открыл рот, чтобы согласиться, но его перебил Устах.

– А нам-то что за дело до черниговских, княже? – заявил синеусый варяг. – Пусть Рунольт черниговский сам и разбирается.

– А если он всем этим и заправляет? – предположил Духарев.

Устах пожал плечами.

– Он – в своем праве, – твердо сказал варяг. – Кому из черниговских не по нраву, как Рунольт судит, – пускай великому князю челом бьет. А ежели говорят на его гридней, что на чужих землях озоруют, так надо их сперва уличить. Мало ли что смерды болтают! Пусть выйдут да и объявят обиду, как по Правде положено! А без того выходит не Слово, а пустословие. Смерду соврать – что псу лапу задрать! Это что ж, мне из-за каких-то сиверянских девок, смердок, с черниговским князем ссориться?

– Но надо же что-то делать! – возразил другу Духарев. – Ну и что ж, что смерды. Это же наш народ...

– Кто, сиверяне, что ли? Нам, варягам? – ухмыльнулся Устах.

Духарев осекся. Опять он в чужой монастырь – со своим уставом...

Но Свенельд иронию Устаха не поддержал, напротив, поглядел на Духарева с еще большим вниманием и сказал:

– Ты, Устах, как и я, – природный варяг. А Серегей? А сколько тех, кто Перуном клянется, усы синит? То-то! Мы эти земли под себя взяли. Всё, что по эту сторону от степи, – наше. Хоть полянские земли, хоть сиверские, хоть уличские. Наши! И земли. И смерды.

– Не потому ль ты, княже, за уличей три года с уграми воевал? – усмехнулся Устах.

– Потому, – без улыбки ответил Свенельд. – Есть мы – и есть Степь. Что под нас не пойдет – под Степь ляжет. И своих Степи отдавать никак нельзя.

– Это девок-то? – не унимался Устах. – Да кто их считает?

– Я, – сказал Свенельд. – Девки, варяг, мужчин рожают. И смердов, и воинов. Таких, как ты.

* * *

Князь черниговский Рунольт оказался природным варягом. Старый, постарше Свенельда. Еще с Игорем в первый ромейский поход ходил, когда их на море ромеи огнем пожгли. Видно, был Рунольт некогда воином знатным. Теперь же самым выдающимся у князя было брюхо. С хороший пивной бочонок.

Звался Рунольт князем, но по сути был не князем, а посадником. Большую часть с полюдья не в свою казну клал, а отправлял в Киев, Игорю.

Приезжих варягов черниговский князь принял ласково. Узнав, что идут они в Любеч, тут же предупредил: на дороге не спокойно. Завелась на проезжем тракте шаечка. Вроде бы из сиверян. Грабят проезжих, девок воруют по селам, продают волжским булгарам.

Выходит, князь в курсе? И непохоже, чтоб сам замешан. Иначе вряд ли стал гостям подобную информацию с ходу сливать. Или стал бы? Специально, чтоб проверить?

Серега с показным безразличием поинтересовался: откуда сведения? Оказалось – из первых рук. Был, как выяснилось, к Рунольту от татей перебежчик: обещался вывести к ватажной схоронке, да не успел. Зарезался. Прямо в Детинце.

По тону чувствовалось, что в версию самоубийства Рунольт не очень-то верит. Разумней предполагать, что перебежчика просто прикончили. Должно быть, был в ватажке у убийцы родич или близкий друг. А то и побратим. Может, тоже из чьих-то гридней. Такое случалось. Уйдет ледащий гридень из одной дружины, а к другой не прибьется. Или не возьмут по дурному характеру. Вот и объявляется в окрестностях разбойничий. Да не из смердов непутевых, а знающие воинское дело и хитрости. И причиняют местной власти изрядную головную боль.

Только непохоже, чтоб у князя черниговского из-за разбойников особенно болела голова. А что до убийцы, то ежику понятно, что это свой, из дружины. Чужого в Детинец не пустили бы. Ну а свой, ясное дело, дороже, чем какой-то тать-перебежчик. Да еще за

убийство виру князю киевскому платить. А самоубийство и налогом не облагается, и розыск учинять не надо.

Ситуация, знакомая Духареву еще по прежнему миру. «Покончил жизнь самоубийством, дважды выстрелив себе в затылок». Не анекдот, выдержка из протокола.

Своей заинтересованности в теме Устах и Духарев ничем не выдали. А вдруг посадник простодушен только с виду?

– Мы – не девки селянские, чтоб разбойников шугаться! – высокомерно заявил Устах.

– Эт-точно! – поддержал Духарев. – Пусть рискнут здоровьем! Наедут – хоть разомнемся.

– Хорошо бы! – с надеждой вздохнул посадник. – А то у меня никак до них руки не дотянутся.

Глядя на князя черниговского, в это легко верилось. Через такой живот не то что до разбойников – до мужских принадлежностей не дотянешься.

Пока посадник неторопливо беседовал с гостями, дело близилось к вечеру. К ужину то есть. Не пригласить к трапезе полоцких варягов – обидеть и их, и славного князя Роговолта. Впрочем, и без этого гостей позвали бы к столу. По обычаю.

Осень – время богатое. Урожай собран, всего в избытке. И дичи, и хлебов мягких, и меда сладкого да пива горького, хмельного – это уж исключительно для Духарева, который так и не сумел полюбить слабую сладковатую медовуху.

Старших дружинников у посадника было девятéro. Причем пятеро – под стать своему батке, заплыли жиром. Но остальные выглядели вполне воинственно. Два свея, нурман и угр. Верховодил нурман. Его звали Бьярни-Беспалый. Один мизинец у нурмана отсутствовал. Пустяк. Сеча – не игра на рояле. Вполне можно обойтись и без мизинца. Духареву Бьярни сразу не понравился. Взаимно. Но задираться нурман не стал. Только метал грозные взгляды. Пускай. Устах уже успел обронить, просто так, к слову, что его друг и есть тот самый варяг Серегей, что зарубил на смоленском рынке сотника Хайнара. От Чернигова до Смоленска – не близко, но молва летит далеко. И редкий рассказчик удержится от того, чтобы приукрасить историю. И выходило в итоге, что герой не просто ловок на мечях рубиться, а голыми руками головы волколюдям отвинчивает. Ни Устах, ни Серега от драки не бегали, но славы драчунов не искали. В отличие от тех же нурманов. А опыт показывал: пара-тройка слов об «убийце ульфхеднаров» в сочетании с богатырским обликом Духарева – и боевой дух заدير волшебным образом улетучивается.

Несмотря на малое содержание алкоголя в напитках, накушались прилично. И, конечно, потянуло дружинную братву на веселье. Тотчас, словно по волшебству, появился дедок-гусяр, а отроков-виночерпиев сменили молодые игривые девки. Дедка, впрочем, выгнали, едва он загундосил о славе покойного князя Олега. Нет, против Олега дружина черниговская ничего не имела, наоборот. Но уж больно у дедка оказался голосок противный.

Угр, под боком у которого опрометчиво разместился дедок, взял гнусавого «барда» за шкурку и на вытянутой руке, как нашкодившего щенка, вынес за порог. Дедок не противился, висел покорно, а отпущенный, тут же встряхнулся и засеменял на кухню подкормиться.

Под столом разодрались собаки. Их пинками выгнали наружу и с большим удовольствием наблюдали грызню. Победитель получил кусок оленины. Проигравший – свиную рульку.

Время от времени Духарев ловил на себе пристальный взгляд Бьярни. Решил: плевать.

Один из свеев, бычара, весь в веснушках, пристал к Духареву: покажи, мол, на мне, как это голыми руками волколудов убивают?

– А виру за тебя кто платить будет? – осведомился Серега.

– Так я ж не ульфхеднар! – совершенно серьезно возразил свея. – Придурок!

– Ты скорее берсерк¹², – сыронизировал Духарев.

Свей надулся от гордости и некоторое время молчал. Но потом опять начал донимать. Дурак, но упорный.

Наконец Духарев плюнул, вылез из-за стола.

Дружинники сразу оживились. Это вам по собачья драка, это поинтереснее.

– Ну, давай, – сказал Духарев, и свей тут же полез на него грабками. Чисто медвежьи манеры. Устраивать шоу Серега не стал. Влепил пяткой с разворота в веснушчатый свойский нос.

Свей сел на задницу. Потрогал носяру. (Во крепок мужик! Другой воспарил бы птичкой и минуты три лежал в отключке!) Потрогал, поглядел на ладонь: красная. И закрытый перелом со смещением, что тоже легко определяется визуально.

– Га! – сказал швед. – Кровь!

Встал, вытянул тесак и полез по новой.

Духарев покосился на князя. Рунольт пьяно лыбился... А Бьярни, жопа нурманская, лыбился совсем не пьяно. Зуб можно дать: свей пристал к Сереге с его подначки. Серегин меч лежал близко, на лавке. С мечом Духарев вмиг вышиб бы ножик у пьяного свей. Однако меч – оружие боевое, в честной драке не разрешенное. Нож – другое дело. И нож у Духарева имелся. Даже два. Но резать дурака не хотелось. И чтоб самому шкуру попортили – тоже не хотелось. Лавкой, что ли, его треснуть? Надо что-то резкое сделать. Такое, чтоб у остальных черниговских братков желание подраться на кулачках напрочь отшибло. Значит, никакого джентльменства!

Духарев ухватил со стола корчагу, замахнулся... Простодушный свей вскинул руку – перехватить... и получил такого пинка по висюлькам, что его синие глаза стали белыми и выпучились не хуже лягушачьих. Нет, правильно говорят, что главное отличие боевого самбо от спортивного в том, что в боевом проведение любого приема начинается с удара по яйцам. Духарев поставил корчагу на стол, без малейших усилий вынул нож из руки противника (не забыл при этом легонько порезаться) и очень бережно усадил свей на лавку. Кликнул ближайшую девицу. Дал задание. Нет, не ублажить свей традиционным образом. В ближайшее время сексуальные игры бедняге противопоказаны. А показано ему сидеть на кадушке и купать пострадавший орган в холодной водичке. Серега его «утешил»: через пару дней легче будет. А через месяц, глядишь, уже и на бабу можно, если осторожненько. Сам же Духарев демонстративно вытер кровь с поцарапанной ладони и поймал одобрительный взгляд Устаха. Теперь никто не предъявит Сереге претензий за разбитый нос. Он ведь тоже кровь, хм... пролил. Ну что, есть еще желающие испытать на себе антиберсерчюю технику и проверить гузном крепость варяжского сапога?

Желающих не было. Даже Бьярни скромно отвел глаза.

Решив разрядить обстановку, Серега сдернул со стены сулицу и перешиб ребром ладони ясеневое древко. Что, в общем-то, было непросто, поскольку вышеупомянутое древко – не какая-нибудь ручка от швабры, ею даже удар меча отвести можно, если умеючи.

Гриди оценили: заорали восторженно. Обстановка разрядилась. Кто-то тут же, как водится, попытался повторить – и ушиб руку. Второй свей, уложив обломок древка между колен, азартно колотил по нему ладонью. Заросшей мозолями ладони ничего не сделалось, а вот на коленях образовались кровоподтеки. Которые свей с гордостью продемонстрировал.

Приняли еще. Голоса стали громче, настроение – лучше.

– А чего! – зычно воскликнул князь Рунольт. – А не добыть ли нам завтра кабанчика! На выселках та-акого вепрюгу видали!

Предложение имело успех. С полоцких гостей взяли строгое обещание: завтра – вместе на кабанью охоту. Что, лодья в Любече ждет? Подождет пару дней, не утонет.

Гости для виду поотнекивались немного – и согласились.

¹² Берсерк – оборотень-медведь.

Все срastалось в лучшем виде.

* * *

– Квасу дай, – лениво попросил Духарев.

Девка торопливо скатилась с ложа, черпнула ковшиком. Двумя руками поднесла посудину князьему гостю... И тут же шмыгнула обратно, мужчине под бочок.

Сергеа с удовольствием напился холодного квасу и снова улегся, вытянулся поперек кровати, положив голову на теплый девкин живот. Да... Пуховые перины под льняными простынками – это не травка под попоной. А живой женский животик – это вам не седло.

Лихая оказалась девка. С виду тихонькая, скромница. А когда Сергеа взялся ее обрабатывать со всей искушенностью начала третьего тысячелетия, постельная подружка визжала и орала, как дюжина завидевших купца печенегов. Духарев же чувствовал себя таким секс-демоном. Хотя понимал, что среди прочих здешних мужиков выделяется не потому, что немерено крут потрахаться, а потому, что никто из здешних, особенно воинов, бабским удовольствием не заморочивается. Бабе полагается радоваться уже от того, что герой баталий соизволил на нее взгромоздиться. Вот женщины, многие, были довольно искусны. Особенно те, кого привозили с востока. Но ценились они только... ценителями. И в стандарт местной красоты не вписывались. Мелки, чернявы, ни косы пшеничной, в руку толщиной, ни сисек четвертьпудовых, ни голоса зычного. Впрочем, теремные девки, вполне соответствующие местным понятиям, тоже дело знали. Собственно, для этого их и держали при гридницах. Надо сказать, что их бледская по сути профессия не считалась позорной. Многих потом и в младшие жены брали. Свой кадр, проверенный.

Умиротворенная девка перебирала пальчиками Сергеины желтые кудри и что-то говорила.

Духарев в ее речи не вслушивался, полагая, что обычная болтовня. Пока не уловил случайно «нурман» и «убить». Тут Сергеа включился, словно поисковая система, «поймавшая» ключевое слово.

– Ну-ка, ну-ка... – проворчал он. – Повтори, еще разок, малышка!

Девка запнулась, перестала перебирать пальчиками... Но тут же протараторила бойко:

– Ой не ездил бы ты, витязь, завтра на охоту-ть!

– Это почему же?

– Я ж и говорю: Бьярка-нурман убить ты задумал.

– Откуда ты это знаешь? – Духарев взял в ладони румяное девкино личико.

– Птичка начирикала!

– Ой, не верти, моя радость! – строго произнес Духарев. – Начала песенку – так заканчивай. Не то я и рассердиться могу.

– Ай я глупая, – искренне запечалилась девка. – Пожалела молодца, а молодец...

– Ша! – оборвал причитания Духарев. – Я тебя разве обидел?

– Н-нет, – не слишком уверенно ответила подружка.

– Так говори, не бойся. Дальше моих ушей не уйдет. Слово варяга!

– Дружка моя слыхала, Бьярка с угром своим говорил, мол, завтра варяги с князем лесовать пойдут. И ладно будет, коли больший варяг с охоты не вернется. Еще сказал, за мертвого варяга кое-кто серебра насыплет – сколь в большой шлем войдет!

– Ишь ты! – удивился Духарев. – Неслабая премия.

– Чёй-то они задумали нехорошее, – наморщив лобик, сделала вывод девка.

– Да уж, – согласился Духарев. – А что это ты, красавица моя, обо мне так заботишься?

– А полюбился ты мне! – дерзко заявила девка. – И вот ей! – она погладила между ног. – А Бьярка... Он злой! И с татями дубравными знается! Вот!

– Ну-ка, ну-ка! – еще больше заинтересовался Духарев. – Уж не этих ли татей серебро за мою голову?

Девка испуганно прижала пальцы к губам.

Перепугалась не на шутку!
Духарев обнял ее, погладил по теплой нежной спинке.
– Не трясись,– проговорил он тихо.– Я ж сказал: дальше меня не уйдет.
– Ага...– обиженно протянула девка.– Вы-т уедете, а нурман меня замучит! Иль степнякам продаст!
– Шутишь?
– Как же! Я первая, что ль?
– Так ты разве не Князева? – удивился Духарев.
– Князева. Только князь, он против Бьярки слова не скажет. Бьярка к нему от Киева приставлен.
– Сколько ты всего знаешь! – похвалил Духарев.
– Дак мы ж... Нас же никто... Мы ж вроде вот как эта изложница¹³. От нас тайны не прячут. Только и защитить нас некому-у-у!
Девка всхлипнула.
Сергея обнял ее покрепче.
– Если нурман и впрямь с разбойниками якшается, я его прищучу! – пообещал он.– Никакой киевский князь ему не поможет! А тебя с собой увезу, в Полоцк!
– Наложницей? – оживилась девка.
– Вольной. И денег дам.
– Сколько?
– Три гривны.
Сумма была немалая, но если выяснится, что девушка действительно спасла его жизнь...
– А почему в наложницы не возьмешь? – девка улыбнулась кокетливо.– Иль я тебе не понравилась?
– Жена не позволит,– честно ответил Духарев.– Ну, договорились?
– Угу. Слушай меня, витязь...

Устах спал. Рядом, свернувшись калачиком, спала блондиночка – светлая головка на широкой Устаховой груди. Запереть дверь на щеколду варяг не потрудился.

Духарев, переступив порог, помедлил немного... И разглядел, как рука Устаха медленно подползает к рукояти меча...

– Спокойно,– сказал Сергей.– Это я.

– А-а-а...

Устах не спросил, чего ради Духарев разбудил его среди ночи. Раз разбудил – значит, есть причина. Спихнул блондиночку, которая так и не проснулась, начал одеваться.

– Пошли ко мне,– сказал Духарев.– Есть новости.

Девка из «нумера» уже испарилась. Как ей и велено.

– Короче, так,– сказал Духарев.– Заправляют тут двое. Вожак разбойный и Бьярни. Один – тут, другой – в лесу, но и сюда наведываться не стесняется. Сам – из гридней. Не черниговский, но со здешними – накоротке.

– Откуда узнал?

– Оперативная информация.

– Чего-о?!

– Девка поведала.

– А-а-а...– Устах расслабился, на глазах теряя интерес.– Поверил девке!

– Поверил. И ты поверишь.

Надо, блин, ломать замшелые стереотипы.

¹³ Светильник.

– Брось,– лениво сказал Устах.– Обидел нурман девку, она и соврала. Слыхала, что мы с ними – на мечях, вот и наплела всякого.

– Наплела, значит? А не хочешь ли ты узнать, как зовут главного разбойничка?

– Ну?

– Свейни!

– И что с того?

– А ты припомни Смоленск. Как того десятника звали, нурмана, приятеля Хайнарова, с которым ты бился?

– Свейни,– ответил Устах.– Ну и что? Я тебе еще троих Свейни могу назвать. И все, заметь, нурманы¹⁴!

– Допустим,– Духарев ухмыльнулся.– Но, как я уже сказал, этот Свейни имеет наглость лично заявляться в здешний Детинец.

– В смелости ему не откажешь,– одобрил Устах.– И что же Рунольт, так его и привечает?

– А что Рунольт? На лбу ведь не написано, что разбойник. Так что особой смелости тут нет. Половина здешней дружины, сам же видел, обленилась просто позорно. А остальные, как я понимаю, в доле. Пляшут под дудку Бьярни. А нашего смоленского знакомого девка описала очень точно. Просто как живой перед глазами встал.

– Все равно не верю!– упрямо заявил Устах.– Чтобы из десятников княжьих – в разбойники? Не верю! Что приезжал сюда – может быть, а остальное...

– За мою голову между прочим, хорошие деньги посулили! Полный шелом серебра!

– Тоже от девки узнал?

– Так,– рассердился Духарев.– Устах, ты мне друг?

– Друг, конечно!

– Тогда поверь. Не девке, мне поверь: завтра, когда мы будем охотиться на кабана, кое-кто будет охотиться на нас. И мы с тобой, я и ты, должны быть начеку!

– Я всегда начеку,– флегматично ответил Устах. – Ты лучше выспись. Проку больше будет, чем бабью болтовню слушать. Не все бабы такие, как твоя Слада.

– Ага,– заметил Духарев.– Все-таки вспомнил, что и у женщин бывают мозги?

– Бывают.– Устах зевнул.– Только не у девок теремных.– Ладно, ты как хочешь, а я спать пошел,– и двинулся к дверям.

– Завтра увидим, кто прав! – крикнул вслед Духарев.

Вот ведь упрямец! Даже его своим неверием заразил!

* * *

Конечно, до киевского или даже полоцкого охотничьего великолепия черниговскому Рунольту было далеко. Но воздух так же звенел от собачьего лая, алели флажки, рычали рога доезжачих, горячили коней охотники в легких круглых шлемах. Собачки у Рунольта были разномастные, в основном гончие. Еще – четверка тяжелых лохматых волкодавов в стальных ошейниках и несколько борзых, которых можно было бы и не брать. От борзых в чаще проку ноль.

Ехали сначала трактором, потом свернули на скошенные поля.

У леса остановились.

Князь черниговский, уже промочивший горло, восседал на могучем жеребце, зычно раздавал команды загонщикам, определял, кому куда встать.

Два самых перспективных места были отданы гостям.

Сереге очень не хотелось отделяться от Устаха, но протестовать тоже было нельзя. Еще не хватало, чтобы в трусости обвинили.

¹⁴ Игра слов: нурман – норвежец, свейн – швед.

В напарники Сереге князь определил лучшего своего боярина, Бьярни. Скорее всего, по просьбе самого нурмана.

«Ну и ладно,— утешил себя Духарев.— Хоть на виду будет».

Он стал достаточно самоуверен, чтобы не сомневаться, что сделает нурмана один на один. Но, блин, у Бьярни железный козырь в рукаве. Разбойнички. А это, если все же поверить ночной подружке, точняк, еще один крутой боец-нурман. И неизвестно сколько подручных. С другой стороны, Бьярни вряд ли рискнет просто так прикончить гостя-варяга. Это ж надо какое-то оправдание придумать. Списать на разбойников? Спросят: а сам ты где был? А если отбил, то почему не отбил варяг? И где побитые тати? Это ведь только слабоумный поверит, что какие-то, блин, разбойники напали на лучших гридней — и ушли без потерь. И кто, интересно же, рискнет Роговолта полоцкого или Свенельда-воеводу в слабости ума подозревать?

Духарев пробирался сквозь чащобу вслед за Бьярни и прикидывал, откуда ожидать подлнки. Наверное, впервые он пожалел, что не в Диком Поле, где все — на виду.

Нет, к бою он был готов. Полный доспех, меч, лук, в колчане всего пять охотничьих срезов. Остальные — боевые, бронебойные. Не на зверя — на человека.

Пригибаясь к гриве коня, чтобы не задеть низкие ветви, Духарев боролся с искушением всадить одну граненую стрелочку в бармицу Бьярниного шлема. Только нехорошо это. Да и нурман наверняка начеку. У хорошего воина затылок чуист, как нос гончей. Но Серега тоже клювом не щелкал: принимался, прислушивался, вычленял из звуков безопасных, вроде отдаленного лая гончих и перестука дятлов, признаки возможной опасности, напрягал интуицию... Однако явной опасности не обнаруживал.

Выехали на небольшую полянку, всю усыпанную боровиками.

— Здесь,— коротко бросил Бьярни, спрыгивая на землю и привязывая коня.

Серега тоже спешился, огляделся.

Слева пованивало болотце. Справа — бурелом. Впереди — заросли; путаница ветвей, в которой звериная тропа — как собачий лаз. В траве Духарев заметил черные ошметки сети. Видно, здесь не раз ставили тенета, в которые загоняли зверя. Но сеть — это не так интересно. Вот принять на копье двухсоткилограммового секача — это по-мужски!

Бьярни прошелся взад-вперед, нещадно давя сапогами бурые шляпки. Боровики его не интересовали. На грибы пусть смерды охотятся. Нервничает? Или просто ноги разминает?

Серега прислонил к стволу тяжелую рогатину, перевесил из-за спины на бедро меч и уселся на пенек. Пока еще гончие поднимут зверя, пока пригонят сюда...

Но ждать пришлось совсем недолго. Собачий лай звенел еще далеко, а Серегино ухо уже уловило глухой тяжелый топот.

— Секач, похоже,— негромко произнес Бьярни. — Не собаки подняли — сам уходит. Опытный.

И впился в Серегу испытующим взглядом. Духарев кивнул. Узнать по собачьему лаю, идут ли псы по следу или просто брешут, Духарев не умел. Не говоря уже о том, чтобы определить, кого именно гонит свора. С другой стороны, зачем нурману врать?

— Сам возьмешь? — спросил Бьярни.

Духарев кивнул, и нурман тут же отошел назад, за деревья. Будь рядом Устах — встал бы сбоку, с рогатиной наготове. Мало ли... Вдруг хрустнет древко рогатины или нога заскользит по мокрой траве?

Ничего. Обойдемся! Кабана Серега уже брал пару раз. Причем в одиночку.

Топот приближался.

Бегущий вепрь — это живой таран. Удержать его — навык нужен и сила. Но удержать можно. Духарев поплевал на ладони, встал прямо на тропе, уперся каблуком в выпирающий корень, приготовился. Ветерок дул в лицо. Глазенки у секача мелкие. Сразу не разглядит. Может, притормозит даже, от неожиданности. Главное — к себе не подпускать. Кабаний клык режет почище кривого засапожного ножа.

Зверь приближался. Тяжелый мерный топот. Здоровенный кабанище, должно быть...

Духарев ощутил, как приятно бурлит внутри азарт. Вот это житуха, мать ее!..

Страшный рев оглушил Сергея. Огромная рыжая голова неожиданно вынырнула из зарослей, разметав ветки. Серега еще успел удивиться, почему это кабанья морда – не на уровне бедра, а существенно выше, еще успел вздернуть рогатину, поставленную на удар по приземистому зверю... И тут голова резко нырнула вниз, Духарев увидел корень шершавого, как древесная кора, рога, рванулся в сторону, уходя от прямого удара, но его уже зацепило, под страшный звук лопающихся кольчужных колец, вскинуло вверх со страшной силой, будто бампером грузовика снизу ударило.

Серега уронил копье, кувыркнулся в воздухе, попытался кое-как сгруппироваться и грохнулся на бок. Внутри что-то екнуло, словно оборвалось. Рыжая громада надвинулась сверху. Изогнутый, чуть ли не с руку длиной, рог шибанул Духарева сбоку, но Серега успел в последний миг ухватиться за него и не дать черному острию поддеть себя под ребро. А земля опять ушла вниз, мелкнула рыжая, к колтунам, спина пошире лошадиной – и Серега влетел прямо в бурелом, успев только прикрыть лицо от острых сучьев. По шлему ударило, словно великанской палицей. В глазах потемнело. На какое-то время Серега отключился... И очнулся, почувствовав, как его выволакивают из зарослей. Могучий зверь, как-то ухитрившись зацепить рогом подол кольчуги, сопя вытягивал Серегу из бурелома. Явно с самыми нехорошими намерениями.

Духарев изо всех сил вцепился в трухлявый ствол, впервые пожалев, что у него такая крепкая кольчужка.

Сука нурман! Знал же наверняка, что это не кабан, а тур. Турище, мать его! Бычара! Его бы в Испанию, к тореадорам, буйвола рыжего... И мокрое место останется и от тореадора, и от всей камарилы! Это, блин, не хилых бычков шпажкой тыкать... Меч, блин, где же меч?

Меч за спиной не ощущался, но тут Серега вспомнил, что перевесил его на бедро... Только толку – ноль.

«Что ж ты ко мне пристал, дурное животное? Что я тебе такого сделал?»

Но турище знай себе сопел и тянул, Духарев цеплялся из последних сил и вдруг – хряп – гнилая древесина подалась под пальцами, острый сучок полоснул по щеке, тур ревнул, мотнул башкой – и Духарев опять взлетел ногами кверху и опять плюхнулся спиной на что-то твердое. Кабы не броня, давно бы кости переломал.

Ах ты, погань рыжая!

Бычара неторопливо, враскорячку трусил к Сереге. Уверен, блин, что не смоемся человек. И прав ведь, паршивец! Нету у Сереги сил ни драться, ни бежать к ближайшему дереву. Только ворочаться, как придавленный червяк. В пору нурмана на выручку звать. И позвал бы, но ведь не придет. Захотел бы – уже спешил бы на помощь. Ну нет, бычара, я тебе не червяк!

Серега разъярился. Может, именно из-за этой наглой уверенности умной скотины: хана человеку!

Рубануть мечом в лежащем положении почти невозможно. Особенно так, чтобы повредить такую машину мышц. Зато кольнуть – вполне. И Серега ширнул зверюгу острием прямо в черную сопатку!

Ого! Вот это звук! Не нравится, да?

Тур отпрянул. Из порванной ноздри капала кровь... И тут Духарев увидел, что из турьего бока торчит обломок стрелы. И красный потек на шерсти – свежий.

Обдумывать это было некогда. Тур взрыл землю раздвоенным копытом и, опустив башку, понесся вперед. Серега откатился влево – он заметил, что тур бьет именно слева. Успел! Рог вспахал землю, слово лемех плуга.

Тур остановился. Удивился, гад!

Духарев услышал, как бьется и ржет лошадь. Серегина. Нурманской не было. Смылся, что ли?

Бык тоже услышал ржание и вдруг сорвался с места и ринулся на несчастное животное.

Длинные рога вошли в лошадиное брюхо. Лошадь закричала почти по-человечьи. Тур рывком освободил рога и ударил снова. Совсем ошалел.

Сереге, скрипнув зубами, поднялся и заковылял к деревьям. Дышать было больно. Наверное, ребро сломано...

Два десятка метров оказались невероятно огромным расстоянием. Сереге споткнулся и чуть не упал. Оперся на меч, отдыхая... И в последний миг услышал за спиной drobный топот...

Выпучив глаза, весь перепачканный в крови тур летел на него.

Откуда силы взялись! Он так лихо отпрыгнул в сторону, что бык промахнулся.

Затормозив всеми четырьмя, тур тут же развернулся...

Где-то под солнечным сплетением у Сереге как будто открылась дверца. В голове прояснилось, колени перестали дрожать.

– Пошел вон, дурак! – заорал Духарев, выбросив в крике дурную ярость.

Конечно, тур не ушел. Конечно, он тут же бросился на Сергея. Но Серга уже был готов. В общем-то, это не труднее, чем уйти от удара секирой. Уход в сторону с разворотом, полосующий удар... Тур споткнулся и рухнул, ткнувшись рогами в дерн. Серга не бросился его добивать, ждал. Тур медленно поднялся. Передняя нога его подгибалась. Клинок подрезал связки. Но тур все равно захромал в атаку. Настоящий воин!

Серга снова пропустил потерявшего прыть зверя мимо себя, перехватил меч двумя руками, словно копье, и, держа плоскость клинка вертикально, изо всех сил вогнал его между турьих ребер. Тур издал короткое жалобное мычание – совсем как корова – и завалился. Алая кровь потекла из открытой пасти. Коричневый, выпуклый, еще живой глаз глядел на Духарева печально и обиженно.

Серга взялся за рукоять своего меча, потянул, но вытянуть не сумел. Силы стремительно уходили.

За спиной раздался смех.

Духарев обернулся.

Бьярни.

– А крепок ты, варяг, – похвалил нурман. – Думал, бык тебя стопчет.

– Не стоптал, как видишь, – буркнул Духарев, пытаясь скрыть накотившую слабость.

Еще раз дернул меч...

– Застрял? – сочувственно произнес Бьярни.

И отстегнул от пояса секиру. Намерения его читались совсем легко.

Духарев перескочил через турью тушу. Вышло совсем неловко, едва не упал.

Нурман обидно засмеялся. Серга попятился.

Где-то здесь должна валяться рогатина...

Чертов нурман угадал его мысль. Перемахнул легко через турью тушу, поиграл топором.

– Нечестный бой, – хрипло проговорил Духарев.

Голова у него кружилась.

– Ага! – с удовольствием подтвердил нурман. – Тебя Свенельд послал?

Духарев молчал.

– Я и сам знаю, что Свенельд, – процедил Бьярни. – А охотник из тебя – дрянь. Тура с кабаном перепутал, да?

– Я его завалил! – хмуро бросил Духарев.

Потянуть время, может, полегче станет?

– Ага, – согласился нурман. – Ты – тура, а я – тебя. А что еще Свенельд про нас узнал? – Он наступал на Духарева, Серга отступал. Такая вот игра. В одни ворота...

– Многое, – сказал Духарев, сделав еще один шаг назад.

– Так что же? – Бьярни, играя, перекинул секиру из руки в руку. – Скажешь что интересное, варяг, и я тебя сразу убью. Или ты хочешь – по частям? Сначала ноги обрубить, потом руки? Как хочешь?

– По частям,– сказал Духарев.– Хочу я, нурман, пожить подольше... Бей!!!

С оглушительным криком Духарев прыгнул вперед, пытаясь перехватить секиру. Но нурман не купился. И сам бросок вышел гнилой. Бьярни ударил Сергея рукоятью в бок. Туда, где турий рог порвал кольчугу. Духарева скрутила черная боль. Он перестал видеть и слышать, скрючился... Но понимал, что нурман сейчас рубанет. И ждал этого удара...

Но удара не было.

Вместо этого сильные руки бережно обняли Сергея, поддержали...

«Этого не может быть»,– подумал Духарев.

Нурман совершенно точно собирался его убить. В таких вещах ошибиться невозможно.

Между тем нурман так же бережно помог Сергею выпрямиться. В глазах прояснилось, и Духарев увидел... Устаха!

А нурман?

А нурман валялся ничком рядом с турьей тушей, и из спины его торчала вошедшая на пол-лопасти рогатина.

– Слабый удар...– прохрипел Духарев, наконец осознавая, что пока живой и, скорее всего, поживет еще немного.

– Тур глубже не бьет,– деловито ответил друг.

Тур... Тур?

– Устах... Стрела...

– Какая стрела?

– В быке... Должен быть еще один...

– Посиди пока,– Устах аккуратно опустил Серегу на траву.

Духарев тут же отрубился.

Пришел в себя от боли.

Устах аккуратно обследовал Серегин бок.

– Вроде бы целы,– сказал он не очень уверенно.– Болит сильно?

– Жить можно,– ответил Духарев.– Но трудно. Второй?

– Никого нет,– покачал головой Устах.– С чего ты взял, что был второй?

– Тур. Кто-то загнал его сюда. И всадил стрелу, чтобы зверь сразу на меня кинулся.

– Стрелу я видел,– сказал Устах.– А насчет стрелка... Не уверен. Выпей-ка! – Он протянул Сереге его собственную флягу: с зеленым тмутараканским вином.– И давай думай, что Рунольту врать. У тебя складней получится.

* * *

Рунольту наврали то же, что, видимо, собирался ему наврать покойник-нурман. Мол, выскочил тур да и убодил славного Бьярни. И гостя-варяга едва-едва не пришиб.

Версия не оспаривалась. Незвестный свидетель, выпустивший в тура стрелу (которую, кстати, Серега лично извлек и выкинул), заявления свидетелей не опротестовал. Даже если это был один из гридней, ему ничего не оставалось, как молчать в тряпочку.

Тура скушали. Бьярни-десятника с положенными почестями сожгли. За этими важными событиями почти незамеченной прошла случайная смерть теремной девки, оскользнувшейся на лесенке. По странному совпадению, той самой девки, что была с Духаревым в предшествующую охоте ночь.

Серега в случайности не верил и за девку обиделся. Обиженный, он лежал под верблужьим одеялом в горнице черниговского детинца и демонстративно болел. Все в Детинце были уверены, что помятый туром варяг даже по нужде и то еле встает. Сам Рунольт-князь посетил болящего и провел у Серегина одра часа два. Сначала травил байки из времен собственной молодости. Потом перешел к кулинарным рецептам. Проявил большое знание предмета. Поведал, что держит повара-булгарина, знатока болгарской, ромейской и хузарской кухни. Сам князь предпочитал ромейскую. Есть у Рунольта знакомый купец. Каждый год привозит с востока пряности и прочее. Рунольт непременно велит повару

приготовить для раненого варяга что-нибудь особенное. От собственных разговоров князь проголодался. И удалился покушать. Перед уходом Сергей попросил его отправить отрока в Любеч. Передать кормчему Гораздовой лодьи, что Сергеем-витязь серьезно поранен на охоте и просит подождать, пока поправится. Рунольт обещал, что гонец будет послан незамедлительно.

Между тем тяжесть Серегоных ран была существенно преувеличена. По его же инициативе и не без дальней цели. Может, рискнет кто – и попробует добить тяжело раненного?

Миновали сутки. Ничего не произошло.

За время вынужденного безделья Серега старательно проанализировал ситуацию. Связь разбойников и покойного Бьярни была очевидна. Так же очевидна была непричастность князя. Предприимчивость князя распространялась исключительно на область гастрономии. И надо признать, что человек он был хоть и недалекий, но честный. И за Правду стоял крепко. Беда в том, что при нынешних делах в княжестве надо было не стоять с разинутым клювом, а двигаться. Причем шустро. Из гридней Рунольта к шустрому передвижению были способны Бьярни и его дружки: два свея и угр. Может, еще кто-то из молодежи, отроков. Но их пока можно в расчет не принимать. Один из свеев временно утратил проворство: лечил опухшую гузку. Его тоже вычеркиваем, тем более он вряд ли посвящен в детали операции, поскольку глуповат. Остается второй свей и угр. Бедная девка упоминала угра. Свей, вероятнее всего, тоже при делах. Но угр замешан в афере без всяких вероятий. Значит, с него и следует начать.

Угра звали Бердяком. Это был здоровенный рябой мужчина с наглой рожей и черной бородищей. Единственный, кстати, из старших гридней, не заглянувший к «болящему» с выражением сочувствия.

Поэтому Серега решил сам его навестить. И взять у него небольшое интервью. Круг вопросов Серега определил заранее. А чтобы беседа шла гладко, пригласил за компанию Устаха. У его друга был настоящий талант за каких-нибудь полчаса делать разговорчивыми самых отъявленных молчунов.

* * *

Крепкий сон – серьезный недостаток для воина. Бывает так: уснешь... а проснуться уже не удастся.

В этом отношении Бердяку повезло.

Он проснулся.

Правда, не по собственной инициативе, а разбуженный неприятным прикосновением холодного железа к теплому горлу.

– Кричать не нужно, – благожелательно посоветовал Духарев. – Будет бо-бо.

И пошевелил ножом под бородой угра.

Припасенным фитильком Устах зажег изложницу.

Пусть собеседники как следует разглядят друг друга.

Разглядели. Рябое лицо угра тут же покрылось бисеринками пота.

– Чего надо? – хрипло спросил он.

Серега еще немного пошевелил лезвием, чтобы черниговский гридень прочувствовал, какое оно острое, и осведомился добродушно:

– Девку ты убил?

– Какую еще девку? – просипел Бердяк.

Из зарослей его бороды выползла любопытная вошка, но, почуяв нехорошее, тут же спряталась.

– Он не понимает, – обратился Серега к Устаху. – Дурной? Или память плохая?

– Да что ты с ним возишься? – буркнул Устах, чья роль была оговорена заранее. – Режь

его – и пошли.

– Вы не можете меня зарезать! – нервно проговорил угр. – Князю ответите!

– Это Рунольту, что ли? – усмехнулся Духарев. – Ну ты меня развеселил!

– Игорю киевскому! – агрессивно прохрипел угр. – Я – его ближник, понятно?

– Шавка ты, а не ближник! – фыркнул Духарев. – У князя киевского большие бояре в ближниках, а не глупый черниговский гридень. Но такого, как ты, даже князевы бояре в службу не возьмут. Кому ты нужен, дурачина!

– А вот нужен, раз взяли! – возмущенно заявил Бердяк.

– Ладно тебе брехать, – лениво, с издевкой протянул Серега.

– Я правду говорю!

– Ну-ну. И как же зовут твоего боярина? Холоп при княжьей конюшне?

– Про Скарпи слышал? – купился на подначку Бердяк.

Духарев поглядел на Устаха.

– Верно, – подтвердил тот. – Есть такой. Великого князя ближний боярин.

– Значит, ты, угр, за Рунольтом для Скарпи доглядываешь? – строго спросил Духарев.

Бердяк сообразил, что сболтнул лишнее, и прикусил язык.

Но это молчание как раз и подтверждало, что угр упомянул киевского боярина не ради красного словца.

– Значит, Скарпи, – Духарев кольнул угра ножом. Тот дернулся, но сопротивляться не рискнул.

– Так что, Бердяк, – повторил Серега первый вопрос. – Ты убил девку?

– Ну я, – буркнул угр.

В сравнении с первым признанием смерть девки казалась ему незначительной.

– А почему?

– Надо было.

– Бывает, бывает, – кивнул Серега. – Это я понимаю. Девки, они такие. Сболтнет чего – беды не оберешься. Эта, небось, тоже язык распустила? – поинтересовался Духарев сочувственно.

– Сболтнула, дура, что ты ее с собой заберешь, – проворчал угр.

– А убивать зачем? – с деланным недоумением поинтересовался Духарев. – Продать – и все дела. Не сообразил?

– Я и говорил – продать! – запальчиво заявил Бердяк. – А Фарланд: убить – и край!

Фарландом звали второго свея. Если считать первым того, кого вздул Духарев.

– Значит, Фарланд... – спокойно произнес Духарев. – Фарланд приказал – ты убил. Выходит, Фарланд теперь старший? Или старший – Свейни?

Бердяк сообразил, что опять сболтнул лишнего. И сейчас морщил лоб, пытаясь угадать, что еще знает страшный варяг.

– Ну давай, не запинаясь, – подбодрил его Серега. – Что, Фарланд у вас теперь старший?

Бердяк забегал глазами, завозился, поискал справа... наивный. Меч его уже давно отдыхал в дальнем углу светелки.

– Резать его! – Устах навис над Бердяком. Концы отсиненных усов едва не кололи глаза упрямого угра.

– Не посмеете! – Бердяк упорно отказывался верить в серьезность намерений варягов.

Пришлось кое-что ему растолковать.

– Нас тут нет, – сказал Духарев. – Я нынче лежу в постели, слабый и болящий. И друг мой тоже лежит в постели. И девка ему бок греет. Нет нас тут. И не было. А что горло у тебя перерезано, так сам ты его и перерезал. Нож твой? Твой. В чьей руке его найдут? В твоей. А почему зарезался? Да кто тебя знает. Может, по Бьярни печалился? Может, по девке, которую пришиб?

– Ах ты... – Угр попытался приподняться, но лезвие приникло к кадыку, и угр сник. Перехватить Серегину руку он даже не пытался. Соображал он туго, однако скумекал, что от варяговой руки до его горла ближе, чем угровой лапе – до Серегиного запястья.

Лежал Бердяк-угр, переваривал сказанное.

«Да, братила,— посочувствовал ему Духарев,— супротив детективных хитростей выходца из двадцатого века простодушный подход века десятого не катит».

— Если хочешь жить — выход у тебя один,— заметил Серега. — Рассказать нам все, что знаешь.

Тут Бердяк решил поупрямиться. Или сообразил, что нежелательных свидетелей не оставляют в живых.

— Да иди ты к лешему!

Серега увидел, как глаза угра медленно заволакивает ярость.

Еще миг — и он рванется навстречу смерти.

Буц! Набитый песком мешок опустился на голову Бердяка, и угр отключился.

Получить добровольное признание Духарев особо и не рассчитывал. Угр и так наболтал больше, чем ожидалось. Серега поглядел на Устаха — Устах был доволен!

— Упертые — они молчуны! — сказал специалист по жестким методам допроса.— А этот, вишь, разговорчивый! Обратаем!

И принялся за дело.

Очнулся Бердяк уже плотно упакованным: одна голова ворочалась. Попытался заорать — оказалось: никак. Трудно кричать, когда во рту шерстяная рукавица.

— Он твой, Устах,— сказал Духарев.— Только шкуру ему не порти. — И отвернулся к окну.

За Серегиной спиной слышались стоны, мычание, что-то хрустело, скрипела кровать...

Длилось это не очень долго. Устах оказался прав: угр сломался быстро. Когда варяг окликнул Духарева, грозного княжьего гридня Бердяка уже не было. Был захлебывающийся слюной, плавающий в холодном поту мужик, готовый выложить все, чтобы избежать боли.

В который уже раз, поглядев на подобное зрелище, Духарев подумал: «А я? Выдержал бы?»

Определенный ответ можно было бы получить только одним способом. Но что-то не хотелось.

Кляп выдернули, и угр «запел».

Инициатором идеи оказался тот самый киевский боярин Скарпи. Черниговские земли были выбраны потому, что здесь у Скарпи был надежный человек, Бьярни, который, пользуясь поддержкой Киева, вертел Рунольтом как хотел. Разбойничья шайка была собрана тоже не из черного люда, а исключительно из опытных воинов. Не славян. Командовал грабителями самый настоящий десятник-нурман. Было ли имя Свейни его настоящим именем, угр не ведал. Дюжина воинов-профи, да еще при попустительстве дружины, творила в княжестве все, что хотела. Сопротивлявшихся огнищан и смердов приканчивали. Жалобщиков к князю — убивали с показательной жестокостью. Вряд ли кому удалось бы добраться до Киева, но и там у разбойников было качественное прикрытие: боярин Скарпи. Этот же Скарпи наладил контакты со Степью. Он же подыскал подходящих для дела купцов. Так что сам князь Игорь, скорее всего, понятия не имел об этом «доходном предприятии». А «предприятие» и впрямь выходило очень доходным. За одну только пригожую девку степняки платили гривны три-четыре. Впрочем, одними черниговскими землями разбойники не ограничивались: совершали рейды и в другие области. Тут к ним присоединялись и доверенные черниговские гридни. Творить беспредел над перепуганными смердами было легко и весело. И денежно. Лишь один раз, когда наезжали на радимичей, сели им на хвост дружинники смоленского посадника. Но и тут вывернулись. Часть ушла, а часть назвали воинами черниговского князя, преследующими тех самых разбойников. Смоляне поверили. Стали ловить вместе. Ясно, не поймали.

Кляп опять вернулся на место. Устах выволок из-под кровати небольшой сундучок с хитрым ромейским замком. Ключ от замка, на солидной золотой цепи, был еще раньше обнаружен на шее Бердяка.

Ага! Серебришко-золотишко!

Сергеа зачерпнул пару горстей: себе и Устаху. Остальное не тронул. Косить под грабителей ему не казалось удачным.

Угр зажевал кляп: желал что-то поведать.

– Все забирайте! Я молчать буду! – пообещал он.

Но глазенки так и бегали. Понятно, жить хочется. Как всем. Как тем смердам, которых разбойнички порешили, чтоб не мешали дочек отбирать.

Оба варяга поняли друг друга без слов.

Духарев впихнул большие пальцы под горло угра, пережимая артерии. Пара минут – и клиент обмяк. Вырубился.

Устах тем временем выпутал левую руку угра, взял принадлежащий Бердяку нож и аккуратно, вдоль, вспорол вену.

Вот и все.

Устах чистым кусочком простыни стер подсохшую кровь, вытекшую из проколотого уха покойника. Больше никаких следов насилия на теле угра не имелось. Пара царапин на горле – не в счет.

Довершая картину, Духарев высыпал содержимое сундучка на пол. Пусть первый, кто войдет, сначала денежки увидит. Учитывая, каковы здешние дружинники, куча драгметаллов должна произвести на них куда большее впечатление, чем труп кореша. Тем более что это уже не первое «самоубийство» в Детинце. Был прецедент.

– До Скарпи нам не дотянуться? – спросил Духарев, когда они уже улеглись, чтобы урвать хоть полночи сна.

– До Скарпи даже Свенельду не дотянуться, – отозвался Устах.

Ему, как старшему годами, досталось полноценное ложе. Серега удовольствовался медвежьей шкурой на полу. К себе он не пошел. Вместе – безопасней.

– Значит, сделаем что можем, – философски заметил Духарев.

И они сделали.

* * *

На следующий день, не дожидаясь неизбежного после обнаружения «самоубийцы» переполоха, друзья тихонько упаковались, оседлали лошадок и покинули гостеприимный городок Чернигов. Отроки при воротах препятствий им не чинили, напротив, пожелали, чтоб дорога – скатертью.

Тем не менее далеко по дороге варяги не уехали. Пристроили лошадей в распадке, а сами вернулись и спрятались в сарайчике неподалеку от западных ворот. Никто их не потревожил, кроме блох. А часика эдак через два из ворот рысцей выехал славный гридень черниговский Фарланд и попылился через огороды к дальнему лесу.

Друзья быстренько сбегали за лошадьми и сели славному гридню на хвост.

Выследить своя оказалось делом нехитрым, поскольку тот чесал по лесной тропе прямо к цели, не заморочиваясь такой мелочью, как запутывание следов.

Повихляв километров десять по молодому лесу, тропа вывела варягов на крутой речной бережок.

Здесь, на живописной круче над Десной, стояла крепкая изба с конюшней и невысоким заборчиком. На лугу паслись стреноженные лошади, в одной из которых легко опознавалась Фарландова.

Здесь же, на лугу, играли в догонялки две кренделехвостые собачонки. Еще одна шавка дрыхла под забором.

Кому принадлежала избушка, можно было догадаться без особых умственных усилий.

Разбойничьи лаечки не выглядели бдительными сторожами, тем не менее варяги не поленились обогнуть усадьбу, зайти с подветренной стороны и залечь на бугорке, в зарослях малины.

Через часок из дому в голом виде вывалили двое его обитателей и отправились купать

лошадей. Место было удобное: сверху к реке сползал желтый песчаный язык. Тут же лежали кверху днищами две узкие лодки.

Все три шавки увязались за людьми, но подобраться поближе варяги не рискнули. Впрочем, информацию о численности противника они получили, когда обитатели избы вместе с черниговским гостем выбрались во двор пообедать.

Разбойников оказалось четверо.

Смоленского десятника Свейни среди них не было.

Узнав, что требовалось, друзья со всей осторожностью покинули наблюдательный пункт, отъехали километра на три и затаились у тропы.

Духарев был уверен, что возвращаться Фарланд будет тем же путем.

В ожидании «клиента» варяги перекусили пирогом с печенкой, запивая его родниковой водичкой. Затем Духарев отправился вздремнуть, а Устах встал на стражу.

Они успели дважды поменяться, прежде чем, уже на закате, появился Фарланд. Беспечный свей рысил, как через свой собственный двор: кольчуга в сумке, голова не покрыта.

Духарев неторопливо выехал из чащи, остановился.

Фарланд сразу все понял, цапнул рукоять меча...

Но над его головой уже парил печенежский аркан.

– Пошел!

Конь Устаха рванул в галоп, и свей бескрылой птичкой-пингвином вылетел из седла.

Духарев перехватил его лошадь.

Устах проскакал мимо, волоча за собой цеплявшегося за аркан свей. Топот копыт удалился и снова приблизился: варяг вернулся. Когда он остановился около Сереги, гридень Фарланд уже не пытался уцепиться за стянувший горло волосяной аркан. Потому что был мертв.

Устах аккуратно свернул аркан и приторочил к седлу. Вдвоем с Духаревым они подняли покойничка и заправили его ногу в стремя. Длинное стремя, не укороченное, как у варягов и степняков.

Духарев хлестнул лошадь по крупу, и животное, кося испуганным глазом, припустило домой. Труп волочился по земле, отсчитывая мертвой головой все корешки и камешки.

– Ну? – спросил Устах.

– Хочешь сказать: их всего четверо?

– Ну!

– Ну так поехали! – ухмыльнулся Серега.

– Возможности две, – рассуждал Духарев, покачиваясь в седле. – Ударить с ходу или подкрасться незаметно.

– Собачки, – напомнил Устах, ехавший сзади.

– А если чесноком натереться? Или барсучьим жиром?

– Ты сначала барсука схить, – посоветовал друг.

– Да, понятно. Значит, с ходу? А если запрутся?

– Пошумим – выбегут!

– Да, скорее всего. Наглые.

– А кого им бояться? Смердов, что ли? Это же не наши кривичи-охотники. Здесь народ тихий.

– Тоже верно. Значит, решено? С ходу.

– Не с ходу, а сначала оглядеться надо, – возразил Устах. – Давай прибавим, а то стемнеет.

Из открытого продуха¹⁵ курился дымок. Кушать готовили господа разбойнички.

¹⁵ Продух – часть крыши над очагом в избе, которую топят по-черному. В теплую погоду сдвигается, чтобы

По этому поводу все три пустолайки, вместо того чтобы, как положено, охранять территорию, вертелись у крыльца.

Дверь открылась. Появился мужик с двумя кожаными ведрами. Безоружный, только нож на поясе.

Одна из собачек увязалась за ним, остальные попытались проникнуть внутрь, но были с позором изгнаны.

– Берем? – спросил Серега.

– Угу. Когда возвращаться будет.

Показался разбойник с полными ведрами. Взобрался по песчаному языку, перехватил ведра в одну руку, пописал сверху, попутно наслаждаясь закатом. Закат и впрямь был красивый. Для некоторых – последний...

Шавки с брехом кинулись к всадникам – и порскнули в стороны, подальше от лошадиных копыт.

Любитель заката уронил ведра, заорал истошным голосом. Одной рукой придержал портки, другой выхватил нож. Герой! Лучше бы в речку прыгнул. Пронесшийся мимо Устах выбросил руку с мечом – и «герой» полетел с откоса.

Духарев махнул через забор и лихо, прямо с седла сиганул на крыльцо. Почти месяц этот приемчик осваивал. Освоил. Но сейчас едва не грохнулся – из-под ноги с визгом метнулась собачонка.

В доме царила идиллия. Один разбойничек лежал на лавке и считал мух, второй, «вооруженный» большой деревянной ложкой, кухарничал. Третий топориком рубил дровишки. Появление Духарева восторгов не вызвало: топорик немедленно полетел ему в лоб. Серега пригнулся, чтобы не мешать красивому полету.

В укоризну разбойничкам следует отметить, что они не стали спрашивать гостя, кто да откуда, а, похватав что подвернулось, невежливо, скопом кинулись на него. Решили, видно, что раз неожиданный гость один-одинешенек...

Последнее, впрочем, для них не имело ровно никакого значения. Когда, минутой позже, в избу ворвался Устах, веселье уже закончилось. Варягу осталось только хмыкнуть и вытереть подвернувшимся рушником меч.

Трупы погрузили в лодку и отправили вниз по реке.

Поужинали разбойничьей похлебкой. Собачек тоже не обидели. Лаечка – не боевой пес. Кто ее кормит – того и любит.

Плохо было одно: в запале всех разбойников побили насмерть. А лучше было б хоть одного живьем взять. Да поинтересоваться, когда вернутся его дружки.

* * *

В избе они прожили еще три дня. Два – как на курорте: никто не беспокоит, погода отличная, третий – хуже. Во-первых, зарядил дождь, во-вторых, из Чернигова появился гость. Тот самый свей, которого Серега на пиру маленько попинал.

Приехал болезный, ну прям как к себе домой. Примотал поводья к столбу и ввалился в избу без стука.

Ну и удивился же он, увидав новых квартирантов! Целую минуту стоял, сопли жевал да рот открывал-закрывал, как первогодок, пойманный за дрочкой на устав караульной службы.

Варяги дали ему возможность наудивляться сполна, но когда свей сделал попытку удрать, попытку эту безжалостно пресекли.

Далее имела место небольшая приватная беседа, в результате которой была получена следующая информация: в черниговском Детинце маленько обеспокоены. Сам князь Рунольт пробудился от многолетней дремы и лично опросил каждого из своих дружинников: что же

дым уходил вверх, а не стелился по потолку.

такое происходит? Сначала тур приканчивает Бьярни. Потом ни с того ни с сего режет вены Бердяк. И в довершение лошадь приволакивает Фарланда с разбитой башкой. Ну, допустим, тур есть тур. С ним шутки плохи. Ну, допустим, угр всегда был с придурью, а Фарланд – неважным наездником. Каждая смерть в отдельности не вызывала подозрений. Но три подряд!

Не выяснив ничего путного у дружины, Рунольт послал за жрецами: может, кто из богов на братву обиделся? Оказалось, да. Обиделись. Причем все сразу. И все с трогательным единодушием желают внеплановых подарков.

Рунольт, лентяй, но отнюдь не дурак, от такой жадности озверел, жрецов выгнал взашей. Вспомнив, что сам – верховный жрец, собственноручно зарезал трех стареньких рабов у Перунова идола. Засим разослал дружинников искать по лесам настоящего ведуна. Вот в рамках этих поисков и решил своей наведаться в разбойничью избушку. И выяснить, что дальше делать? А то он, несмотря на присягу, хоть сейчас готов разобраться с этим жирным варягом Рунольт! Вот ведь жадюга: воспользовался княжьим правом и присвоил себе имущество всех троих погибших. А это ж такая прорва денег! Рази ж какой-то Рунольт имеет больше прав на наследство, чем старый кореш и подельник усопших?

Варяги ему пособолезновали. Устах даже настолько расчувствовался, что оставил бедняге второе ухо. Только вот беда, вошканье князя черниговского их совсем не интересовало, а ничего путного по поводу своих пока еще живых корешей, отсутствующих разбойников, своей сообщить как раз и не смог. Грабитель уехали, это понятно. А когда вернутся – только они сами и ведают.

Смертельно обиженного свая Устах «подарил» Перуну. С просьбой поспособствовать им, а не черниговским безобразникам. Варяг полагал, что даже один сочный, пусть даже непутевый гридень на весах перетянет трех чахлах холопов, прирезанных Рунольт. Серега не возражал. Не видел оснований препятствовать другу в отправлении религиозных «надобностей», тем более что свая так и так следовало прикончить.

Внял ли Перун его просьбе или нет, сказать трудно. Но в полдень следующего дня прикормленные собачки залились лаем, встречая появившихся на опушке всадников.

Разбойников было семеро, и возвращались они не порожняком. За последним, на веревочке, тянулись гуськом пленницы. Вид у них был унылый.

Зато сами разбойнички выглядели отлично. Морды румяные, кони сытые, доспех так и горит на солнце.

Передовые уверенно въехали во двор.

– Эй! — гаркнул один, вскинув руку. — Что не встречаете?

Ответ последовал немедленно. В форме тяжелой бронебойной стрелы, пробившей кольчужную сетку у него под мышкой.

К сожалению, второй, Серегин, выстрел был не столь удачен. Стрела лишь оцарапала панцырь¹⁶.

Разбойники моментально посыпались с коней и присели по ту сторону забора. Связанные пленницы от рывка попадали на землю и заголосили.

– Пепел... — пробормотал Серега, опуская лук.

– Ты чего? — изумился Устах.

– Там Пепел!

– Вот те раз! — удивился друг. — И верно, Пепел!

Несколько лошадей, оказавшихся внутри ограды, метались по двору, а серый боевой конек Духарева, потерянный четыре месяца назад у днепровских порогов, спокойно стоял в проеме ворот и даже ухом не вел.

¹⁶ Здесь и далее слово «панцырь» – в традиционной орфографии.

В окно влетела стрела и с хрустом ударила в противоположную стену. Разбойнички опомнились. Но мечущиеся лошади мешали им стрелять точно так же, впрочем, как и варягам.

– Облачайся, – сказал Духарев. – От перестрелки толку не будет.

Но еще одну стрелу выпустил. Чтобы ребятишки не думали, что в доме спят.

Устах надел доспехи и занял место у другого окна. Но не стрелял.

Лошади подуспокоились. Стало слышно, как рыдают пленницы.

Разбойники не спешили атаковать. Засели за забором, переговаривались негромко.

– Что-то скучно, – заметил Духарев.

– Скучно, – согласился Устах.

– Пойдем, что ли, разомнемся?

– Можно, – синеусый варяг отложил лук, поднял удлиненный щит, бычьей кожи, с красивыми бронзовыми заклепками.

Вдвоем они появились в дверях.

Единственная стрела ударила в щит Духарева и застряла в нем, мелко вибрируя.

– Ну что, биться будем или по кустам сидеть? – зычно выкрикнул Устах.

Плечо к плечу они спустились с крыльца. Щиты держали низко, оберегая ноги.

Разбойники, впрочем, стрелять не стали.

– Это что ж, вы сам-двое? – осведомились из-за забора.

– А ты что же, до двух считать не умеешь? – весело спросил Духарев.

Шестеро разбойников, как по команде, вынырнули из-за ограды и гурьбой устремились к варягам мимо Пепла, по-прежнему стоявшего в воротах с независимым видом.

Опередивший других разбойник вскинул щит, намереваясь врезаться с разбега, но варяги расступились. Бегун пролетел между ними и споткнулся об Устахов клинок. Все, отбегался.

Щиты вновь сомкнулись. Духарев и Устах одновременно шагнули вперед. Сергей сильным ударом отшиб в сторону щит второго разбойника и уколол его в бедро. Разбойник отшатнулся, налетев на того, кто бежал сзади, потерял равновесие... Устах, с широкого замаха, хлестнул мечом. Брызнули пластинки панцыря, разбойника отнесло в сторону. Третий безобразник широко открыл рот. Может, голосом пугнуть решил? Только вместо крика изо рта выплеснулась кровь. Варяжский клинок прорвал броню и крепко попортил парню легкие. Серега повернул меч и рывком выдернул из раны, одновременно выбрасывая щит навстречу чужому топору. Не очень удачно. Тяжелый топор просек край Серегиного щита. Хорошо, только край.

– Здорово, Свейни! – крикнул Духарев, отвечая проворному нурману косым ударом понизу.

Бывший десятник смоленский ушел прыжком. В новой атаке на Духарева навалились уже двое.

Ловкий нурман махнул топором, но применил хитрость: зацепил Серегин щит выемкой секиры и изо всех сил рванул на себя. Таким маневром он рассчитывал сбить варяга с ног или хотя бы «распечатать», подставив под удар напарника.

Только Серега в ловушку не попался. Щит легко соскользнул с его руки. Не рассчитывавший на такую легкость Свейни едва не грохнулся на спину, а второй разбойник, уже замахнувшийся во всю ширь, домахнуть не успел. Духарев с двух рук полоснул его по животу. Кольчуга лопнула под булатным клинком, и разбойник с воем повалился на траву. Духарев перепрыгнул через него и обрушился на Свейни. Тот прикрылся щитом. Противники закружили, выжидая удачного момента. Первым его углядел Духарев. Он взмахнул мечом, а когда нурман поднял щит, Духарев подпрыгнул, оттолкнулся ногой от нурманова щита... и в два прыжка оказался там, где Устах отчаянно отбивался сразу от троих. Взмах – и еще одна лихая голова спрыгнула с плеч. Взмах – и разбойник, уже отпробовавший сегодня варяжского меча, забился на земле, орошая ее кровью, хлещущей из обрубка ноги.

Духарев уловил за спиной топот и резко отпрыгнул в сторону. Свейни проскочил мимо. Серега ударил его вдогон, по спине, но броня у нурмана была хороша. Не поддалась, только звон пошел.

Однако мало вожаку разбойничков не показалось. Когда нурман развернулся навстречу Сереге, рот его кривился: больно все-таки! Соболезнований от варяга он не дождался. Клинок Духарева запорхал в воздухе, заставив нурмана проявить все свои способности, чтобы немедленно не отправиться в Валхаллу. А поскольку орудовать мечом легче, чем боевым топором и щитом одновременно, то через пару минут нурман уже дышал, как больная лошадь.

Любому воину хорошо известно, что выносливость нередко побеждает мастерство.

Сообразив, что его берут измором, Свейни швырнул щит в ноги Духарева и нанес варягу такой удар топором, отразить который невозможно.

Зато от него можно было уклониться, что Серега и сделал.

А Устах тем временем прикончил своего последнего противника, и вот уже они опять стоят вдвоем против бывшего десятника. Как когда-то на рыночной площади города Смоленска.

Только тут не было стражи, которая могла прийти на помощь нурману. И пощада ему тоже не светила. Да он ее и не просил. Бился яростно и умер не с проклятьем, а с именем Одина на кровавых губах.

Пока Устах милосердно добивал раненых, Серега обнимался с Пеплом. Жеребец, вспомнивший хозяина, тоже радовался. И намекал, что не худо бы отметить встречу чем-нибудь вкусненьким.

Девятерых девчонок, оказавшихся сиверянками, варяги распутали, накормили, успокоили как могли.

Любивший прихвастнуть Духарев порывался самолично отвезти их в Чернигов, но Устах воспротивился. Он считал, что афишировать свое участие в этом деле – глупость. Иметь в личных врагах ближнего боярина киевского князя – сомнительное удовольствие для двух простых варягов. Свенельд и Роговолт должны быть в курсе происшедшего. А больше никто.

Тем не менее бросить похищенных девочек, самой старшей из которых едва минуло пятнадцать, Сереге просто совесть не позволила. И предложение Устаха отвезти их в Любеч и там продать оптом какому-нибудь доверенному купцу Духарев тоже отверг. Временами им овладевал гуманизм, совершенно не свойственный здешним порядкам и традициям.

Устах в конце концов махнул рукой: делай что хочешь! И Серега отвел девчонок в ближайшую деревеньку. Отыскал старосту, сунул горсть серебра и, ничего не объясняя, велел доставить девочек домой. Доставит, куда денется. А вот если кто попросит старосту описать Духарева, вряд ли узнает что-нибудь путное. Для этих затюканных южных смердов все нурманы-варяги – на одно лицо.

А доспехи разбойничьи они, уже в Полоцке, продали Горазду. Неплохие бабки выручили.

* * *

И у Сергея, и у Устаха было достаточно мозгов, чтобы не хвастать о том, как они ловко управились с черниговскими разбойниками. По приезде в Полоцк доложили о событиях Роговолту, но того больше волновали погибшие в Степи собственные дружинники, чем какие-то черниговские тати. А Свенельду вообще пришлось ждать полгода, чтобы узнать «из первых рук» о происшедшем в соседнем княжестве.

Духарев и Устах приплыли к нему в Родню и были тотчас вызваны к воеводе.

Отчитались. Реакция Свенельда оказалась весьма неожиданной.

– Гром Перуна! – воскликнул победитель улицей, когда Духарев закончил. – Я не пущу тебя в Степь!

– Это почему же? – ошетинился Духарев.

Устах помалкивал. Перечить грозному воеводе, даже не выяснив его мотивов, Серегин друг считал неразумным.

– Потому что нечего тебе попусту гонять по степи. Ты мне и здесь пригодишься.

– Как это попусту? – возмутился Сергей.

– Может, князь уличский полагает, что ты не так хорош в степной войне, как, например, я? – с усмешкой предположил Устах.

Духарев фыркнул. Устах сумел достаточно деликатно обратить Серегино внимание на то, что воевода собирается «не пустить в Степь» не их двоих, а одного Сергея.

– Я полагаю, что твой друг слишком хорош для степной войны, – заявил воевода. – У меня довольно умелых на руку гридней. И не так много тех, кто так же ловко использует и ум, десятник Устах! – Он повернулся к Духареву. – Ты, Сергей, мыслишь не так, как я. И не так, как мои бояре. Но ты попадаешь в цель, и вижу я: будет от тебя немалая польза.

И прежде, чем Духарев успел переварить услышанное, воевода спросил напрямик:

– Будешь служить мне?

Серега ответил не сразу. Переход дружинника от одного батьки к другому не был редким явлением. Но обычно на то была серьезная причина. Беготня из дружины в дружину здешней воинской кастой не поощрялась.

– Я уже присягнул Роговолту, – напомнил Духарев.

– Я попрошу за тебя. Он мне не откажет! – заявил Свенельд.

– В Полоцке – мой дом...

– Продай! – тут же отреагировал воевода. – Я двор подарю тебе в Киеве.

Вот это было уже серьезное предложение. Слада примет любое решение мужа, но тут Серега даже не сомневался в полном одобрении жены. Ха! В Полоцке и трех дюжин христиан не наберется. И если исключить Серегу и его семью, всё люди мелкие. А в Киеве – храм! В Киеве крепкая община, где не только челядь, нищие да пришлые, а немало и богатых, что с ромеями торгуют, есть и дружинники, и люди уважаемые. Там такой беды не выйдет, как год назад в Витебске, когда они сына крестить ездили. И если с Серегой что случится, Сладу обидеть не дадут за то лишь, что христианка.

С другой стороны, в Полоцке ее и так не позволят обидеть: хоть христианка, хоть нет. В Полоцке они – уже свои. Там все – под князем, и если князю люб – значит, и всем полочанам. А Киев... Тут постоянные разборки. Как в вольном Новгороде. Но ильменьские повздорят – дубинками помашут, пару голов разобьют – и опять «мир, дружба, жвачка»! А в Киеве, блин... Нурманов – полон Детинец. Каждый норовит в три горла жрать. А князь – еще почище нурманов. Да еще Скарпи этот...

– Думаю, что в Киеве многие меня не очень любят, – сказал Сергей.

– Меня тоже, – мгновенно парировал Свенельд. – Многие, но не все. Скажу тебе, варяг: в твоём Полоцке мне было бы скучно. Что там у вас происходит? Да ничего! Раз в год с плесковичами схлестнетесь или жмудь дикая нагрянет! Вот и все события. А здесь – весь мир многоязыкий рядом. Здесь сильному любо, варяг! Покажешь себя – через год сотником станешь!

Но Сергей еще колебался. Нет, он отлично понимал, что Свенельд прав. Нынче здесь, на юге, закладывалась основа будущего государства. Воевода об этом только догадывался, но Духарев-то знал точно!

И все-таки он колебался. Может быть, он был еще не готов...

– Всё! Я слово сказал! – объявил Свенельд. – Идешь ко мне в дружину?

Серега поглядел на Устаха – друг отвернулся. Правильно, это должно быть его собственное решение. «Если ум молчит – прислушайся к голосу сердца». Ум-то как раз говорил «да». А сердце...

– Можно, я подумаю? – попросил Сергей.
– Сколько? – мрачно спросил воевода. Он сделал предложение, на которое даже полный дурак должен ответить «да». А этот полоцкий умник говорит: «Я подумаю».
– До... – Серега запнулся... Затем сказал твердо: – До осени. А пока я бы хотел вместе с ним, – кивок в сторону Устаха, – в Степь.
Свенельд поморщился.
Сереге показалось: сейчас воевода пошлет его к нехорошей матери.
Не послал.
– Добро, – сказал он. – В Дикое Поле. Десятником. До осени. Если живой будешь.

Но прежде Дикого Поля Серега, вместе со Свенельдом, все-таки сплавал в Киев.

* * *

За год стольный град на днепровских кручах еще более разросся, расплылся вширь от белых городских стен. Лодок и лодий у берега было множество, места у пристаней не нашлось, и Свенельдову кормчему пришлось вытолкнуть лодью прямо на белый песок, между рыбацкими посудинами. А приди они на пару недель раньше, до того как ушел вниз по Днепру княжий караван и присоединившиеся к нему торговые гости, и этого малого места не отыскалось бы.

Оповещенные загодя воеводины люди встретили лодью. Дружине подали коней. Духареву коня не досталось. Но о нем тоже не забыли. Свенельдов челядник, шустрый малый, отвел Серегу на один из воеводиных дворов, распорядился насчет завтрака и пожелал приятного отдыха.

Долго отдыхать Сереге не пришлось. Прискакал посыл от Свенельда.
Воевода желал видеть полоцкого варяга Сергея. Немедленно.
Для Духарева оседлали кобылку, и он, вслед за посыльным, отправился наверх, на Гору.

У крепких ворот оцетинились копьями дружинники в полной броне.
– К воеводе, – небрежно бросил посыл, и копьа опустились.
– Это чьи? – вполголоса спросил Духарев. – Княжьи?
– Княгинины, – ответил посыльный.
У крыльца тоже стояла стража. Но эти, видно, были уже предупреждены и сразу расступились.
Посыльный сам проводил Духарева наверх.
У этих дверей стояли отроки Свенельда. Серегу они знали.
– Заходи, – сказали ему. – Тебя ждут.

Великой княгине Ольге давно минуло сорок, но ее все еще можно было назвать красивой. Но точнее было бы назвать величественной. А взгляд у нее был – как прикосновение холодной стали.

Ходили слухи, будто она – побочная дочь славного Олега. Не то с чего бы тот повенчал со своим преемником никому не известную девчонку из Плескова? Ну да, потом из сопливой малолетки выросла настоящая красавица, но мог ли об этом догадываться старый князь? Хотя, может, и мог. Не зря же варяги и славяне звали князя Вещим, а нурманы, по созвучию, – Хельги, Святым. Что, собственно, тоже означало – Вещий.

На столе перед великой княгиней киевской стояла золотая ваза с фруктами – виноградом и персиками. Серега знал, что фрукты тут – редкость. Дорогая редкость. Персиков он здесь вообще никогда не видел.

– Здравствуй, варяг.

Киевские князья, и Олег, и Игорь, держали для охотничьей забавы пятнистых пардусов:

длинноногих гепардов и мускулистых тяжелых леопардов с широкими когтистыми лапами.

Голос у княгини – как прикосновение такой лапы: веский, низкий, мягкий... Но чувствовалось, что втянутые когти могут в любой момент...

– Здравствуй, княгиня!

Сергей поклонился. Ниже, чем обычно.

Но шлема не снял.

Честно говоря, он просто не знал, каковы правила общения с великими княгинями.

Ольга разглядывала его с интересом. Но в этом интересе не было ничего личного. И ничего женского. Так смотрят на меч. Прицениваясь.

Пауза затянулась. Молчание нарушил Свенельд.

– Расскажи княгине, варяг, что вы с другом сотворили в Чернигове! – пробасил воевода. – И не торопись. Время у нас есть.

Духарев в третий раз изложил события прошлой осени. Но на этот раз воевода не единожды перебивал его, уточняя некоторые детали и заостряя внимание на собственной логике Сергея. Духарев сообразил, что воевода хочет не только ознакомить княгиню с черниговской историей, но и продемонстрировать ей самого Сергея. Серега был не против. Эти двое были действительно сильными мира сего. От них исходил столь мощный запах Власти, что даже такой сильный князь, как Роговолт, превращался рядом с ними в фигуру второго ранга. Стоило немного постараться, чтобы понравиться таким персонам.

Духарев закончил.

– Угощайся, – княгиня указала на вазу.

Серега взял персик, надкусил. Персик оказался так себе. Недозрелый.

Ольга внимательно наблюдала за ним.

– Ты уже пробовал эти плоды? – спросила она.

– Да, – сказал Духарев.

– Где?

– Э-э-э... Далеко отсюда.

Лишь одному человеку в этом мире было известно, откуда явился Сергей. Наставнику Рёреху. И посвящать еще кого-то в свою личную историю Духарев не собирался. Не потому, что боялся – не поверят. Здешние как раз поверят, никаких проблем. Но зачем лишний раз объявлять, что ты – чужой? Серега – варяг. По варяжскому закону воин, вступивший в военное братство, как бы рождается заново. Он может сохранить свое прошлое, а может и «забыть» его. И в этом случае выспрашивать варяга о том, кем он был раньше, считается нетактичным. «Закон признаешь? Перуна уважаешь? В сече крепок?» Остальное – твое личное дело.

Прирожденный варяг Свенельд это правило знал. Дочь варяга и жена варяга княгиня Ольга – тоже. Конечно, ей было любопытно, но развивать тему она не стала. Вместо этого сделала неожиданный вывод:

– Хочешь своего Скарпи заиметь, воевода?

Услышав имя «Скарпи», Серега нахмурился... А Свенельд ухмыльнулся.

– Хочу, – признал он. – Ты поняла.

– У твоего гридня не нурманская хитрость, – заметила княгиня. – Он мыслит как ромей.

– Ты так полагаешь? – воевода с сомнением поглядел на Серегу.

Ольга поглядела на персиковую косточку и не удержалась, спросила:

– Ты служил ромеям, варяг Серегей?

– Нет! – твердо ответил Духарев.

– Бою его варяг учил, это точно! – добавил Свенельд. – Ты все еще считаешь, что великому князю незачем знать о воровстве своего боярина?

– Мой муж не отдаст Скарпи, – ответила Ольга. – Скарпи ему нужен.

– Чтобы противостоять тебе?

– И тебе.

– Но закон, Правда нарушена?

– Ну и что? – Княгиня полюбовалась изумрудом на одном из своих перстней. – Мой муж и так знает, что Скарпи – нурман. И закон нурмана: «Бери все, до чего можешь дотянуться», – он тоже знает. Ничего нового ты ему не расскажешь.

– Значит, великий князь нам поверит!

– Ну конечно! Только одно дело – поверить, а совсем другое – признать это прилюдно. Прилюдно он скажет, что твой варяг лжет. – Она уронила руку на колено. – А что ты сможешь сказать ему, варяг?

– Я скажу: пусть боги рассудят, кто прав! – тотчас ответил Духарев.

Княгиня вновь перевела взгляд на Свенельда.

– Твой варяг настолько хорош? – спросила она.

– Не уверен, – с сомнением ответил воевода.

– Я надеюсь, ты не думаешь, что богов действительно беспокоит такая мелочь, как ваш спор? – вновь обратив взгляд на Духарева, осведомилась Ольга.

– Нет, я так не думаю, – мрачно сказал Духарев.

– Скарпи – отличный боец, – заметила княгиня. – И он – ближний боярин князя. Ты ему не ровня.

– По Правде он должен ответить, – возразил Сергей.

– Это верно, – подтвердил воевода. – Может, рискнуть?

– Не стоит. Я знаю своего мужа. Если он сочтет, что его боярину не победить, он не разрешит тому биться. По Правде Скарпи не обязан биться сам. Он может выставить бойца. И, учитывая важность решения, я даже знаю, кто будет этим бойцом.

– Кто?

– Асмуд. Я же сказала, что знаю своего мужа.

– А-а-а... Тогда нет смысла.

Духарев вопросительно поглядел на воеводу. Для него «Асмуд» было всего лишь именем.

Но великие не снисзошли до объяснений.

– Значит, забудем, – резюмировал Свенельд.

– Да, – кивнула княгиня. И, обращаясь к Духареву: – Ты мне понравился, варяг. Но ты слишком высоко себя ставишь для того, чье время брить голову еще не пришло¹⁷.

– Оно придет, – сказал Свенельд. – Если его не найдет печенежья стрела этим летом.

Княгиня тонко улыбнулась.

– Мнится мне, что печенежья стрела – не единственное, что ему угрожает. Ты ступай, варяг. Пусть Перун сделает твой меч непобедимым – и мы еще увидимся!

Сергея поклонился низко, а когда разогнулся, Свенельд и Ольга уже о нем забыли. Они глядели друг на друга, и глядели так, что Серега понял то, о чем лучше не говорить вслух, чтобы не накликать большую беду.

Поэтому он тихонько вышел из светлицы и тихонько закрыл за собой дверь.

Напоследок Свенельд сделал Духареву воистину княжеский подарок: отдал ему в десяток Машега и Рахуга. Но оценил этот подарок Серега только тогда, когда увидел «белых» хузар в деле. Вот тогда он и понял, что воевода действительно желает заполучить Духарева в свою дружину. Отдать таких воинов простому десятнику – все равно что прикрепить к какому-нибудь отделению пехоты, возглавляемому сержантом-срочником, персональный вертолет огневой поддержки. Такое могло случиться только в одном случае: если этот сержант существенно ценней вертолета. А поскольку высокая «ценность» благородных хузар была очевидна, то Серега немедленно возгордился. И было с чего.

Глава двенадцатая,

¹⁷ Бритая голова с оставленным на макушке «оселедцем» – варяжский знак вождя.

в которой снова – соляной тракт. Чумаки

Оп-па! Сергей привстал на коротких стременах, прикрылся ладонью от солнышка... Точно, пыль! А поскольку пыль сама по себе так высоко поднимается редко, то, определенно, кто-то катит навстречу.

Сергея повернул лошадь, порысил вниз, поднял две скрещенные руки: стой.

Увидели. Остановились. Знаками Духарев показал: двое – ко мне, остальным – ждать. Соскочил с лошади, размял ноги, заодно проверил амуницию. В порядке амуниция: ножны гладкие, стрела из колчана сама выскакивает. Может, стоит ребятам уйти с дороги в Степь? Так ведь табун все равно в траву не положишь. Черт с ним, с табуном! Но – раненые?

Пока он раздумывал, подскочили товарищи. Машег и Гололоб.

– Чего там? – с показной ленцой осведомился Гололоб. – Опять степняки?

– Кто-то едет, – Сергей взобрался на Пепла, а заводную хлопнул по крупу, чтобы отошла.

Машег уже взлетел на взгорбок, не останавливаясь, поскакал вниз. С макушки наблюдать лучше, но и сам наблюдатель заметнее.

Духарев и Гололоб нагнали его через минуту.

– Возы идут, – спокойно сказал Машег.

Сергея прищурился: ни хрена не видеть. Как глазастый хузарин ухитрился определить, что – возы? По пыли, что ли?

– По пыли, – подтвердил Машег. – Верховые по-другому пылят.

Нельзя сказать, что встреча с торговым караваном не сулила никакой опасности. Иной купец, что путешествует с сильной охраной, при случае не откажется присвоить имущество более слабого коллеги. Или присоединить к своей челяди еще десяток рабов.

– Проверить надо, – сказал Гололоб.

– Проверим, – согласился Машег и пустил коня легким галопом.

Боевой конь у хузарина был знатный, поджарый, мускулистый, зад широкий, а голова – махонькая, аккуратная. В скачке этот конь с легкостью доставал Пепла.

Правда, у Пепла и всадник был килограммов на тридцать тяжелей.

Машег оказался прав. Действительно, возы.

И никакой охраны. Человек двадцать смердов, дюжина тяжело груженных телег. Соль.

На всадников чумаки¹⁸ поглядели настороженно, но поздоровались.

Сергей с Машегом отъехали в сторону, предоставив говорить Гололобу. У высоченного Духарева был уж очень грозный вид. А Машег, наоборот, был с виду совсем не страшен. Хотя для понимающего человека хватило бы разок взглянуть на выгнутый наружу лук хузарина, чтобы усомниться в его безобидности.

Минут через пять Гололоб подъехал к своим, а чумацкие возы поскрипели дальше.

«Ничего не видели, ничего не слышали, ничего не знаем!» – передразнил солевозов Гололоб.

– Думаешь, врут? – предположил Духарев.

– Может, и врут. А может, и впрямь этой дорогой теперь никто, кроме них, не ездит. И баб с ними нету, – добавил он с огорчением.

Машег засмеялся.

– Поскачу к нашим, – сказал Гололоб. – Скажу: можно двигаться.

Он развернул коня, обогнал возы, перевалил через пригорок. Поднятая пыль повисла в неподвижном воздухе. Духарев и хузарин остались вдвоем.

– Что-то мне в этой ситуации не нравится... – пробормотал Сергей.

– Ты о чем, старшой?

– Не нравится мне что-то, а что – понять не могу.

¹⁸ Чумаки – солевозы. Правда, более вероятно, что само слово возникло позже X века.

– Они нас видели,– флегматично произнес Машег.

– Ну не убивать же их теперь?

– Можно и убить. Догнать?

Светлые, широко посаженные глаза его на загорелом лице – как прозрачные лужицы. Кивни Духарев – и через пару минут возчики будут мертвы.

– Мы не нурманы,– сказал Сергей.

Машег неотрывно глядел вслед возчикам. Если бы выбор предоставили ему, он бы не колебался.

Но Духарев так не мог. Хотя и понимал: оставить чумаков в живых – значит, рискнуть жизнями своих друзей. И все равно он не мог убивать людей просто из осторожности. Даже в этом мире, где жизнь смерда стоила столько же, сколько хорошая лошадь. Или вообще нисколько. Один щелчок тетивы, один взмах меча... И все – по Правде, черт возьми!

– Поехали,– отрывисто бросил Духарев. – Чему быть, того не миновать!

Глава тринадцатая

Сон

Устах отобрал у чумаков телегу. Возможно, это была ошибка. Такая же, как то, что возчиков оставили в живых. Но телега была нужна для раненых. Волон, правда, отдали хозяевам. Вместо них запрягли пару лошадей. Потеряли больше часа, пока переделывали упряжь.

Вопреки ожиданиям, раненный в бок Вур чувствовал себя неплохо, а вот парню с продырявленным плечом становилось все хуже. Из-за него пришлось остановиться на ночлег до захода солнца и развести костер. Устах поил его целебным настоем и дал макового отвара, чтобы уменьшить боль.

А спасенный парс к вечеру совсем ожил. Бормотал что-то по-своему, а потом взял да сунул руки в огонь. И продержал в пламени почти десять ударов сердца. Видевшие это Понятко и Шуйка так и ахнули. Понятко схватил ладонь парса. Множество подживших царапин, алое пятно татуировки посередине... И никаких следов ожога.

– А еще так сможешь?

Парс криво улыбнулся и снова сунул руку в костер.

– Как ты это делаешь? – жадно спросил Понятко.

– Ты не поймешь,– сказал парс.

– Глянь-ка,– сказал Сереге Устах. – Что там твой полонянин творит?

Они присели на корточки у огня.

– Ну-ка, еще! – потребовал Устах.

Парс в третий раз коснулся огня.

– Видел я, как на угольях пляшут,– заметил Устах. – Такого еще не видал. Что ж ты, чародей, печенегам так просто дался?

– Так вышло,– спокойно ответил парс. – Я не чародей.

– А кто?

– Ясновидец. Ведун по-вашему.

– Ведун, ведун, а степнякам попался! – засмеялся Шуйка.

– Язык придержи,– одернул Устах.

– Не слушай его,– сказал варяг, обращаясь к парсу. – Молодой, дурной.

Серега пододвинул к себе чье-то седло. Не умел он долго – на корточках.

Парс через огонь глядел на него. Морда ободрана, одежда с чужого плеча, суший бомж. Но взгляд – как у рыси.

– Что уставился? – с нарочитой грубостью бросил Духарев.

Ведуны, колдуны... Что чувствуют они в нем такого, что одни сразу заискивать начинают, а другие посохом огреть норовят.

Парс вместо ответа еле заметно подмигнул подбитым глазом. Мол, мы-то с тобой

знаем...

Духарев на людях выпрашивать его не стал. Еще наболтает лишнего. А командир должен об авторитете заботиться. И о деле.

– В карауле сегодня Чекан, Гололоб, Рахуг и Щербина, – распорядился он. – Всё. Костер гасить и спать.

И ушел, не дожидаясь выполнения команды. Хороший командир и мысли не допускает, что его распоряжения пропустят мимо ушей.

К середине ночи раненному в плечо стало совсем худо. Он бредил, выкрикивал незнакомые имена, звал родовичей. От его криков Серега просыпался раз шесть. Вдобавок и снился ему какой-то кошмар. Голый человек, привязанный к четырем вбитым в землю кольям. Вокруг – черные тени в печенежских шапках. Серега видел все как будто сверху. И очень отчетливо. Распятый на земле был избит. На безволосой груди – сизая татуировка: две когтистые птичьи лапы. Какого он роду-племени – Серега во сне определить не мог. Ясно только, что не славянин и не из скандинавов.

Привязанного пытали. Без особых изысков – раскаленным железом. Пытуемого Серега видел очень ясно, а вот палачи выглядели смутными тенями. У них были отрывистые угрожающие голоса. Привязанный сначала не говорил ничего. Только вопил, когда жгли. Серега видел, как он извивается, как дергаются птичьи лапы на блестящей от пота груди. Не только видел, но даже обонял вонь паленого мяса... Тот, кого мучили, внезапно разразился длинной торопливой речью. Серега не понял ни слова, но понял, что человек сломался. И точно. Мучить его сразу перестали. Тени-палачи расступились.

Вот этого Серега видел так же отчетливо, как и голого. Широкоплечий, смуглый, увешанный золотом. Черная борода главы палачей был заплетена в тонкую косицу. Но даже с этим сомнительным украшением он выглядел властно и устрашающе. Пленник, трясаясь и поскуливая, произнес короткую речь. Серега, не понимая смысла, тем не менее ощущал, что голый говорит о нем, Духареве. Серега протянул длинную-длинную руку, взял пленника за горло... Но восковые пальцы не сжимались, и пленник продолжал говорить.

Властной речи понравилась. Пленника освободили, мазали ожоги каким-то вонючим жиром. Пленник кричал...

Серега проснулся, сел. Дурной сон все еще стоял перед глазами, Духарев помотал головой, отгоняя кошмар, огляделся...

Светало. Раненый перестал кричать, бормотал что-то жалобное. Рядом с ним сидел Устах.

Что-то мелькнуло в траве. Собачонка. Мышей ловит, бездельница! Вокруг лагеря паслись кони. Трава была влажной от выпавшей росы. Серега смочил ладони, провел по лицу. Затем подошел у Устаху, присел рядом на корточки:

– Как?

Вместо ответа его друг размотал повязку. Края раны почернели, от нее шел дурной запах.

Устах провел указательным пальцем по горлу.

– Дай ему день, – попросил Духарев. – Может, выправится?

Синеусый варяг кивнул.

– Поднимай бойцов, – сказал Сергей. – Тронемся пораньше. Как-то мне... беспокойно. «Рассказать ему сон? Ладно, еще успеется».

Выяснилось, что ночью парс смылся. Серега напустился на часовых: кто прохлопал?

Но за караульных вступился Машег, напомнил:

– Он же чародей. Глаза отвел. Пускай. На что он нам?

– Да, – поддержал хузарина Устах. – Сбег – и хорошо. Без него спокойней.

Серега так не считал. У него имелись к сбежавшему кое-какие вопросы. Но и друзья были в чем-то правы. По крайней мере, он их понимал.

Позавтракали наскоро, собрали коней, двинулись. По утреннему холодку ехать было – одно удовольствие.

Духарев с Машегом ускакали далеко вперед. Холмы кончились. Степь до самого горизонта была ровная, как море в тихую погоду. Ровная и безлюдная. И степь, и дорога. Серега расслабился. Наслаждался спокойствием, ровным движением коня, размышлял... В общем, из дозорного стал путешественником. С Машегом такое можно себе позволить. Хузарин зорче и опытней.

– Серегей, у тебя жена из каких булгар, волжских или дунайских? – спросил Машег.

– Из дунайских.

– Хорошего рода?

– Да.

– Тогда ничего, – кивнул хузарин.

– В какого смысле – ничего?

– У вас, христиан, одна жена. Законных сыновей только она рождает. Коль благородной крови женщина, значит, и сыновей родит добрых.

– Одного уже родила, – Серега невольно улыбнулся. – А у тебя, Машег, сыновья есть?

– Есть. Шестеро. Законных.

– Сколько-сколько?

Хузарин засмеялся:

– Мы, Серегей, народ избранный. Нам можно и больше одной жены иметь. Мой первенец родился, когда мне шестнадцать зим миновало. А первого врага я убил в двенадцать! – добавил он с гордостью.

Однако!

– И кто это был?

– Разбойник. Мы с братьями в волжских протоках уток били, а тут они. Я его стрелой убил, – добавил Машег не без гордости. – В глаз.

– А вас сколько было? – спросил Духарев.

– Два брата и я. Но братья – старше. Большой меня тогда на два года старше был.

– А разбойников сколько?

– Пятеро, – и уточнил с огорчением: – Один ушел. Там тростник. Сыскать трудно. Отец после нас сильно ругал.

– Ага... Понятно.

Трое пацанов, старшему из которых – четырнадцать, нечаянно наскочили на пятерых вооруженных дядек – и получили от батяни выговор, что один из дядек ухитрился смыться. Суровая, однако, семейка.

– А где теперь твои братья?

– Там! – Машег показал пальцем в небо.

Некоторое время ехали молча, потом хузарин спросил:

– Ты ведь не из кривичей, Серегей?

– Нет.

– А из каких ты славян? Какого рода?

– Я варяг.

– Это ясно, – отмахнулся Машег. – Я спросил: какого ты рода?

– Мой род – далеко, – сухо ответил Духарев.

– Ты – изгой?

Духарев покачал головой.

– А как твой род зовется?

– Русские, – машинально ответил Духарев.

Зря.

– Чьи? – удивился Машег. – Княжьей руси данники, что ли?

– Нет. Просто слово похожее.

«И кто меня за язык дергал?» – подумал Серега.

- Мой народ живет очень далеко отсюда.
- За варяжским морем?
- Еще дальше.
- Там, где всегда лед?
- Нет. Но зимы у нас суровые.
- А христиан у вас много?
- Много.

Внезапно Серега сообразил, что Машег спрашивает не просто так, а с некоей целью.

- А почему это тебя вдруг заинтересовало? – спросил Духарев.
- Парс сказал: ты не от мира сего, Серегей. Сказал: ты, может, и не человек вовсе. Вот поганец!
- И ты поверил? – спросил Серега, стараясь, чтобы вопрос прозвучал иронически.
- Ну... Я подумал: может, ты – ангел? – немного смущенно признался Машег.
- Кто?!
- Ангел. В Книге сказано: прежде сходили ангелы к людям.
- И я, что же, похож на ангела? – ухмыльнулся Духарев.
- Может быть, – твердо ответил хузарин.
- Интересно, чем же я, простой варяжский десятник, похож на ангела?

Теперь засмеялся Машег:

- Как ты смешно сказал: простой варяжский десятник!

Серега не понял, в чем тут юмор, но промолчал.

- Наверное, ты не ангел, – неторопливо произнес Машег.

– Это уж точно! – поддакнул Духарев, но хузарин его реплику проигнорировал и продолжал:

– Но ты не такой, каким хочешь выглядеть. И ты – разный. Иногда умудрен, как старец, а иногда, прости, глуп, как мальчишка. Устах еще говорил: ты ведун. Как ваш прежний великий князь.

– Мой учитель был – ведун, – уточнил Сергей. – Он – не я. Может быть, чему-то он меня и научил... Но я не ведун, ты ошибаешься. И не ангел.

– Может быть, – согласился хузарин. – Но ведовство – это не наука. Это малый дар пророчества. Хотя и не одаренным свыше могут сниться вещие сны.

- Могут, – согласился Духарев.

Кстати, о снах...

– Машег, тебе никогда не встречалась такая татуировка – вроде двух орлиных лап? – спросил Духарев.

- Не орла, грифа. Где видел?

- Да... видел, – уклончиво ответил Духарев.

- А-а-а, Серегей! – Машег подмигнул. —

Я знаю, где ты видел. У диких хузар, что мы побили, да?

- Да, – не стал спорить Духарев. – Она что-то означает?

– Тьфу! – Машег презрительно сплюнул. – Тавро злого духа! Не бойся, нам с тобой он не напакастит!

И добавил что-то по-своему, сопроводив отгоняющим зло жестом.

Серега тоже на всякий случай перекрестился, хотя до сих пор никаких неприятностей от злых духов не знал.

Зато он знал совершенно точно, что ни на одном из убитых хузар он этой татуировки не видел. Только во сне.

Какой из этого вывод?

Обычный. Жди неприятностей.

Тем не менее в этот день они никого не встретили, и вообще сутки прошли без происшествий. И следующие тоже. Если не считать того, что раненный в плечо умер.

Один умер, зато двое других окрепли достаточно, чтобы полный день удерживаться в седле. Чумацкую телегу варяги оставили на дороге. Может, хозяева ее и подберут на обратном пути.

В этот день варяги прошли больше, чем за два предыдущих. А на следующий день выяснилось, что их преследуют.

Глава четырнадцатая

Печенеги

Погоню обнаружил Понятко. Часа за два до вечерней остановки Духарев отправил его прогуляться по их собственным следам. Обычная варяжская практика, заимствованная, кстати, у четвероногих хищников. Если опасаясь погони, сделай петлю и вернись на свой старый след. Можешь получить приличный шанс взглянуть на спины преследователей. Степь, конечно, не лес, в степи не спрячешься, но идея та же.

После походного дня Понятко предпочел бы лежать на травке, жевать орехи в меду и поддразнивать, например, Щербину, совсем шуток не понимавшего, что и придавало занятию настоящий вкус. Но старшой сказал: надо. И Понятко не протестовал. Старшой сказал: дело серьезное. Такое абы кому не доверишь. Либо хузарам, либо ему, Понятке. А это значит, что он, Понятко, может даже с хузарами потягаться. Если не с Машегом, то уж с Рахугом точно. Есть чем гордиться. А ведь Понятко в ватажке – самый молодой. То есть все думают, что самый молодой – Мисюрок. А на самом деле Понятко на год моложе. Просто Мисюрка в Свенельдову дружину отроком взяли, а Понятко – из детских. Отец его у Олега гриднем был, погиб в походе. Мать умерла родами. Понятку дружина воспитала. В шестнадцать лет гриднем стал. И варягом. Свенельд ему лично золотую гривну на шею надел. И подбородок побрил бы, да брить было нечего. Но разве только по усам длинным варяг узнается? Понятко со Свенельдом уличей воевал, с уграми бился, которые своих данников уступать не хотели. Бился честно, за то и воеводой отмечен. И этим горд. Очень уважал Понятко Свенельда. Считал его первым среди воинов. И многие с ним согласились бы. А вот вторым после воеводы Понятко ставил своего десятника, Серегея. Не за владение оружием. Кое в чем, например в стрельбе из лука, Понятко своему десятнику ничуть не уступал. И не за храбрость. В Свенельдовой дружине трусов не было. Был у Серегея редкий дар: чутье на правильное. И разум. И понимание. И еще доброта. Хотя многие считали слабостью не то что доброту, но даже отсутствие жестокости. Но Понятко, выросший без отца-матери, хоть не под забором, в тепле мужского братства, но – сиротой, доброту ценил. И даже подумывал, не стать ли ему христианином, поскольку искренне полагал, что доброта в десятнике – от его веры. Удерживало Понятку то, что христианский обычай запрещал больше одной жены иметь. И ни одной наложницы. Понятко еще не женился, но женщин любил разных. И хотел дом иметь такой, чтоб в нем было много женщин. И все – его. Правда, знал Понятко христиан (последователей ромейской и болгарской веры в Киеве было немало), которые блудили почище почитателей Волоха. Но молодой воин полагал, что эти христиане рискуют лишиться покровительства своего Христа. Хоть он, говорят, и добрый, и всепрощающий... Понятко охотно поговорил бы с Серегеем о его вере. Но десятник о своей вере не говорил никогда. В отличие от тех же хузар, которые постоянно подчеркивали: их Бог сильнее прочих. Как же! Сильнее? Тогда почему их хакан воинов себе из магометан набирает? Понятко как-то спросил об этом Машега – тот аж почернел. И отошел молча. Больше Понятко об этом речь не заводил. Спор спором, а по больному бить нельзя. Не враги же, свои, дружина.

Размышляя о разном, Понятко ни на миг не забывал обшаривать взглядом горизонт.

Пыль он заметил, когда отъехал от своих верст на десять. Пыли было много, и Понятко рисковать не стал: отъехал от дороги на пару стрелищ, уложил в траву лошадей и стал ждать. Была надежда, что это не воинский отряд, а мирный караван. Надежда не оправдалась. Печенеги.

Копченые шли нагло, без дозоров, растянувшись на полное стрелище. Сильный отряд. Сколько – в точности определить трудно: у каждого – заводная лошадь, а то и две. Но никак не меньше сотни копий. Варяга не заметили. И собаки степняков его не учуяли, потому что залег Понятко по-умному, с подветренной стороны.

Двигались вороги не то чтобы очень быстро, но – рысью. И видно по передовым, что не просто прогуливаются, а четко идут по следу, оставленному варягами.

Но солнце уже садилось, так что, скорее всего, до варяжского лагеря им сегодня не добраться. Поэтому Понятко не стал мучить и без того утомленных коней, а выждал, пока степняки отойдут подальше, и пристроился им в хвост. Ехал открыто, по дороге. Разведчик не без основания полагал, что поднятая печенегами пыль скроет его от случайных взглядов.

Так и вышло.

Солнце еще не спряталось, когда степняки остановились на ночлег. Но Понятко и тут не стал торопиться. Дождался темноты, аккуратно, под ветер, подполз к печенежскому стану и долго слушал, о чем говорят. По-печенежски Понятко разумел так-сяк, но уловил, что печенеги идут за «кузарами», у которых «много-много золота».

Почему варягов сочли хузарами, разведчик не понял. Но «много-много золота» – это точно про них.

Выяснив главное, Понятко так же аккуратно отполз обратно. Даже в полной темноте он никогда не сбивался с направления.

Возвращался разведчик долго, поскольку предпочел объехать печенежский лагерь по большой дуге. Ночь была светлая, и лучше было состорожничать, чем навести степняков на своих: преследователей от преследуемых отделяло неполное поприще¹⁹.

Когда, по представлениям Понятки, до своих оставалось всего ничего, разведчик рискнул и вполголоса затянул песню. Он рассчитывал, что его услышит кто-нибудь из ночных дозорных и не даст проскочить мимо лагеря. И, опять-таки, стрелой бить не станет, что тоже немаловажно.

Расчет оправдался. Песенку еще издали услышал Рагух и подал разведчику знак: мы тут.

Узнав, какие новости привез Понятко, хузарин тут же разбудил Серегу. Разведчик доложил обстановку, слопал вместе с костями печеную перепелку и улегся на Серегино место раньше, чем оно успело остыть. Через секунду он уже спал. А вот с Духарева сон как ветром сдуло.

Серегу разбудил Устаха.

Друг выслушал новости, поскреб отросшую щетину на щеках...

– Ничего, – буркнул он. – Оторвемся.

Вообще-то в его словах был резон. Оторваться от погони они могли. Сменных лошадей в достатке, а выносливости варягам не занимать. Отливать с седла они за этот год научились не хуже прирожденных степняков. С другой стороны, степь только кажется одинаково ровной. В иных местах трава погуще, в иных – почва камениста: не подкованные лошади могут ноги сбить. Есть в Диком Поле балки, овраги, холмы, реки и безводные пятна. Кто хорошо знает степь, может выбрать дорогу полегче. Или покороче. Преследователи, скорее всего, знали местность досконально. А вот варяги – нет. Даже для опытных хузар эта степь была чужой. Придется идти по тракту. Лошадям легче, заблудиться невозможно, и с водой проблем не будет. Но будучи самой удобной, рассчитанной на колесный транспорт, дорогой, соляной тракт вряд ли был дорогой самой короткой.

Все эти соображения Духарев высказал Устаху. Тому возразить было нечего. Но синеусый варяг все равно был настроен более оптимистично.

– Мало ли что там Понятке послышалось, – заявил он. – Да он двух слов по-печенежьи связать не может. «Хузары, золото...» Они только об этом и болтают. С чего он взял, что это

¹⁹ Дневной переход.

наши хузары и наше золото? Может, они не за нашим золотом, а просто так идут. Может, они сами отстанут.

– Проснись! – сердито сказал Духарев. – Копченые идут по нашему следу. По нашему следу, за нашим золотом!

– Ты знаешь что-то, о чем не знаю я? – моментально сообразил Устах.

– Не то чтобы знаю, но могу предположить.

Сергея пересказал другу свой кошмарный сон и заодно – то, что сообщил Машег про татуировку.

– Да-а... – протянул Устах.

К предчувствиям и видениям Духарева синеусый варяг относился даже серьезнее, чем сам Сергей. Оба уже имели возможность убедиться: дыма без огня не бывает.

– Коли так, то они точно не отстанут. Что думаешь, Рахуг? – обратился он к слушавшему их разговор хузарину.

– Думаю, это тот разбойник, что с лошадьми был. Тот, который утек. Про татуировку Машег верно сказал. Я, правда, на тех побитых ее не видал...

– Я видел, – вмешался Устах. – Точно, две лапки на грудях.

– Значит, так, – решил Духарев, – надо братву поднимать. Потолкуем кругом. Посовещаться надо.

– Всех поднимать? – спросил хузарин. – И раненых?

– Всех. Только Понятку не трогай. Пускай поспит немножко.

Их осталось двенадцать.

Шестеро – от Серегиного десятка. Он сам, двое хузар, Гололоб, Мисюрок, практически оправившийся от раны, да отсыпавшийся неподалеку Понятко.

От Устахова десятка тоже осталось полдюжины. Щербина, Шуйка, Клёт – прусс, получивший свое прозвище из-за неправильного прикуса (впрочем, это был его единственный физический дефект), Сирка Чекан и Вур, который из-за ранения пока мог считаться разве что за половину бойца.

Обгрызенный месяц взирал с небес на потрепанное воинство.

– Опять делиться будем? – спросил Гололоб.

– Нет, – ответил Духарев. – Мы поступим иначе.

Никто не спросил: как? Сергей слышал дыхание своих парней и знал, что они возбуждены, но при этом внимательны и сосредоточены. Парни терпеливо ждали, пока вожак разродится спасительным предложением.

Сергея мог бы высказаться, а затем устроить дискуссию – и каждый, кому есть, что сказать, непременно это сделает, даже если его мнение идет вразрез с точкой зрения всех остальных. Но Духарев мог и просто отдать приказ – без всяких дискуссий, – и приказ этот будет выполнен в точности. И никто не усомнится в его правильности.

Такая «детская» доверчивость иногда раздражала Сергея, потому что абсолютное доверие от порядочного человека требует абсолютной ответственности. Но с другой стороны, Сергей понимал (как приятно для самолюбия!), что это не доверие вообще, а доверие лично к нему, Духареву. Опыт показывал, что в отрыве от вожака, за которым надлежало следовать, его варяги не превращались в беспомощных потеряшек, а моментально брали инициативу на себя и действовали грамотно и эффективно. Эффективно в смысле: убивать других и не давать убить себя.

– Делиться мы больше не будем, – повторил Сергей. – Но позволить копченым ловить нас без помех – нельзя. Ведь могут и поймать. Лично мне этого не хотелось бы. Поэтому есть такое предложение: я и еще двое добровольцев возьмем самых быстрых лошадок и устроим печенегам веселую жизнь. А остальные тем временем попробуют добраться до Тагана и разжиться корабликом. А если в Тагане сильная дружина – то и поддержкой. А дальше – по обстоятельствам. Что скажете, братья?

– Мне не нравится, – тут же возразил Устах. – В лесу это было бы верным делом. Но

здесь Дикое Поле. А мы – лесовики. Сам знаешь – в степи со степняками нам тягаться трудно.

– Верно,– согласился Духарев.– Поэтому я возьму с собой тех, кто в степи – дома. Рагух, Машег, вы как? Пойдете?

– Пойдем,– без колебаний откликнулся Рагух.

– Пойдем,– присоединился к нему Машег.– Мысль правильная. Мы пойдем. Но без тебя, Серегей!

– Не понял? – процедил Духарев.

– Ты сильный варяг, Серегей. И удачливый. Но большой. Лошадям тяжело будет,– пояснил хузарин.– А чтобы печенегов подразнить – и двоих хватило бы. Тут числа не надо.

– Вдвоем, что ли, пойдете? – спросил Духарев.

– Нельзя вдвоем,– очень серьезно сказал Рагух.– Два – плохое число.

– А три – хорошее,– поддержал соплеменника Машег.– И третий нам тоже нужен будет. За лошадьми присмотреть, отвлечь, знак подать. Третий обязательно нужен. Пусть с нами Шуйка пойдет. Так, Рахуг?

– Шуйка годится,– кивнул второй хузарин.– Шуйка легкий. И стреляет лучше, чем ты, Серегей, хоть и лук неправильно держит. Пойдешь, Шуйка? Только заводных я тебе сам выберу, а то вы, древляне, в лошадях понимаете, как нурман – в верблюдах. Так пойдешь, Шуйка? Что молчишь?

– Да ты ж мне слова сказать не даешь! – сердито ответил Шуйка.– Ясное дело, пойду! Но если будешь подначивать...

– Не буду,– заверил Машег.– Только лошадей тебе выберу – и боле ни слова.

– Решено,– одобрил Духарев.– Но только так, парни: долго на копченных не наседайте. Как горячо станет – сразу уходите.

– Не бойся! – уверенно произнес Машег.– Мы их разок обидим – и сразу побежим. И пусть меня степные демоны сожрут, если после такой обиды поганцы за нами не увяжутся!

– А потом?

– Оторвемся! – уверенно сказал Машег.– Ужели шакалы могут волка заполевать?

Серега нахмурился. Абсолютную уверенность благородного хузарина в своем превосходстве над любым другим степняком Духарев не разделял. Но выбирать не приходилось. Печенегов следует отвлечь, и никто не сделает этого лучше, чем хузары.

– Ладно,– нехотя согласился он.– Будем считать, что оторветесь. Встретимся где? В Тагане?

– Раньше! – заверил Машег.– Мы вас сами догоним. Вы только по дороге идите. На дороге-то не потеряетесь?

– Да уж как-нибудь,– буркнул Духарев.– Устах, что скажешь?

– Пусть идут,– проворчал второй предводитель ватажки.

Устаху совсем не улыбалось остаться без проводников в незнакомой степи. Но с другой стороны, если по тракту идти – не собьешься. Вероятность того, что по этому тракту, навстречу им, может идти еще кто-нибудь нехороший, ни он, ни Серега пока не рассматривали. Все предусмотреть невозможно, поэтому проблемы следует решать по мере возникновения.

Хузары и Шуйка отправились седлаться. Остальные варяги тоже разошлись. Кто – перекусить, кто – доспать часок до рассвета.

– Вот они сейчас обойдут половцев, выруют наше добро – и видали мы их! – вполголоса сказал Щербина Устаху.

– С ума спятил? – буркнул синеусый варяг.

– Так хузары же. И древлянин с ними заодно, такой жадный! – убежденно заявил Щербина.– Потому они Серегея и не схотели брать. Серегей бы им своровать не дал.

– Ты, Щербина, лучше уйди,– пробормотал Устах.– Не то я те сейчас и последние зубы вышибу.

То, что Машег предпочел Сереге Шуйку, Духарева все-таки задело. Он, конечно, понимал, что хузарин прав. Но очень хотелось самому отвесить степнякам плюху. Чтобы мало не показалось. Чтобы осознали копченые: варяги – не зайцы. Глупость, конечно. Духарев оставался крутым бойцом даже на этой плоской, как сковородка, земле. Настолько крутым, чтобы спокойно бросить вызов двум-трем степнякам сразу. Но никак не дюжине.

Духарев засвистел по-особому, сзывая лошадей. Первым, как всегда прибежал Пепел. Заводные особо не торопились. Тем не менее каждый из троих получил по вялой морковке. Сергей оседлал их по очереди, закинул переметные сумы, прицепил оружие, повел к придорожному колодцу. Вчера его вычерпали почти до дна, но за ночь вода снова набралась. Сергей опустил вниз кожаное ведро, вытянул, наполнил фляги, затем напоил лошадей. Связал поводья, достал из сумки кус вяленого мяса, гранитной крепости лепешку и принялся завтракать. Черное небо постепенно серело, звезды гасли. К колодцу подходили варяги, поили лошадей. Своих, приученных приходить на зов. «Трофейных», хузарских и печенежских, отгоняли. Эти получают воду в последнюю очередь, не то опять разбредутся – и собирай их по всей степи.

Когда край солнца показался над горизонтом, маленький отряд уже был готов выступить, а трое охотников, хузары и Шуйка, – давно уехали.

«А все-таки, что бы там ни говорил Машег, а Шуйки я лучше!» – подумал Сергей. Никак он не мог забыть, что его отнесли к разряду балласта.

Возможно, Сереге было бы легче, если бы он узнал, что предпочтение Машега связано не с тем, что Шуйка лучше, а как раз наоборот. Хузарин был далеко не глуп и понимал, что состязаться в конной игре со степняками, которых сажали в седло раньше, чем они научатся ходить, – задача почти непосильная как для Шуйки, так и для Сергея. Хузарам-то, скорее всего, удастся уйти. А вот тот, кого они возьмут с собой, чтобы соблюсти священное число «три», вряд ли вернется назад. Машег, конечно, сделает все для того, чтобы уцелел и Шуйка. Но Шуйкой он все-таки мог пожертвовать, а Сергеем – нет. Во-первых, потому что поклялся Свенельду сделать все, чтобы десятник вернулся из Дикой Степи живым, во-вторых – из-за самого Сергея, которого хузарин за это время успел полюбить и охотно назвал бы братом, будь тот иудеем, а не христианином.

Глава пятнадцатая

Налет

Хузары подобралась к печенежскому стану, когда у степняков уже объявили побудку. Большая часть печенегов уже была на ногах, ленивых поднимали пинками более энергичные товарищи. Дозорных еще не выслали, но часовые уже утратили бдительность...

Машег и Рагух (Шуйку оставили в десяти стрелищах с запасными лошадьми) подползли к вражескому лагерю шагов на двести. С разных сторон. Машег пронзительно свистнул, Рагух – тоже. Хузары привстали, мгновенно выпустили по три стрелы и бросились прочь. Их кони, уложенные в траву подальше от лагеря, услышав свист, вскочили и понеслись к хозяевам.

Двое степняков были убиты, еще один корчился на земле. Печенеги в лагере невероятно оживились. Кто-то углядел бегущего Рагуха, заорал, но хузарин уже взлетел в седло и рванул галопом. Через несколько мгновений он догнал Машега, и оба поскакали прочь. Им вдогонку полетели стрелы. С нулевым результатом.

Подгоняемые разъяренным вожакom, печенеги хватали коней, прыгали в седла, кто успел оседлать, кто не успел – охлюпкой. Хузары не одолели и полуверсты, а ватага из нескольких дюжин всадников уже во весь опор неслась за ними.

Машег и Рагух скакали рядом. Они не очень-то гнали, позволяя печенегам понемногу сокращать расстояние. Степняки же лошадей не жалели. Только бы сократить разрыв шагов до трехсот – и они тут же забросают стрелами дерзких налетчиков...

Вдруг печенег пронзительно завизжали: это возник из высокой травы Шуйка с заводными. Самые азартные степняки еще сильнее нахлестывали лошадей.

Хузары тоже прибавили, но так, чтобы разрыв между преследователями и преследуемыми продолжал сокращаться. Кто-то из печенегов бросил поводья, натянул лук... Стрела ушла в сторону, а стрелка обогнали другие.

Шуйка с заводными уходил легким галопом. Хузары достали его, на ходу перепрыгнули в седла свежих коней.

Погоня растянулась. Полдюжины самых прытких всадников-степняков шагов на пятьдесят оторвались от остальных. Они настигали. Четыреста шагов, триста пятьдесят...

Некоторые, привстав на стременах, метнули стрелы. Мимо.

Из полдюжины лидеров выделились двое самых быстрых. Эти не торопились стрелять, зато упорно сокращали расстояние. Один из степняков заранее готовил аркан...

Машег ловко развернулся в седле, натянул лук. Печенег с арканом пригнулся, стрела пропела над ним, прошла справа от второго – и почти на излете попала в грудь одного из скакавших позади. Будь на печенеге кольчуга или хотя бы защитная куртка – он бы остался жив. Но он слишком спешил отправиться в погоню.

Остальные опять завопили и открыли ответную стрельбу...

– Не стрелять! – взвыл степняк с арканом, когда одна из таких стрел прошла в опасной близости от его уха.

Второй тоже взялся за аркан. Эти двое оторвались от своих почти на две сотни шагов. Но спины беглецов так заманчиво маячили впереди!

Не сговариваясь, оба понукали коней, выжимая из них все, на что те были способны. Еще немного и...

Машег и Рагух обернулись разом, вскинули луки...

Оба печенега тут же бросили коней в стороны...

Стрела Рагуха попала в печенежского коня. Животное споткнулось, всадника выкинуло из седла. Машег подбил печенега влет, как куропатку. Второй преследователь, плюнув на намерение взять врагов живьем, схватился за лук... Машег неожиданно осадил лошадь, и печенег промахнулся. Но конь его продолжал лететь галопом и вынес всадника прямо на Рагуха, который тоже осадил лошадь, развернул ее боком, натянул лук, вполсилы, больше и не требовалось. Стрела попала степняку чуть пониже уха, и печенег уткнулся носом в гриву, конь его проскакал мимо остановившихся хузар.

Рагух и Машег вновь натянули луки. Две стрелы пропели над степью, и в Диком Поле стало еще двумя всадниками меньше.

А погоня еще больше растянулась. Основная группа преследователей отстала шагов на пятьсот. В опасной близости были только трое. Эти трое выстрелили практически одновременно. Все – в Рагуха. Одна стрела прошла мимо, вторая чиркнула по панцирю хузарина, третья воткнулась в круп коня. Животное взвилось на дыбы – Рагух уронил стрелу, вцепился в конскую гриву...

За него ответил Машег. Щелк – и ближайшего степняка вышибло из седла. Щелк – и вторая стрела продырявила бедро печенега, потник и на пол-ладони вошла в бок лошади. Животному это, ясное дело, не понравилось – и всадник с диким воплем полетел на землю. Третий степняк, увидав, что страшный хузарин готовит новую стрелу, моментально сообразил, чем это пахнет, стрельнул не глядя и пустился наутек.

Машег послал коня по дуге, мимо убитого печенега, выхватил, свесившись, у него из тула пучок стрел. Рагух тем временем справился с лошадей, и оба хузарина помчались догонять Шуйку.

Глава шестнадцатая

Албатан

Его звали Албатан, и был он из меньших, племенных ханов народа цапон. Это был его

второй набег. То есть в набеги он ходил каждый год с тринадцати лет. Но вел отряд второй раз. В прошлом году духи оказались не слишком благосклонны. Дальние родичи звали Албатана вместе с русами идти на ромеев. Албатан не пошел. Решил: пока русь наехала на ромеев, он без помех может пройти по землям русов. Так и сделал. Хорошую добычу взял. Но по дороге варяги хана Свенельда переняли степняков. Еле ушли. И добычу пришлось бросить. Хорошо, на обратной дороге наткнулись на касожских купцов, а не то вообще с пустыми руками домой вернулись бы. Стыдно!

В прошлогоднем набеге Албатан потерял двадцать восемь воинов. Пятую часть мужчин рода, способных натянуть лук. Шестерых касогов взяли в плен. С пятерыми повеселились, а шестого, главного, отдали сородичам за выкуп.

Неудачный был год.

Но в этот раз Албату повезло.

Его воины поймали хузарина. Из тех, что служили большому хану Куркутэ. Земли Куркутэ – в двух днях пути от земель народа цапон. Куркутэ – сильный хан. Ходил с русским хаканом на ромеев. Те откупились данью, но ее пришлось поделить с русами. Куркутэ своей доли мало показалось, однако с русами он биться не стал, а повел своих на болгар. Побил их и богатую добычу взял. Сильный хан Куркутэ. Но Албату не господин. Здесь – Дикая Степь.

Хороший вождь в первую голову о своих родовичах печется. В походе у воина трудов много, а удовольствий мало. Поэтому Албатан разрешил своим поразвлечься с пленником. Но предупредил, чтоб заодно признали, откуда и от кого бежал без памяти.

А когда пленник заговорил, Албатан понял, что хузарин принес печенегам удачу. Рассказал хузарин, что больше не служит Куркутэ, а передался хану из русов по имени Скапэ. Прознал Скапэ о посольстве ромейском, что много золота и серебра при себе везет. Выведаль хитрый рус, где хранят богатство ромей, как стерегут, когда из лодок своих выходят, чтобы волоком пороги обойти. Стража при ромеях была сильная, но в большинстве наемная. Были в ней у Скапэ свои люди. И свои у Скапэ воины были, очень хорошие. С такими он и сам мог бы ромеев ограбить. Только не хотел Скапэ, чтобы узнал ромейский большой хан, кто взял на нем добычу. Потому позвал в помощь прикормленных хузар.

Хитрый рус все обдумал и все с вожаком хузарским обговорил. Долю в добыче обещал и помощь в набеге.

Ночью, на волоке, когда умаявшиеся за день ромей крепко спали, верные Скапэ люди из наемников сами тихонько вырезали часовых.

И тогда на лагерь, как буря, налетели прикормленные хузары. Разметали сонных ромеев. Побили многих, сорвали шатер ромейского вождя, похватили мешки и умчались. Сразу послать погоню ромей не смогли. Притаившиеся у лагеря русы забросали их из темноты хузарскими стрелами, а потом сели на свои лодки и ушли в условленное место, где должны были с хузарами встретиться.

Только вождь диких хузар умно поступил. В условленное место встречи не пошел. У Скапэ-хана воинов много, а чести совсем нет. Не захочет он долю отдавать. А чтоб тайну сохранить, перебьет союзников. Да и золото отдавать жалко. Немножко можно отдать, да. Если большую часть себе оставить. А немножко себе оставить, когда все золото уже у тебя, такое очень обидно.

Ход мыслей хузарского вожака Албатан одобрил. Сам поступил бы так же.

Вспомнил хузарский вождь, что были они данниками Куркутэ. Если отдать Волку часть золота, Волк не даст своих данников русам. А серебра и золота, что они у ромеев взяли, было столько, что на десяти конях не увезти. Простил бы их Куркутэ за такой дар – он золото любит.

Была еще одна причина у Куркутэ простить своих бывших данников. Золото, которое везли ромей, предназначалось не только русскому хакану, но и печенежскому Волку. Таким образом, хитрый Скапэ руками диких хузар ограбил не только ромеев, но и большого хана Куркутэ. Вот сведения, стоявшие половины добытого золота. Рядовой разбойник об этом,

конечно, не знал, но вожак мог догадываться...

Не пошли хузары на условленное место, а переплыли Днепр и хотели в степь уйти.

Но тут случилась беда. Налетели внезапно на диких хузар страшные люди. В лагере всех побили. Пленник уцелел потому, что ночью табун пас. И конь у него был хорош: ускакал.

Албатан поинтересовался: знал ли пленник тех, кто их побил?

Услышав ответ, очень удивился хан. Даже переспросил: верно ли? Откуда здесь, в Приднепровье, белые хузары хакана Йосыпа? Все же знают: договорился старый Йосып с русами, что эта земля за ними.

Но пленник настаивал, и Албатан поверил. Дикий хузарин не посмел бы ему солгать. После того, как с хузарином люди Албатана развлеклись.

Хузарин принес хану удачу.

Поэтому Албатан оставил пленника в живых. На время.

Сейчас боги уже не улыбались. Но хан знал, как вернуть их расположение.

Родовой бог Албатана ездил в плетеном коробе вместе с иными реликвиями, доставшимися Албатану от предков. Давным-давно бога вырезал из дерева кама²⁰ самого великого Улцапона. Бог был черный и липкий.

Пленника, с выпученными от ужаса глазами, приволокли к хану.

– Видишь? – спросил Албатан, кивнув на уложенные в ряд тела. – Их убили твои родичи.

Хузарин быстро заговорил, путая печенежскую и собственную речь. Албатан не стал утруждать себя пониманием этого лепета.

– Отпустите его, – приказал он воинам и вынул узкую саблю, сработанную мастерами из Синда.

Хузарин попятился было, но остановился. Глаза у него стали – как у овцы.

Албатан пару раз встряхнул кистью, затем ударил.

Воины восхищенно зацокали. Клинок развалил хузарину грудную клетку: прошел через ключицу, ребра, сердце, легкие, наискось рассек чрево и вылетел на свободу. Албатан стряхнул с дымчатого лезвия кровь и вложил в ножны раньше, чем тело хузарина рухнуло на землю. Один из воинов, нагнувшись над трупом, вырвал теплую печень, другой тесаком обрубил мертвецу большие пальцы: чтобы там, в подземном мире, хузарину уже нечем было натягивать тетиву. Там он будет рабом, а не воином.

Албатан взял бога и опустил его в разверстое нутро.

Воины замерли в благоговении.

Когда Албатан вынул бога, тот был липким и красным от удовольствия. Хан вернул его в короб и вытер руку о штаны.

Утреннее нападение стоило жизни нескольким воинам, но зато Албатан кое-что узнал. Он узнал о слабости тех, кого преследовал. Будь они сильны – вот тогда была бы настоящая беда. Убитый хузарин говорил: их побили так же. Налетели утром, внезапно – и порезали спящих. А гнались за ним непонятные люди. По одежке – славяне, а повадка хузарская. Хузары народу цапон враги. И славяне враги. Но славяне и хузары меж собой тоже не друзья, а враги. Непонятно! Зато ясно, что пленный не соврал. Сказал точно: одеты славянами, а повадка хузарская. Стреляют отменно, и луки у них хороши.

Албатан думал, но не медлил. Он знал, что дальше соляной тракт делает петлю, сворачивая к реке, и три дневных перехода дорога идет вдоль берега, петляя вместе с речушкой. Албатан отрядил три больших десятка воинов на лучших конях и послал напрямик через степь. Пусть бегут день и ночь, как волки за тарпанами. Пусть обгонят и

²⁰ Кама – шаман.

нападут. Если окажется, что противник все-таки сильнее, – пусть отступят. И снова нападут. Пусть держат тарпана, рвут его за бока, уворачиваясь от копыт, пока не подоспеет вожак и не взрежет добыче пах.

Но одним отрядом Албатан не ограничился. Выделил еще людей и отправил за теми, кто нападал утром. Албатан подумал: может, они не захотят уйти? Слишком хорошо у них вышло сегодня. Слишком легко. Албатан подумал: может, они еще вернуться. Ночью. Или – следующим утром. Если те, кто поскачет по следу, увидят, что след поворачивает назад, пусть охотники разделятся. Одни пойдут дальше по следу, другие – наперерез. И узнают враги, что воины цапон умеют скрадывать не хуже хузар – лучше!

Глава семнадцатая

Преследование

Машег повел разведчиков «тропой лиса». Сначала на север, потом обратно, прямо по собственному «утреннему» следу. А верст через шесть повернул под прямым углом – к восходу. Теперь разведчики, двигаясь прямо, могли догнать своих. Но Машег не стал рисковать и заложил еще одну петлю длиной в десяток верст, дважды пересекавшую старый, «ночной» след, оставленный разведчиками, когда они в темноте подбирались к печенежскому лагерю. Замкнув петлю, Машег проехал по ее дуге еще немного, до «ночного» следа, намотал еще одну петельку поменьше. И еще одну. Но и после этого хузарин не поехал прямо, а вернулся на «ночной» след, где разведчики и залегли.

Машег мог относиться к печенегам презрительно, но знал, что любой степняк-охотник сумеет распутать «лисий» петли. Поэтому решил приметить еще одну хитрость. Последнюю.

Разведчикам не пришлось долго ждать. Очень скоро они увидели, как в полутора стрелищах по «утреннему» следу прошел печенежский отряд численностью примерно в два больших десятка.

Печенеги не очень торопились. Терпения им не занимать, а в такой «волчьей» охоте исход зависит не от скорости, а от упорства. Именно так волчья стая травит стремительного тарпана. Неторопливо, упорно, разделяясь и сокращая путь, если жертва сворачивает с прямого пути, и вновь соединяясь, когда тарпан бежит по прямой. Рано или поздно хитрость и выносливость побеждают быстроту.

Но хузарин – не тарпан. Он тоже умеет хитрить. Машег подождал, пока печенеги скроются за холмами, затем поднял своих и повел по широкому следу, оставленному погоней.

Когда они достигли места, где Машег свернул на восток, то обнаружили, что преследователи разделились. Одна группа продолжала двигаться на север, вторая свернула навстречу солнцу, «выиграв» у хузар дюжину верст. Это было не страшно. Больше степняки делиться не станут. Хузары преподали им слишком хороший урок. Печенеги не рискнут выступить против них без серьезного численного преимущества.

Еще несколько верст – и разведчики опять сошли с тропы. Укрылись за старым курганом, приготовились.

Ждали недолго. Отряд, дошедший до «тупика», возвращался галопом. Печенеги проскакали в половине стрелища от залегших разведчиков. Но те стрелять не стали. Вот если бы печенеги были повнимательней и обнаружили их, тогда пришлось бы драться. Но степняки, «вытянувшие пустышку», слишком торопились соединиться со своими.

Когда топот копыт стих, разведчики поднялись и двинулись на север. Закладывая петли, они потеряли полдня. Но Машег не сомневался, что, распутывая следы, печенеги истратят еще больше времени. Если вообще сумеют их распутать. А разведчики тем временем спокойно выедут на дорогу и до темноты пройдут еще верст двадцать.

Заночевали, свернув с дороги, у речки. Машег предпочел бы идти и ночью, чтобы уж наверняка оторваться от погони (имея по паре заводных, разведчики могли себе это

позволить), но Шуйка совсем выдохся. Древлянин, хоть и был такой же невысокий и тонкокостный, как печенеги, но родился все же не в степи, а в лесу и спать в седле не умел. Нет так нет. Трава у реки густая и сочная, а отдохнувшие сытые лошади бегут веселей. Наверстают потерянное.

Дозорного не выставляли, зато встали чуть свет. Перекусили, скормили коням остатки овса, чтоб резвее бежали, – и тронулись.

Ехали по дороге – так быстрее. В высокой траве коней рысью не пустишь: только шагом или галопом. На первом же взгорке Машег встал на седло, огляделся... и увидел позади пыль. Правда, далеко.

Это было неприятно. Неужели степняки так быстро разобрались с Машеговыми хитростями? Или это кто-то другой, случайный?

Подождать и поглядеть, кто? Рискованно. А если это все-таки печенеги, то можно ли при таком раскладе догонять своих? Не лучше ли взять в сторону и увести погоню?

Право решать принадлежало Машегу. Он – старший. Машег решил так: с дороги сойти, пересечь вброд речку и дальше идти противоположным, более высоким берегом. И не особенно торопиться. Пусть преследователи подойдут поближе.

Так и сделали.

К полудню пыльный столб был виден уже совсем хорошо, и стало понятно, что это не какие-нибудь купцы с товарами. Те идут медленнее.

Это было плохое известие. Зато было и хорошее. Впереди замаячила рощица. Небольшая, но достаточная, чтобы укрыться лучше, чем в траве.

Когда солнце перевалило через зенит, разведчики въехали в тень деревьев.

Ручеек, образованный бьющим из земли ключом, стекал в реку. Наполнили фляги, смочили губы. Перед боем нельзя пить больше пары глотков.

– Ждем, – решил Машег.

Шуйка вскарабкался на дерево – и тут же очень проворно съехал вниз.

– Худое дело, – сообщил он. – Идут двумя отрядами. Один – по дороге пылит, второй точь-в-точь по нашему следу. С собачками.

– Много их? – в один голос спросили хузары.

– Десятка по два.

Много. И прятаться при таком раскладе не имело смысла.

– Может, тут засядем? – предложил Шуйка, которому эта рощица представлялась более надежной, чем голая степь.

– Нет, – покачал головой Машег. – Не устоим.

– А может... я один? – не очень уверенно предложил древлянин. – Собачек побью – вы и оторветесь.

– А ты?

– А я... Как-нибудь. Не боись: живым не дамся!

Хузары переглянулись. Ни Рахуг, ни Машег не смогли бы вот так вот по собственному почину принять смерть.

Машег подумал немного...

Без Шуйки они с Рахугом точно бы ушли. Раньше он так бы и поступил. Машег – хузарин чистой крови, Шуйка – безродный славянин, никто. Но теперь они все – варяги. А варяги без крайней нужды своих не бросают.

– Насчет собачек – мысль верная, – согласился Машег. – А поступим так: подпустим поближе, псов побьем. И пазинаков, тьфу, печенегов побьем, сколь успеем. И уходим от дороги прочь. Здесь тракт петлю делает, а мы срежем. И этих собьем, и наших опередим.

– А оторвемся? – с сомнением спросил Шуйка.

– Оторвемся! Коня отдохнули, степь тут холмистая. Оторвемся, ничего. Лезь, Шуйка, на дерево и говори, как там чего.

Древлянин вскарабкался наверх.

– Идут, – сообщил он. – Те, что на тракте, вперед ушли, а эти идут!

- Как думаешь, уйдем? – вполголоса, по-хузарски спросил Рахуг.
- Бог знает, – сказал Машег.
- Ты, если что... О моих позаботься! – попросил Рахуг.
- А ты – о моих.

Оба они – из знатных, но ослабевших родов. Старинные роды, те, что пришли из Персии, те, что давали хакану воинов, меньшевали год от года. А те, что пришли от ромеев и жили торговлей, – те множились. За них воевало золото, на которое нанимали иноверцев: язычников, мусульман. Хакан Йосып сам был из таких. Может, потому и скачут теперь печенеги там, где недавно рос хузарский виноград?

- Ой-ой! – вскрикнул наверху Шуйка.
- Чего там? – забеспокоился Рахуг.
- Степняки сошли с дороги. С другой стороны забежать хотят.
- Слезай, – скомандовал Машег. – Возьми коней и жди на северной опушке.

Он вытянул лук из налуча. Налуч у Машега – богат. Но лук еще богаче. Клеенный из лучшей древесины трех сортов, усиленный по спинке верблюжьими жилами, костью, защищенный от сырости толстым слоем гладкого черного лака. Отличный лук, одним словом. Многие враги Машега подтвердили бы это... Если бы мертвые умели говорить.

Машег присел на колено, выложил перед собой полдюжины стрел – чтоб брать удобней.

Печенеги, зашедшие со стороны восхода, громко переговаривались. Второй отряд, сторожась, шагом приближался к западной опушке рощи. Собак, поджарых степных гончаков, держали на поводках, луки – наготове. Машег видел напряженные лица врагов, сощуренные глаза, пытавшиеся высмотреть противника в густой листве. Он мог всадить стрелу в любого, хоть в узкую щелку глаза. Печенеги, скорее всего, догадывались об этом, поскольку уже точно знали: преследуемые здесь, в роще. Машег чувствовал их страх и неуверенность. Второй отряд наверняка вел себя так же. Будь Машег их командиром, он велел бы воинам спешиться и подбираться, прикрываясь лошадьми, а еще лучше – ползком. Но это была варяжская, а не степная повадка.

Машег ждал: сейчас они по сигналу завизжат, бросятся все разом, лупя наугад по всякому подозрительному шевелению. Колочий кустарник на опушке их задержит...

«Эх, – подумал Машег, – будь нас хотя бы дюжина – побили бы пачинаков, как сусликов!»

Тут один из степняков не выдержал – спустил пса.

Черно-белый пятнистый гончак с хриплым рычанием рванулся вперед.

Машег и Рахуг одновременно обнажили сабли...

Если пес обучен как следует, он не станет нападать на человека. Но этого гончака, видно, учили на беглых рабах. Вместо того чтобы остановиться и голосом позвать хозяина, полудикий зверь с разбегу прыгнул на Машега.

Хузарин, привстав, отклонился, изогнутый клинок мелькнул, пес упал на четыре лапы, но, споткнувшись, покатился по траве да так и остался лежать.

Машег вернул саблю в ножны, бросил быстрый взгляд на Рахуга. Товарищ его уже накладывал стрелу.

Второго пса не было видно за высокой травой. Но там, где он был, трава волновалась. Кроме того, именно туда убегал черный ремень поводка.

Тетива щелкнула о рукавицу – и пронзительный визг подтвердил, что Рахуг не промахнулся.

Дальше события раскручивались с молниеносной быстротой.

Оба хузарина с невероятной скоростью выпустили с дюжину стрел, вскочили и, петляя между деревьями, помчались к северной опушке. А печенеги, как только засвистели стрелы, привычно рассыпались веером, вскидывая луки. Степняки совершенно точно засекли места, откуда стреляли. И закидали рощу градом стрел. Но хузар там уже не было. Несколько секунд промедления сделали ответную стрельбу бессмысленной.

Увидев хузар, Шуйка сразу пустил коней вперед. Машег и Рахуг на ходу прыгнули в седла, и разведчики вылетели из рощи. Заводные лошади скакали следом, а печенеги...

Конечно, степняки заметили разведчиков, но опять с опозданием, когда те уже ушли слишком далеко для прицельного выстрела.

Оба отряда тут же пустились в погоню, но у разведчиков кони были свежее, и расстояние между преследуемыми и преследователями продолжало увеличиваться.

Впереди невысокой грядой тянулись холмы. Когда разведчики добрались до склона, степняки отставали от них почти на три стрелища.

Печенеги скакали двумя группами, держась друг от друга примерно в четверти версты. Так борзые гонят петляющего зайца. Но Машег не петлял, а уверенно направил коня между двумя холмами. Степнякам придется выбрать: или скакать напрямик, через холмы, или обогнуть их. В любом случае, они потеряют время.

Жеребец Машега был резвее, поэтому он первым взлетел по пологому склону и...

Машег осадил коня так резко, что тот присел на задние ноги.

Впереди, в каких-нибудь трех сотнях шагов, рассыпавшись цепью, навстречу разведчикам двигался еще один печенежский отряд.

Вероятно, появление всадника было для степняков такой же неожиданностью. Или они не сразу поняли, что перед ними – враг. Поэтому хузарин успел развернуть коня и бросить его вниз по склону раньше, чем на него посыпались стрелы.

– Печенеги! – закричал он своим и, бросив поводья заводных, погнал жеребца поперек склона.

Степняки по ту сторону холмов завопили. Им откликнулись те, кто преследовал.

Рахуг, сообразив, что происходит, развернулся, но поскакал в другую сторону, на запад.

Шуйка замешкался, не зная, какое направление выбрать, наконец сообразил и последовал за Машегом.

– Брось! – закричал ему хузарин. – Брось заводных, Шуйка!

То ли ветер отнес его слова, то ли древлянин не разобрал, о чем кричит хузарин.

Шуйка запоздал. Печенеги из третьего отряда обогнули холм с севера. Шуйка взял правее, но справа к нему тоже скакали враги.

Шуйка подтянул к себе заводного коня, на ходу перепрыгнул на него, но сделал это недостаточно ловко, конь споткнулся и едва не упал. Печенеги с двух сторон неслись к древлянину.

Машег, оглянувшись, увидел, как его товарища берут в клещи, понял, что тот не успевает. Хузарин придержал коня, вытянул лук и принялся выпускать стрелу за стрелой, но расстояние было слишком велико даже для такого стрелка, как Машег: только одна его стрела попала в цель: воткнулась в шею печенежской лошади.

Шуйка гнал беспощадно, понукал коня... И все равно не успевал!

Несколько степняков поднялись на стременах, натягивая луки. Первая стрела ударила Шуйку в плечо. Древлянин удержался, но вторая стрела подсекла коня, и Шуйка вылетел из седла.

Степняки, привстав на стременах, мчались к нему. Они больше не стреляли, рассчитывая взять варяга живым. Двое или трое уже разматывали арканы...

Машег тщательно прицелился, но выстрелить не успел. Печенеги уже подскакали к лежащему в траве древлянину, заслонили его...

Машег вернул стрелу в колчан. У него их оставалось совсем мало.

Шуйка, оглушенный, приподнялся, глянул на оскаленные лошадиные морды... и, выхватив из сапога кривой нож, полоснул себя по горлу раньше, чем ему успели помешать. Машег склонил голову: достойная смерть. И тут же выпрямился, привстал на стременах, высматривая Рахуга. Не высмотрел.

Зато печенеги, вертевшиеся вокруг Шуйки, опомнились и бросились к хузарину.

Машег наклонился к уху коня, шепнул: «Давай, родной», – и отдал поводья.

Жеребец птицей рванулся вперед.

Через полчаса печенегі поняли, что хузарина им не догнать, и прекратили погоню.

Вечером Машега догнала одна из заводных. Это была двойная удача: к ее седлу был приторочен бурдюк с водой. И еще одна, отдельная удача – кое для кого, попавшегося на глаза хузарину утром следующего дня и только благодаря заводной оставленного в живых. Своего боевого коня Машег ни за что не стал бы обременять дополнительным грузом.

Глава восемнадцатая

Мышеловка под названием «Дикое Поле»

Дозоров варяги больше не высылали. Их осталось слишком мало, чтобы это имело смысл. Теперь они просто ехали по дороге, время от времени меняя коней.

Около полудня Понятко углядел впереди, слева от дороги, одинокого всадника. О чем и сообщил своему десятнику. Всадник скакал к ним.

– Стой! – скомандовал Духарев.

Тот, кто в одиночку уверенно и открыто скачет к группе воинов, вряд ли окажется врагом.

Нехорошее предчувствие овладело Сергеем. Он, щурясь, пытался разглядеть поподробнее крохотную фигурку, но расстояние было слишком велико. Всадник с заводной лошастью – вот все, что он видел.

Но у других были глаза получше.

– Это один из наших хузар! – уверенно заявил Понятко.

Варяги молча ждали.

Наконец тот же Понятко сумел разглядеть лицо всадника:

– Машег!

Черт! А остальные?

Стыдно сказать, но Сергей, услышав имя, даже обрадовался. Машег был ему намного ближе, чем Рахуг и Шуйка.

«Не смей думать, что они погибли! – суеверно приказал себе Духарев. – Они могли просто разделиться, в конце концов!»

– Кого-то везет, – проговорил Понятко.

Поперек седла лошади, которую Машег тянул на поводу, лежал человек. Связанный. Значит, не свой, пленник.

Хузарин подскакал, спешил. Ноги его великолепного жеребца дрожали от усталости.

– Поводите их, кто-нибудь, – попросил Машег.

– Мисюрок! – скомандовал Духарев.

Парень с явным неудовольствием (ему тоже хотелось услышать, что произошло) принял поводья.

Мимоходом ухватил пленника за пыльные волосы, заглянул в лицо, ухмыльнулся.

Машег отстегнул флягу, встряхнул: пуста. Устах молча протянул ему свою.

– А где остальные? – спросил нетерпеливый Сирка.

Машег вернул флягу, сделал пару шагов – его покачивало.

– Остальные – там, – хузарин показал на небо.

Сергей выслушал рассказ Машега достаточно спокойно. Он видел, что хузарин не винит себя в смерти Шуйки. И Рахуга, которому, скорее всего, тоже не удалось уйти. Машег действительно не виноват. Не будь его конь так хорош, Машег тоже был бы мертв. И некому было бы принести злую весть.

«Нам повезло!» – с ожесточением думал Сергей.

И это тоже было правильно. Машег, единственный из них, знал Степь не хуже печенегов. Погибни он – и у варягов не оставалось никаких шансов. Совсем никаких. Противник оказался слишком умным и сильным. И отряд, который перехватил разведчиков,

вряд ли был послан именно за разведчиками. Не наткнись на них хузары с Шуйкой, степняки через сутки-двое перерезали бы путь Духареву и остальным. Погоня за разведчиками стоила печенегам нескольких часов.

– Бывает и хуже! – подвел итог Духарев. – Ты кого привез?

– Старый знакомец, – хузарин распутал веревки, рывком стянул пленника с коня и бросил на траву.

– Ха! – воскликнул Сирка. – Попался, волчья сыть!

– Еду, гляжу: что-то знакомое в траве мельтешит! – сказал Машег.

– На что он нам? – недовольно проворчал Устах. – Прирезал бы – и всех делов.

У ног варягов, пыхтя и ворочая покрасневшими глазами, лежал сбежавший парс.

– Серегей хотел с ним говорить, – пояснил хузарин. – Правильно?

– Правильно, – кивнул Духарев. – Машег, ты как, из седла не выпадешь?

Хузарин одарил командира даже не возмущенным – удивленным взглядом.

– Тогда возьми свежую лошадь – и двинулись! – распорядился Духарев. – Этого возьмем с собой. Гололоб, Щербина, грузите его!

Парс что-то забормотал.

– Стойте! – Серега наклонился к нему.

– Я сам поеду, – просипел парс. – Не надо... Как барана... Я не сбегу. Огнем клянусь...

– Хорошо, – согласился Духарев, взял парса за штаны и за шкуру и рывком водворил в седло. Не очень-то и тяжелый.

– Гололоб, приглядывай за ним. А ты, парс, учти, что за нами печенег и идут. Угадай с двух раз, что они с тобой сделают, если поймают?

Парс счел за лучшее промолчать.

– Все, братья, по коням – и побежали! – сказал Духарев.

Да, теперь им оставалось только убегать. Вдвядтером-то.

На душе у Сереги было хреново. Даже пойманный Машегом парс не улучшил настроения. И погибших ребят жалко. Есть, правда, слабый шанс, что Рахут все-таки ушел... Проклятое золото! Серега охотно отдал бы его, чтобы оказаться сейчас дома, в Полоцке. Или хотя бы километров на триста севернее, где растут деревья, и где можно запутать врага по-лесному, спрятаться в чаще и проскочить в те края, где найдется управа на сотню степных разбойников. А может, еще и обойдется? Может, в Тагане стоит сильный отряд? Может, отыщется там небольшое крепкое судно для богатых варягов? Главное: убраться с этой плоской разделочной доски, которая называется Дикое Поле! Удержать запас дистанции, выигранный хузарским налетом на степняков.

Вокруг было много места и много света. Под Серегой был крепкий конь, и силы в руках тоже было достаточно. Но чувство, которое испытывал Духарев, было сродни тому, что испытывает мышь, изо всех сил бегущая к выходу из мышеловки и видящая, как неотвратимо падает вниз дверца-дощечка. Короче, Серега испытывал самый настоящий страх. Он спиной чувствовал, как неуклонно сокращается расстояние между ними и преследователями. И хуже того, он постоянно ожидал, что и впереди, у блеклого горизонта, в любой момент могут появиться крохотные, совсем не страшные издали, темные фигурки.

И тогда варягам останется только одно: драться. И умереть.

А умирать почему-то совсем не хотелось. Умирать было глупо.

«Дурак я! – подумал Сергей. – Надо было соглашаться на предложение Свенельда! Так нет же! Захотелось напоследок испытать степной вольницы! Вот и испытал. В полный рост испытал. Великая свобода удирающего от борзых зайца».

Серега словно бы увидел этого самого зайца, скачущего длинными прыжками, заложив уши, и рыже-белых, узких, как боевые топоры, настигающих борзых. Щелк! – Серый комочек метнулся в сторону, увернулся... Прямо в зубы второй борзой. Пронзительный визг, подброшенное вверх, мельтешащее лапками тельце. Рычание, хруст – лапки дернулись в последний раз, выпуклые глазки помутнели...

Нет, не бело-рыжие длинноногие борзые, а низкорослые всадники с опаленными

солнцем коричневыми плоскими лицами. Отряды, идущие параллельными курсами, обгоняя, отсекая...

«Господи! – взмолился Духарев. – Дай нам хотя бы маленький шанс! Неужели я больше тебе не нужен здесь?»

Глава девятнадцатая **Великий князь киевский и его дружина**

Войско двигалось по степной дороге. Ровные шеренги по четверо в ряд. Десяток за десятком, сотня за сотней. Все – конные, даже тяжелые, светлородые нурманы, которые предпочитали в бою опираться на собственные ноги, – тоже верхами. Без коня степь слишком просторна для человека.

Воины шли плотно, не боясь нападения. Далеко разосланные дозоры из коренных степняков заранее предупредят о возможной атаке. Если какой-нибудь безумец рискнет атаковать дружину русского хакана Игоря.

Сам хакан ехал впереди. По правую руку – варяг Асмуд, по левую – нурман Скарпи. Ближние. Почетно место рядом с князем. Хорошо еще и тем, что не надо глотать пыль, поднимаемую войском.

Дорога петляла, огибая холмы. Ее прокладывали не для ехавших налегке всадников, а для тех, кто идет с грузом. Повторяя изгибы тракта, изгибалась грозная змея княжьего войска.

Игорь глядел на холмы. Вершины иных были увенчаны каменными истуканами, другие – просто грудой камней. Могильные курганы древних воинов. Здесь, в степи, воевали всегда. Народы приходили и уходили. Одних вытесняли чужие копыта, другие уходили сами. Богатые земли. Земля богатая, вон как травы вымахали! Посадить сюда черный люд – большую дань получать можно... Не посадишь. Налетят степняки: заберут зерно, посевы потравят, людишек угонят.

– Что за шум там, впереди? – спросил князь.

Асмуд поманил гридня, показал рукой: сбегай, узнай, кого там дозорные прихватили?

Гридень сбегал.

– Чумаки! – сообщил он. – Счас освободят дорогу!

Когда голова колонны поравнялась со смердами, их возы уже стояли сбоку, в траве.

Коренастые мужики в пыльных, выбеленных солнцем и солью рубахах мрачно глядели на грозные ряды воинов из-под широких соломенных шляп.

Великий князь поглядел сверху на смердов... и внезапно остановил коня.

Волна прокатилась по сверкающим шеренгам. Лес копий качнулся и замер. Колонна встала.

– Старший кто? – спросил князь.

Чумаки поглядели друг на друга, затем один вышел вперед, содрал с головы шапку.

– Ну я, – сказал он.

– Откуда волы лишние?

– Дык... Воз же у нас забрали, – ответил смерд, потупившись.

– Кто?

– Вои, – мужик пошевелил дорожную пыль босой ногой. – Должно, варяги... Усы вон такие, как у тебя.

– С йими еще хузар был! – вмешался другой чумака. – Точно!

Старший глянул на него недовольно.

– Варяги, хузар, а воз вот забрали!

– И вы отдали? – с усмешкой спросил князь.

– Дык... Попробуй не отдай! – Смерд в сердцах сплюнул.

– Много их было?

– Ну... Столько! – Чумака растопырил пальцы. – Или чуток поболее. Конные.

– А воз им зачем?
 – Да ранены у них. Допрежь их меж лошадами везли. На возу-то сподручней.
 – Давно это было?
 – Дык, дни три тому. А может, четыре.
 – Четыре, – сказал другой чумак. – Три дня тому то печенези шли.
 – Что за печенези? Много?
 – Много, – подтвердил чумак.
 – Может, орда? – вполголоса предположил Асмуд.
 – Как много? – спросил он. – Больше, чем нас? С кибитками?
 – Не, – сказал чумак. – Вас поболее будет. А кибиток с йими нету. Вои одни. Быстро шли.
 – Нас не тронули! – со значением вставил старший.
 – Мы тоже не тронем! – успокоил князь. – Лови! – Он швырнул к ногам мужика серебряный резан и дал знак: тронулись.
 Мужик подобрал подачку, отскочил с дороги.
 Войско на рысях прошло мимо.
 – Чё дал? – спросил его второй и закашлялся от поднятой копытами пыли.
 Старший разжал ладонь.
 – А-а-а... – протянул он пренебрежительно.
 Резан был совсем махонький. С ноготь.
 – Думаешь, они, батька? – спросил Асмуд. – Так вот прямо дорогой и идут?
 – Почему бы им не идти дорогой? – отозвался князь. – А вот печенег откуда взялись?
 – Золото пахнет! – сказал Скарпи и рассмеялся. – Их не может быть много. Это земля Куркутэ. А Куркутэ где? У болгар! Побьем, батька! Не думай!
 – А я вот думаю! – сердито перебил князь. – И знаешь, о чем?
 – О чем, батька?
 – О том, чуют ли эти самые печенег золото или точно о нем знают! И что будет, если те варяги и хузары, что взяли у чумаков воз, и впрямь везут наше золото. И что будет, если степняки переймут их раньше нас!

Глава двадцатая **Парс, астрология, демоны и мрачные предсказания**

– Мой дом – там, где я сам, – сказал парс, облизывая ложку. – А родина? Родина далеко. Он протянул ложку Мисюрку, но тот мотнул головой: оставь себе. После парса он этой ложкой есть не станет.
 – Не так уж далеко твоя родина, – возразил Машег.
 На чистом войлоке перед хузарином были разложены стрелы. Машег занимался их сортировкой. На самых надежных делал особую пометку самой естественной краской: собственной кровью.
 – Не так уж далеко, – сказал он. – Мои пращурь откуда пришли, по-твоему?
 – Не спорю, – согласился парс. – Многие ваши до сих пор Ахурамазду почитают и огненные знаки на теле носят.
 – Не только огненные. – Машег отложил очередную стрелу, повернулся к Духареву: – Помнишь, Серегей, ты про птичьи лапы говорил? То знак смерти.
 – Да-да, – подтвердил парс. – Лапы стервятника. Или голова его.
 – Фу! – поморщился Гололоб. – Шоб я на себе ворону поганую рисовал? Ну огонь, это я еще понимаю...
 – Это одно и то же, – заметил Машег и усмехнулся. – По нашему обычаю мертвых в землю кладут, по вашему – огню отдают, а они, – он кивнул на парса, – трупы так бросают, падальщикам.
 – Чё, прям так из избы и выкидывают? – изумленно воскликнул Понятно.
 – Нет, – сказал парс. – Для этого есть здания особые, башни.

– Ой плохо тебе будет! – сочувственно проговорил Понятко.
– Что ты имеешь в виду?
– Где ж мы тебе эти самые башни отыщем? Уж не обессудь, придется тебя так кинуть. Как думаешь, найдут ты падальщики без башни? Не проворонят? – и захохотал, довольный. Сострил и скалambuрил.

Парс поглядел на Понятку, решая: рассердиться или нет? Решил, не стоит. Все же варяги обращались с ним пристойно. Не били. И даже накормили. Правда, отдельно. Как чужого.

– Ты лучше скажи: зачем от нас сбежал? – спросил его Духарев. – Чего испугался?

Парс ответил не сразу, но все-таки ответил.

– Увидел кое-что, – нехотя проговорил он.

– И что же?

Парс устремил на Духарева свои черные блестящие, как мокрые маслины, глаза.

– Я, – сказал он, – провидец. И великий звездочет. Я гляжу на человека – и вижу, под какой звездой он родился, какие знаки небесные им правят. Вот на него смотрю, – он показал на Гололоба, – и вижу, каков он нравом, и судьбу его вижу.

– И какая же моя судьба? – заинтересовался Гололоб.

– Дурная, – сухо ответил парс. – В дни сии лучше б тебе в спокойном месте сидеть. Или кровь твоя прольется вскорости.

– Ха! – воскликнул Гололоб. – Эка невидаль! Мало, что ли, крови моей на сырую землю пролилось? Вона, последняя рана еще не зажила! Ты лучше скажи: живой я буду или помру?

– Этого я не вижу, – парс покачал головой.

– А про меня? – жадно спросил Понятко.

– Тебе легче, – сказал парс. Твой знак – быстрый, воздушный. Ты уцелеешь. Скорее всего.

– Ну-у! – разочарованно протянул Понятко. – Все у тебя так... – он покрутил растопыренными пальцами. – Бабка-гадалка и то точнее скажет, что с человеком будет.

– А я не то, что будет, предсказываю, – уточнил парс. – Я говорю о том, что возможно будет.

– Это ты правильно толкуешь, – неожиданно поддержал чужака Машег. – Судьба человека – в руке Божьей. Вызнавать ее – дурно. А вот подсказать, что лучше, – можно.

– Хочешь, тебе подскажу? – предложил парс.

– Давай. Только про кровь не надо.

– Про кровь и не буду. Ждет тебя встреча скорая. Будет у тебя друг новый. Близкий друг. Скоро! И знак его – меч и мед.

– Меч – это хорошо! – вставил Понятко. – Лишний меч нам не помешает. А мед мы выпьем!

Хузарин промолчал: он обдумывал сказанное.

– Ладно, – подал голос Духарев. – Что ты предсказатель, мы уже поняли. Не поняли только, почему ты от нас удрал.

– Я звездочет, – еще раз повторил парс. – Я гляжу на человека – и вижу.

– И это мы уже слышали, – поморщился Сергей. – Давай выкладывай, чего ты испугался?

– Тебя, – мрачно изрек парс.

По ухмылкам варягов видно было: заявление парса им понравилось. Когда твоего вожака боится даже чужеземный колдун – это приятно.

Духарев их восторгов не разделял.

– И что же ты во мне такого увидел? – неприятно усмехнувшись, спросил он.

– О тебе звезды молчат.

– Ха! – воскликнул Устах и хлопнул парса по спине так, что тот чуть не опрокинулся в костерок. – Потому что он сам – ведун!

– Он прав? – спросил Духарев парса.

Тот покачал головой. Его ободранная физиономия мучительно исказилась.

– Звезды тебя не знают,– выдавил он.

Сначала Серега не въехал. Да, собственно, никто из варягов не въехал. Разве что у Машега мелькнула в глазах искра понимания. А потом...

– Давай-ка отойдем,– сказал Духарев, вставая.

На лицах кое-кого из его спутников проступило разочарование.

Они выбрались из овражка и отошли шагов на сто. Серега оглянулся, автоматически отметил, что огня не видно и дымом почти не пахнет.

Варяжская собачонка скатилась откуда-то сверху, твякнула на парса, ткнулась Сереге в ноги.

– Свой, свой,– успокоил Духарев.– Сторожить!

Собачонка еще раз твякнула и прошебуршала обратно.

Вдалеке тонко взвыл волк. Или шакал. Пасущиеся кони подняли головы, насторожились. Но сразу успокоились. Зверь далеко, а люди близко.

– Ну что там звезды?– проговорил Сергей.– Как это – они меня не знают?

– Человек рождается под звездами,– сказал парс.– Он рождается – и звезды видят его. Они ставят... оставляют отметки на нем. Одни из них благоприятствуют ему, другие враждебны. Ученый звездочет, зная, когда и где рожден человек, может расчесть человека и всю его жизнь. Веришь?

– Допустим,– Духарев и в прежнее время признавал, что в астрологии что-то есть.– Но что-то я не заметил, чтобы ты высчитывал, когда делал свои предсказания моим ребятам,– произнес Сергей.

– Я не просто ученый! – с важностью произнес парс.– Я великий звездочет! Звезды сами говорят со мной!

«Псих?»– подумал Духарев.

– Увы мне, великим мира сего недоступно понимание по-настоящему великого! – вздохнул парс.– Им желательно видеть красивые картинки да свитки с исчислениями...

– Ближе к делу,– перебил его Серега.– Почему ты сказал, что меня звезды не знают? И что это значит?

– Не гневись на меня, демон! – быстро проговорил парс.– Я буду молчать!

– С чего ты взял, что я демон? – опешил Духарев.

– Звезды не знают тебя, ибо ты не рожден под ними! – напыщенно произнес парс.– Посему ты демон.

– Да? – Серега ухмыльнулся.– А может, я бог?

– Воистину, ты шутник, демон! Будь ты бог, воплощенный в человеке, тело твоё все равно было бы рождено женщиной под этими звездами.

– Ты что же, видишь, что я демон? – осведомился Духарев.

Он с огорчением начал понимать, что полезная информация, которую он получит от парса, скорее всего, не будет больше той, которую он получил от бабки-колдуньи, набросившейся на Серегу с палкой.

– Я вижу, что ты не рожден под этими звездами,– сказал парс.– А мне доподлинно известно из...

Беда с этими учеными! Что здесь, что в мире передовых технологий у них одни и те же заморочки. Набьют голову знаниями и готовы с ходу выдавать решения на все вопросы. И лишь немногим приходит в голову, что много знаний – это еще не всезнание.

– Плевать мне, что тебе известно! – перебил он ученого парса. – Я. Не. Демон! – произнес он раздельно.– Прими это как данность. Как я понял, обо мне ты ничего не можешь сказать?

– Нет, но...

– Стоп! А о моих воинах?

– Не многие из них переживут это лето,– мрачно произнес парс.

– Кто? – спросил Сергей.

– Не знаю. Беда над ними всеми. И над всей вашей землей. Этот год принесет перемены, а перемены – это всегда смерть многих. Может, и мне тоже, – грустно проговорил парс. – Скоро.

– Хочешь, я отпущу тебя? – Серегу вдруг пробило на милосердие. – Прямо сейчас?

Глава двадцать первая

Немного прошлого

Прошлой зимой Серега со Сладой и трехмесячным сыном решили съездить в Витебск. Сына крестить. В Витебске, как сказали Сладе, жил сейчас болгарский священник, а в крохотной полоцкой общине священника не было.

Ехать предполагалось с комфортом. Серега попросил у знакомого купца большие крытые сани, взял из княжьих конюшен трех коней. Князя в городе не было: уехал в Торопец с малой дружиной. Распоряжался в Детинце Гудым, старший сотник, Серегин непосредственный начальник. Когда Духарев попросился сгонять в Витебск, Гудым возражать не стал. Время тихое, бездельное. Практичный сотник не просто отпустил Духарева – превратил отпуск в командировку, а вольного варяга – в официального гонца: дал два письма. Одно – лично витебскому посаднику, другое – для князя. Последнее тоже следовало отдать посаднику, чтоб тот отправил его дальше со своим человеком. Но этим дело не ограничилось. Гудым вызвал Устаха, велел взять десяток отроков и сопроводить Серегея до Витебска и обратно. Проверить, все ли спокойно на дороге.

Так что повезли Серегина сына словно княжича: на тройке да с охраной из настоящих княжьих дружинников.

Конечно, никто на них по дороге не напал. Может, и шалили на тракте лихие люди, но чтобы налететь на дюжину дружинников, надо быть не просто лихим, а абсолютно безбашенным. Если по уму, то следовало вперед послать тройку с одним юным отроком – в качестве живца. А остальным идти следом, на хорошем отдалении. Но использовать в качестве живца свою семью Серега бы все равно не позволил.

Приехали. Посадник, тоже варяг, принял ласково. С Серегой и Устахом он был и раньше знаком. Серега вручил письма, представил посаднику жену (дитя оставили в возке, с девкой-челядинкой), сказал, что – лекарка. Если кому нужно... Оказалось, болящих в Детинце нет. Зато зимует в городе старый волох, так что с медициной в городе все путем. Ну и отлично.

Посадник распорядился, чтоб гостей поселили в Детинце, вечером обещал пир. В их честь. С пирами, правда, дело обстояло так: был бы повод...

Серега с Устахом остались у посадника: беседовать, а Слада с сыном и челядинкой, тоже христианкой, отправились на поиски общины и заезжего болгарского священника. Духарев не возражал. Пускай прогуляются – погода стояла отличная: солнышко, легкий морозец. Что их могут обидеть, Духарев даже мысли не допускал. Серега не сомневался, что порядок в городе – железный.

У посадника друзья варяги просидели долго. Новостями обменялись, вспомнили прошлое... Медку попили. Надо ж перед пиром... разогреться.

В общем, вышел Серега из терема такой жизнерадостный, что не сразу и заметил, что его за меховушку дергают.

Оказалось, пацаненок.

– Ты Серегей – варяг?

– Я, – признал Духарев.

– Посыл я, – пискнуло создание. – Сказано: коль не хошь, чтоб жену твою с дитем на торгу продали, беги живо на Качалкино подворье.

– Чего?!

– Того, что весть я тебе передал! Ногата мне за то обещана! Дашь?

Серега полез в кошель, бросил кусочек серебра, который тут же исчез в варежке.

– Ой!

Пока пацаненок ловил серебро, поймали его самого. Теперь он, взятый за шкурку, раскачивался в полуметре от земли.

– Слыхал шутку? – спросил Духарев у Устаха.

– Кто пропустил постреленка? – строго спросил синеусый варяг.

– Я, – признался один из витебских отроков. – Он сказал: посыл от жены к полоцкому гостю. Соврал?

– Сейчас узнаем, – произнес Духарев.

Пацаненок у него в руке перестал сучить ногами, глядел сердито.

– Кто тебя послал?

– Да женка твоя! Отпусти, больно!

– Насчет больно, это ты врешь, – заметил Духарев. – Какая она видом?

– Чё, не знаешь, какова твоя женка? – удивился пацан.

– Я-то знаю, а вот ты?

– Маленька така, чернява...

– Верно. И кто же это ее продавать вздумал?

– Щуса-купца сын. Он всю ихню обчину прибрал. Бает: в ей одни егойны челядинцы! – зачастил мальчишка. – А еще болгар приبلудный, чужак, да женка твоя. Да еще человек несколько, десяток или поболее.

– И как же это купецкий сын такую прорву народа обратал? – осведомился Духарев, уже начиная сомневаться, что происходящее – розыгрыш.

– Так со Щусом крепки робяты пришли, а те все не гожи, роботы да пришлецы, да изгои.

– Так... – медленно протянул Духарев, опуская пацаненка на землю.

– Где – покажешь?

– А что дашь? – деловито спросил тот.

– Не обижу!

– Тады беги за мной!

– Серегей, подожди! – крикнул вслед другу Устах, но Духарев только рукой махнул.

– Что за шум? – на крыльцо вышел сам витебский посадник.

– Мальчонка к полоцкому варягу прибег, – тут же доложил отрок, пропустивший пацаненка к терему. – Грит, женку варяга на торгу продать хотят!

Посадник захохотал.

Смеялся долго. Потом обтер выступившие слезы, буркнул: «Ну шутники!» – и ушел в терем.

– Скажи-ка мне, малый, есть у вас в городе Щус-купец? – негромко спросил Устах у смущенного отрока.

– Может, и есть, – пожал плечами тот. – Я сам-то из Торопца, здешних плохо знаю.

– А кто знает?

– Да вот он! – отрок показал на молодого парня у ворот.

Устах кивнул и зашагал через площадь. Утоптаный снег поскрипывал под его меховыми сапогами...

– Ты еще полайся – я тя вона чем приласкаю! – хмурый парень в меховой телогрейке показал кулак маленькой женщине с младенцем на руках.

– Только попробуй! – ничуть не испугалась женщина. – Муж мой тебе руки по локоть обрубит!

– Ой-ой! Ужли такой грозный? – спросил другой парень, толстый, с белесыми, как у карела, бровями и ресницами, и ущипнул за грудь перепуганную соседку маленькой женщины.

Та взвизгнула.

– Небось муж твой – тоже из ваших? – ухмыльнулся парень, оглядывая презрительно сбившихся вместе мужчин и женщин. Если не считать женщины с младенцем и тощего

седого мужчины в черном, все они тряслись от страха. Парню это нравилось.

Их было четверо, плечистых, кряжистых, с тяжелыми дубинками, охранявших дюжины полторы загнанных в угол людишек, даже не пытавшихся сопротивляться.

– Да, из наших! – с вызовом бросила маленькая женщина.

Щеки ее порозовели, глаза блестели от гнева.

– Ягодка! – ухмыльнулся парень. – А дай-ко я попробую, какова ты на шуп. Крытка, возьми у нее дитенка!

– Не смей! – выкрикнула женщина, подавшись назад. – Люди! Помогите!

В большом чадном зале харчевни раздались смешки. Симпатии посетителей были явно на стороне парней.

– А ты бога своего попроси! – крикнул кто-то.

Толстый парень неожиданно с силой хлопнул женщину по лбу, а второй быстро выхватил у нее ребенка. Женщина кинулась к нему, но толстый перехватил ее, стиснул. Женщина вскрикнула, меховая шапка ее упала на пол.

Никто и не думал за нее вступить.

Во всей харчевне только один человек, сама хозяйка, Качалка, наблюдала за происходящим без одобрения. Черный священник был ее постояльцем и платил серебром. Зато и таскались к нему всякие холопы да изгои...

– Потерпим же, дети мои, – негромко сказал мужчина в черном. – Аки святые великомученики претерпели...

Женщина затихла, глядя на запеленутого в меховую муфту младенца. Парень в телогрейке, делая вид, что сейчас уронит на земляной пол, раскачивал его на ладони. А младенцу нравилось...

– Не балуй, не балуй, – бормотал толстый, тиская женщину. – Не то дрогнет у Крытки ручка – и детё твое насмерть ушибется.

– Эй, паря, не теряйся! – крикнули ему из-за стола, где пятеро местных, воев по виду, приканчивали уже дюжинный кувшин медовухи. – Задирай хрестянке подол да вали на лавку! Чай не девка, в цене не потеряет!

Внезапно кто-то заслонил дверной проем. Длинная тень упала поперек зала. Высоченный воин шагнул вперед и замер, пока глаза его, после яркого солнца, привыкали к чадному сумраку харчевни.

На него глянули мельком: воин и воин, ничего особого. В дальнем углу разыгрывалось представление повеселей скоморошских игр.

И шелест вынутого из ножен меча тоже никто не услышал. Только дебелая Качалка, увидев клинок, успела сказать:

– Эй, варяг, ты чего?..

Парень в телогрейке все еще раскачивал младенца, когда тусклая молния прошла поперек его руки.

И рука эта со стуком упала на пол.

Младенца скользнувший вперед варяг успел подхватить свободной рукой.

Клинок варяга мотнулся вперед и кольнул в затылок толстого парня. Как будто совсем легонько – но толстый почему-то сразу отпустил женщину и стал заваливаться назад.

Варяг развернулся и окинул харчевню бешеным взглядом. В левой руке – младенец, в правой – меч...

Парень в телогрейке наклонился, поднял отсеченную руку и попытался приставить к хлещущему кровью обрубок...

Все еще могло бы обойтись... Двое оставшихся парней застыли...

Но тут один из насосавшихся медовухи, обиженный прерванным развлечением вмешательством, дико заорал: «Бей!» – и, подхватив с лавки топор, швырнул его в варяга.

Воин пригнулся, и топор треснул в стену.

Приятель «топорника» повскакивали с мест, хватаясь за оружие, парни с дубинками, вместо того чтобы бежать со всех ног, решили вступить в бой...

И умерли первыми, даже не успев поднять дубинок.

Варяг вспрыгнул на ближайший стол. Из тех, кто за ним сидел, только один сообразил нырнуть под столешницу. Остальные разлетелись в облаке кровавых брызг.

– Стража! Стража! Убивают! – истошно заорал кто-то, выскакивая во двор.

Варяг спрыгнул со стола прямо в группу упившихся медовухи...

Минуты не прошло, а в харчевне из живых остались только забившиеся в угол христиане, пара-тройка притаившихся под лавками и хозяйка харчевни, с остановившимся взглядом и открытым ртом.

Кто-то снаружи сунулся в дверь, увидел кровавые ошметки и страшную фигуру – и мигом вылетел обратно.

– Серегей! – Слада бросилась к мужу (тощий священник попытался ее удержать, но не успел). – Серегей!

Духарев опустил меч, медленно выдохнул.

Из-под лавки высунулась нога в валенке. Сергей не стал ее рубить, просто пнул – и нога поджалась обратно.

– Успокойся, успокойся, – тихонько говорила Слада, глядя его руку. – Все уже, все...

Когда-то он сам ей так говорил...

Четверка стражников ворвалась в харчевню с оружием наголо. Гриденя и три отрока. Один отрок, мальчишка лет шестнадцати, поскользнулся в луже крови, наступил ногой на груды кишок, вывалившихся из распоротого живота «топорника», увидел, во что угодил сапогом, побледнел и едва сдержал рвоту. Молодой еще, непривычный.

– Ах ты, лешево семя... – пробормотал гриденя, озирая учиненную в харчевне бойню. Тут его взгляд наткнулся на Духарева.

Вид у Сереги был странный и страшный одновременно. Забрызганный кровью громила; в одной руке – здоровенный меч, в другой – младенец, завернутый в меховую муфту, тоже в кровавых брызгах.

Молодой отрок шагнул в сторону, и свет из дверей упал на Серегу.

– Варяг... – пробормотал гриденя. И громче: – Варяг! Ты, это, бросай меч! По-хорошему бросай!

Витебский дружинник если и видел Духарева раньше, то сейчас не признал и принял Серегу за вольного варяга, поскольку на нем не было знаков принадлежности к дружине Роговолта.

Сергей медленно покачал головой.

Гриденя поглядел на своих... Ой как ему не хотелось бросать юнцов на настоящего варяга, но долг есть долг, и он негромко скомандовал:

– Берем...

В иное время Серега оценил бы его отвагу, но сейчас, увидев, как стражники подняли щиты и изготовились, Духарев ощутил только вновь поднимающуюся ярость.

Не глядя, он передал Сладе сына и шагнул вперед...

Скорее всего, Серега порубил бы и гриденю, и троих отроков и навеки рассорился с витебской дружиной...

– А ну, что тут такое делается? – раздался голос Устаха.

Синеусый варяг в сопровождении нескольких полоцких дружинников появился в харчевне.

На нем был значок десятника Роговолтовой дружины, и стражники моментально расступились.

– Ага! – изрек Серегин друг и ухмыльнулся. – Знакомый вид. Требуха, кровища – и грить Серегей посередке. Нет чтоб меня дожидаться!

Звенящая струна в Серегиней груди ослабла, гнев разом вышел и растворился.

– Да тут и делов-то – всего ничего, – проворчал он, стряхивая с меча красную влагу.

Стражники поглядели на варягов с откровенным ужасом.

Один отважный гриденя, вспомнив, что находится «при исполнении», гордо выставил

подбородок:

– Мы...

– Ну-ка, самого молодого – за посадником! – перебил его Устах.

Поглядел брезгливо на вспоротое чрево «топорника» и добавил:

– Пошли-ка во двор, Серегей! Уж очень здесь воняет!

Сереге тогда не выставили никаких официальных обвинений. Наоборот, посадник даже принес ему формальные извинения: Серега, варяг, дружинник князя, был в своем праве, когда вступился за свою семью. А все те, кого он порубил на постоялом дворе, наоборот, вышли преступниками, посягнувшими на честь достойной женщины и понесшими заслуженное наказание. И никакой кровной мести от родовичей погибших быть не могло. Да и кто решился бы объявить кровную месть князьему варягу. Так что все утряслось. И пир состоялся. И почтенный купец Щур выплатил шестьдесят гривен компенсации. Почти разорился, но был очень счастлив, что варяг простил, не вызвал купцова сына на смертный бой.

Больше того, история о варяге, который вмиг нашинковал и тех, кто обидел его семью, и тех, кто допустил, чтобы его близких обидели, – стала в княжестве общеизвестна и получила полное одобрение полноправных граждан. Правду всем миром надобно защищать, а не только князю да дружине. В общем, приступ почти берсерковой ярости обратился только на пользу Серегину авторитету, а полоцкий князь, по обычаю получавший виру за убитых и в спорных случаях самолично устанавливавший ее размер, требовал с Духарева за полный воз покойников одну гривну. Символически. А доверие его к Сереге только возросло: до сего момента Роговолт не раз замечал у своего гридня не подобающий дружиннику гуманизм и человеколюбие, полагал это следствием духаревского вероисповедания и, естественно, не одобрял. А когда «утесненный в праве» Духарев, как подобает любимцу Перуна, истинному варягу, порубил на капусту, не разбирая, и правых, и виноватых и доказал, что вполне «нормален», князь был вполне удовлетворен.

Об ущемлении прав остальных членов христианской общины не упоминалось. Потому что, как верно заметил мальчишка-посыл, были то сплошь рабы да изгои. Не было у них никаких прав по Правде. Так что и ущемлять было нечего. Княжий дружинник забрал семью и отправился в Детинец пировать, а его братья во Христе забились по щелям. Кто радуясь, а кто и печальясь, что не пришлось принять мученическую смерть и сменить тяжкую жизнь на вечное блаженство.

На следующий день болгарский священник крестил Серегина сына Артемием. Он был очень опечален случившимся, этот священник.

– Большой грех ты совершил, сын мой, – сказал он. – Но я тебе отпущу. Ибо не ведал ты, что творишь. Ты воин, и доля твоя – убивать. Но, ради Христа, проливай лишь ту кровь, какую пролить необходимо. И щади тех, коих можешь пощадить. Иди, сын мой, и не греши более!

Еще через день полочане уехали домой. Позже Серега узнал, что после их отъезда посадник велел взять болгарина и еще восьмерых христиан, на которых ему указали как на первых в общине, и утопить в двинской проруби.

Когда Духарев услышал об этом, он сначала рассвирепел, а потом плюнул и выкинул все из головы. Плетью обуха не перешибешь.

Но насчет «меньшей крови» Серега не забыл.

– Хочешь уйти – уходи, – сказал он парсу. – Возьми коня и убирайся.

– Ты добр, – с иронией проговорил парс. – Я проведу с вами эту ночь. Можно?

– Как хочешь, – Духарев повернулся к нему спиной и пошел к своим.

Теперь парс не сбежит. Он осторожен, но... любопытен.

Глава двадцать вторая

Таган

Утром парс тоже уходить не захотел, ехал тихонько в хвосте, стараясь лишний раз варягам на глаза не попадаться. Если бы не Серега, его бы уже давно прирезали. На всякий случай.

До цели, сурожского городка Тагана, оставалось совсем немного.

Вскоре они увидели море.

– Солеварни у них стоят в лимане, а сам городишко – закатнее, – объяснял Машег. – Там море глубже, и лодьям приставать удобней.

– А народу много? – спросил Духарев.

– В смысле, воинов? Чего не знаю, того не знаю, – ответил Машег.

– Я там бывал семь лет назад – там уже ваши стояли. Совсем малая дружина. Копий пятнадцать, так, за порядком следить. Но могли и большую поставить. Это уж от того зависит, как с печенегами сталкивались. Ежели они дань и им, и Киеву платят, тогда большой дружины не нужно.

– А разбойники?

– А что разбойники? Это против орды не устоять, а так... У них же стены есть. И море. Они там рыбой промышляют: у каждого лодка. И не всякий разбойник на них напасть рискнет. Куркутэ – хан сердитый.

– Я слышал, Игорь туда своих посылал, – вмешался Понятко. – Сколько – не знаю. Но не столько, чтоб от орды отбиться, это точно.

– А от тех, кто за нами идет?

– Если запереться – можно попробовать, – подумав, сказал Устах. – Их дюжины две, да мы. Попробовать можно, если стены крепкие.

– Но там же не только дружина, там ещё люди живут, – напомнил Духарев.

– Живут, – сказал Машег и засмеялся.

– Что ты смеешься? На стенах вполне могут помочь!

– Серегей! Думаешь, чернь таганская против степняков встанет? Ты чумаков видал? А в Тагане вообще оседлые живут. Такие одного печенега увидят – убегут без памяти. Хоть их дюжина, хоть дюжина дюжин.

– Ну, это ты загнул, – фыркнул Духарев.

Презрение кочевника к оседлым – дело известное. А городок – не чистое поле.

– Так или иначе, а нам в этом Тагане осаду держать ни к чему! – подвел итог Устах. – Сторгуем лодью, возьмем воды поболее и поплывем на полночь. Пусть-ка берегом за нами идут, а, Машег?

– Пусть идут! – хузарин ухмыльнулся.

– Что тут забавного? – не понял Духарев. – Думаешь, мы на лодье иль насаде, даже на хорошем ветру, обгоним всадника двуоконь?

– А хоть и не обгоним. Там берегом самое малое на шесть поприщ – ни ключа, ни колодца.

– А-а-а...

– А вот что мне не нравится, так этот дымок, – пробормотал Устах.

Из-под ладони он пристально изучал линию горизонта.

– Какой дымок? – спросил Духарев, щурясь от солнца. – Не вижу.

Когда-то Серега полагал, что у него превосходное зрение: по две единицы в каждом глазу. Мастер спорта по биатлону как-никак. Но по здешним воинским меркам зоркость его считалась – так себе. Средненькой.

– Я тож вижу, – подтвердил Понятко. – Чтой-то там горит, не иначе.

Варяги переглянулись. Неужто пожар?

Все трое поглядели на хузарина.

– Не бойсь, – успокоил тот. – Гляньте туда!

Три головы повернулись в указанном направлении. Примерно в двух сотнях шагов от

дороги пасся табун тарпанов, диких степных лошадок.

– Ну и чё? – спросил Понятко.

– Эти бегущий огонь всегда чувят, – пояснил хузарин. – Раз травку щиплют, значит, не степь занялась, а что-то другое.

– Может, городок горит? – предположил Духарев.

– Может, – согласился Устах. – Наддадим?

– А смысл?

– Может, помощь требуется? Только что ведь занялось.

– Откуда ты знаешь? – спросил Духарев.

– Я б раньше заметил. Ну?

– Какая от нас помощь? – фыркнул хузарин. – Неполный десяток...

Оба поглядели на Духарева. Сергей подумал, оглянулся назад...

Вообще-то Машег был прав. Их всего девять. С другой стороны...

Он остановился, развернулся. Отставшие воины подтянулись к вожакам.

– Там дым, – сказал Духарев, махнув в сторону горизонта. – Возможно, это горит Таган-городок. Смените лошадей, пойдем быстро.

Это был приказ.

– Ты! – бросил Сергей к парсу, скромно остановившемуся поодаль. – Уходи!

Щербина скорчил рожу, показал, будто режет горло. Остальным освобождение чужака тоже не понравилось, но Серега передумывать не собирался.

– Давай, давай, двигай! – крикнул он.

Парс развернул лошадку и поехал прочь.

– Копченым не попадись! – крикнул ему вслед Понятко. – Закоптят на колбасу!

– Какая из него колбаса! – фыркнул Мисюрок. – Мослы на похлебку!

– Всё, тронулись! – скомандовал Духарев и повел свой маленький отряд навстречу приключениям. И даже не вспомнил о знаменитом мальчике с гаечкой вместо пупка. Том самом, у которого из-за любопытства попка отвалилась. Что поделаешь, такой характер!

Городок Таган стоял там, где земля широким мысом выдавалась в море. Со стороны суши его окружал земляной вал. Над валом поднимался черный копотный дым. Здешние дома строили из глины, крыли соломой. Соломенные крыши вспыхивали, как порох. Но город еще не горел. Горела укрепленная башня у самого моря. Городские ворота были распахнуты. Не разбиты, а просто распахнуты. Не похоже, что их брали с боем. И трупов у ворот не было.

Черный дым поднимался над башней, пачкая синий прозрачный воздух.

– К бою, – скомандовал Духарев.

Варяги проверились. Мисюрок вынул из сумы пегого песика, сбросил на землю:

– Гуляй!

Песик тут же ушмыгнул в траву. После драки он их найдет. Если будет – кого.

– Ну-у-у... – протянул Серега, глядя на узкую улочку, лежавшую за воротами. – Ну-у-у... Айда!

Варяги разом сорвались с места, влетели в ворота и понеслись между домами без окон, между глиняными заборами. Поворот, еще один...

И навстречу им, с визгом, вылетели печенеги. Не меньше дюжины.

Сшиблись мгновенно. Сергей левой рукой перехватил скользкую от крови печенежку пику, рубанул с правой, уклонился от сабли, сам ударить не успел – Пепел прынул в сторону, и третий степняк тоже не достал, пронесся мимо... Прямо под удар Устаха. На узкой улочке, в рукопашной, степнякам пришлось туго, несмотря на численный перевес. Машег и Понятко, заменивший Рагуха (с Рагуховым же, хузарским, запасным луком, оставшимся в общем припасе) в уже отработанной боевой схеме, врукопашную не полезли, били стрелами. Остальные прикрывали их клинками. В одном варягам повезло: колчаны печенегов были практически опустошены.

Духарев просек еще одну кожаную шапку, левой рукой перехватил сулипу, которую хозяин метнул в кого-то еще, – и вогнал ее в шею степняка, вознамерившегося попортить пикой спину Сирки Чекана, пока сам Сирка зажатый в левой руке боевым кистенем радикально изменял внешность другого печенега.

На Серегу тут же налетели двое. Он поймал основанием клинка сабельку противника справа. Противник слева, выпучив глаза, встал в полный рост на коротких стременах и вознамерился полоснуть по Серегиной шее. Духарев пригнулся – и клинок печенега переломился, ударившись о наверхие Серегиного шлема.

Печенег затряс ушибленной рукой... И взвыл. Пепел цапнул его за бедро.

А противник справа уже валился с седла. Черенок стрелы торчал у него из-под мышки.

Поднятая копытами мелкая белая пыль лезла в глаза, щекотала ноздри.

Укушенный куда-то пропал, его сменил здоровенный степняк, вооруженный длинным копьем. Кровь на наконечнике была совсем свежая, и это привело Духарева в ярость. Он поднял Пепла на дыбы и рубанул сверху, в полную силу. Степняк прикрылся щитом, но легкий печенежский щит против варяжского меча не тянул. Дарёный клинок просек щит, как картон, прорубил запястье и смел печенега под копыта...

Духарев бросил Пепла вперед... И обнаружил, что впереди – никого. Серега вырвался из мясорубки боя. Собственно, и схватка почти закончилась. Налетевшие сгоряча степняки слишком поздно осознали свою ошибку. Те, кто еще был жив, человека четыре, попытались прорваться к воротам. Но к этому времени улочку уже запрудили заводные кони варягов. Несколько раз щелкнули хузарские луки – и дело сделано.

Но впереди, у горящей башни, судя по доносившимся оттуда звукам, разборки еще продолжались.

Важный гусак вышел из разбитых ворот чьего-то двора, поглядел на трупы, неодобрительно гоготнул и вразвалочку двинул через улицу.

– Гололоб! Мисюрок! Со мной, – выкрикнул Сергей и послал Пепла в галоп.

Гусак захлопал крыльями и взлетел на забор. Пролетавший мимо Мисюрок выбросил левую руку, сцапал гусака, ввернул ему шею и запихнул птицу в сумку, где раньше сидел пес.

– Мальчишка, – проворчал Устах, непонятно, одобряя или осуждая. Огляделся. Так, Машег. Понятно. Чекан. Вир? Виру опять не повезло. На этот раз – навсегда. Храбрый варяг лежал ничком. Кольчуга у него на спине была разорвана, ярко-алая кровь булькала и пузырилась в широкой ране. Устах спрыгнул с коня, нагнулся.

– Прощай, брат, – шепнул он и перерезал раненому горло.

Шагах в десяти, у забора, лежал Щербина. Ему последняя помощь не требовалась. Мертв.

Устах вздохнул и полез на коня. Возможно, у них еще будет время, чтобы воздать положенное телам друзей. Хочется надеяться...

Издали донесся знакомый рык. Серегей!

Мимо пронесся Машег, за ним – Понятко. На помощь своему командиру. Устах замешкался. Он устал. И биться, и вообще... Кровь, кровь... Такое случается с самыми бывалыми... Иногда.

– Старшой... – Сирка Чекан тронул стальную сетку на плече синеусого варяга. – Ты цел, старшой?

– Цел, – буркнул Устах.

– Ну так ты чего? Наши ж там! Побьют же!

– Да, – стряхивая отупение, сказал Устах. – Да! – и ударил коня каблуками.

Серега, а следом за ним Мисюрок с Гололобом, вылетели на открытое место. Площадь. Наверное, здесь был городской рынок, но сейчас ни рядов, ни палаток тут не осталось. Обломки, ошметки и трупы. Много трупов. Степняки, дружинники... Но больше местных, таганцев.

Площадь спускалась вниз, к пристани, а над пристанью нависала сторожевая башня. Башня горела. Горели и пришвартованные у берега суда. И причалы. Синева моря уродовали черные разводы. А метрах в сорока от берега стоял большой корабль с красным узким корпусом. Чужой. Таких Духарев еще не видел. Но счел, что еще успеет его разглядеть. Сейчас были дела поважнее.

Башня горела. Пылала деревянная надстройка. Стена со стороны моря тоже была объята пламенем, но внутри башни кое-кто уцелел. И сражался. Вход в башню был перегорожен двумя высокими щитами. Больше не требовалось – вход был узкий. Снаружи толклось человек десять спешившихся степняков. Вообще-то их было больше, но у остальных нашлось занятие поинтересней. Например, один степняк прямо посреди площади насиловал какую-то несчастную. Еще двое топтались рядом и так увлеклись зрелищем, что не сразу отреагировали на стук копыт. Серега достал обоих одним красивым ударом, а секундой позже та же участь постигла насильника. Гололоб, перегнувшись в седле, кольнул его пикой под левую лопатку. Печенег, подпрыгивавший до этого весьма резво, подпрыгнул последний раз, значительно выше, чем раньше, и покатился по земле. Бедняжка, которую он мучил, осталась лежать неподвижно, с раскинутыми ногами. Юбка ее была задрана на голову и завязана узлом. Живот и бедра – в крови.

Подлетев к башне, Духарев прыгнул в самую гущу степняков. В его левой руке был небольшой круглый щит и короткая сулица. В правой – меч, которым Серега, еще в прыжке, достал ближнего печенега. Упав на спружинившие ноги, Духарев молодецким ударом порвал слабую кольчужку степняка, который кричал громче всех. Печенег уронил оружие, прижал ладони к распоротому животу и завопил еще громче. А Серегин меч тем временем описал эффектную дугу – и голова третьего печенега подпрыгнула вверх, освободившись от уз туловища. Фонтан крови аж сразу троих – и Духарева заметили.

Сразу стало совсем тесно. Степняки, низкорослые, ловкие и яростные, насели на варяга, как псы – на мишку. Они умели биться кучей, скопом. С полминуты Духарев только и мог, что отмахиваться, прикрывая ноги, голову и лицо и уклоняясь от прямых ударов. Скользящие тычки копий и касательные удары сабель он игнорировал, привычно полагаясь на прочность доспехов. Вот щит у Духарева был слабоват. Зато удобен. А печенежская сабля – не нурманский топор. Да и куча, к счастью, не строй, а всего лишь куча.

Полминуты яростной атаки – и напор ослаб. Степняки были обескуражены неуязвимостью великана-варяга. Обескуражены и смущены. Духарев именно этого и ждал. Он знал печенежскую повадку: наскок – отскок. И немедленно перешел в наступление. Тычок сулицы – и зазевавшийся степняк остался без глаза. Шипящий полет клинка – звон переломившейся сабли – вопль – хруст. Ударом ноги Духарев опрокинул умирающего, перепрыгнул через него, уйдя от целящей по ноге сабли, развернулся и остановил бросившегося в атаку степняка самым эффективным способом: воткнув ему меч в живот.

Тут парни, что защищали башню, наконец сообразили, что пора переходить к активным действиям. Выскочили, развернулись грамотным строем. Правда, в строю их оказалось всего четверо, зато явились они очень вовремя. Не потому, что Духареву было не управиться с четырьмя пешими степняками, а потому что на помощь им уже спешили сородичи, и первая стрела пропела у Серегина уха и расщепилась о мостовую.

Последний пеший степняк повалился наземь, получив копьем в пах. Строй защитников башни разомкнулся, пропустил Серегу внутрь и снова сомкнулся. Несколько стрел гулко ударили в высокие щиты. Одна даже пробила край, но застряла в жесткой бычьей коже.

– Отходим? – рявкнул светлородый воин в нурманском шлеме.

Сергей бросил взгляд на площадь, но никого из своих не увидел: только целую свору конных степняков с луками.

Оставалось надеяться, что свои успели скрыться. И Пепла не видно...

Светлородый хлопнул Духарева по плечу:

– В башню, варяг, живо! – И Серега нырнул в узкий проход.

В нос ему тут же шибануло гарью, а лицо обдало жаром.

Один из отступающих замешкался, приоткрылся – и печенежья стрела пробила ему щеку, вышибла зубы и выскочила из другой щеки. Рана была не смертельная, но воин от боли и неожиданности не удержал щит – и полдюжины стрел прошли его тело.

Светлобородый яростно выругался.

Воин был совсем молодой, но уже с поясом гридня. Не помог и пояс...

Нурман ухватил убитого за ноги, отволоч к стене. К двум другим мертвецам.

Сергея перекинул налуч с запасным луком (первый был приторочен к седлу Пепла), накинуд тетиву, сдвинул на бедро тул со стрелами... Черт! Чей-то меткий удар разрубил кожаный колчан, и теперь почти все его содержимое годилось только на растопку. Из тридцати стрел уцелели только две.

– Варяг!

Духарев повернулся.

Светлобородый. Лицо – в разводах копоти, пота, пыли и крови, но сразу видно, что нурман.

– Ты откуда взялся, варяг?

– Да вот ехал мимо с друзьями! – Сергей ухмыльнулся.

Его физиономия была в такой же «маске», что и у нурмана, а усы – такие же грязные, как нурманова борода.

– Решил заглянуть... на огонек! Ты не против?

Нурман тоже ухмыльнулся: белые зубы блеснули на закопченном лице.

– А друзья, что же, побрезговали нашим гостеприимством?

Сергея пожал плечами:

– На подворье у вас... тесно очень.

– Тесно, – согласился нурман. – А вас – много?

– Было бы много – так и на подворье сразу бы свободней стало, – отозвался Духарев. – Ладно, хорош лясы точить. С припасом у вас как? Стрелы есть?

– Были. Там, – Нурман указал наверх.

Высокий потолок был сложен из камня, аркой. На второй уровень вела лестница. Вернее, теперь уже не вела. Ее обломки валялись на земляном полу, а из квадратной дыры сыпалась вниз тлеющая труха.

– Не против, если я возьму у него? – Духарев наклонился к убитому, у которого в колчане еще оставались стрелы.

– Возьми, – кивнул нурман, собрался было отойти, но снова повернулся к Духареву, сказал сумрачно: – Бери все, что хочешь, варяг. Скоро и тебе, и нам уже ничего будет не надобно.

– Это еще поглядим, – возразил Духарев. – Надеюсь, мои предки еще годик-другой обойдутся без меня. Да и твои – без тебя.

– Я умру сегодня, – четко произнес нурман и пошел к своим.

– Это дело твое, – пробормотал Сергеа. – Лично я пока умирать не собираюсь.

По обе стороны от входа поднимались к бойницам сложенные из кирпича лестницы. Духарев прикинул, откуда лучше обзор, решил, что слева, – и полез наверх по узким ступенькам.

Глава двадцать третья

В горячей башне

Прошло около двух часов. За это время Сергеа сумел убедить печенегов, что нагло гарцевать перед башней – вредно для здоровья. Теперь полдюжину их, спешенных, топтались у самой стены, в «мертвой» зоне, остальные лежали тихо и скромно. Живые – на крышах ближайших домиков, мертвые – там, где их достали Серегины стрелы. Поначалу степняки пытались подавить одинокого стрелка массированным огнем, но из этого ничего не вышло. Слишком хорошая позиция была у Духарева, да и реакция отменная. Так что все влетевшие в

каменную щель стрелы шли исключительно на пополнение Серегиного боекомплекта. Плотный обстрел хорош перед атакой. Но атаковать степняки больше не рисковали. Духарев подозревал, что большая часть их сейчас шарится по городку, а башню «держит» горстка стрелков. Но даже если и так, все равно делать вылазку – чистое самоубийство.

По крайней мере, до темноты.

В теперешней же ситуации был один большой плюс: притаившиеся где-то в городке Устах с ребятами. И один большой минус: у Сереги оставались только три стрелы. Три отличные стрелы с острыми шилоподобными наконечниками, одинаково хорошо прошивающими и кольчугу, и тегилэй, и жесткую кожу. Выдержать такой удар могла доска²¹ цельного нагрудника, зеркало или наборный пластинчатый панцырь вроде того, что носил Духарев. Подобных доспехов у печенегов не было, так что в случае попадания «мишень» можно было сразу вычеркивать из списка. Но три – это не тридцать.

Эх, будь у Сереги побольше стрел, он бы устроил степнякам веселую жизнь. Подпалить соломенную крышу – раз плюнуть. Подпалить – и бить все, что зашевелится...

Но пока огонь «играл» на стороне врага. Из дыры в потолке сыпались уголья, обращенная к морю стена башни исходила жаром. Из щелей между каменными блоками сыпалась черная пыль.

И жарища – как в хорошей сауне. Только в сауне не сидят в воинском прикиде.

Сергей глотнул из фляги. Вода в ней тоже нагрелась. В Азии говорят: в жару надо пить горячий чай, а не холодную воду. Какая разница? Все равно выпитое тут же выходит испариной! Эх, сейчас бы бутылочку светлого пива прямо из холодильника! А лучше три! И самому – в холодильник!

Зашуршало. По лесенке поднимался нурман.

Влез, пристроился рядом, выглянул осторожно.

Нурмана звали Халли.

– Жарко, – сообщил он свежую новость.

– Считай, что ты в бане, – отозвался Духарев.

Баня бы нурману не помешала. Воняло от него хуже, чем от мокрого козла.

Халли сплюнул.

– То ваш словенский обычай, – буркнул он.

Серега ухмыльнулся. В народе говорят: «Полянин моется из ведра, кривич – из бочки, варяг – в речке, а нурман – пивом изнутри».

Но развивать тему Серега не стал.

– Копченые-то где? – спросил Халли. – Не вижу. Отошли, что ли?

– На крышах лежат, – ответил Духарев. – Мне не достать.

Нурман покосился наверх, где еще утром располагался «второй этаж» башни, а теперь имела место большая куча тлеющих углей. Да, оттуда все крыши были бы – как на ладони. Но теперь бывшая деревянная надстройка годилась разве что для того, чтобы приготовить очень большой шашлык.

– А твои – что? – спросил нурман.

Сергей пожал плечами.

Среди валявшихся на площади трупов его варягов не было. Значит, и Гололоб, и Мисюрок успели вовремя слинять.

– Может, ушли?

Духарев покачал головой.

Хотелось верить, что Серегина команда притаилась где-то в городке и прикидывает, как выручить командира. Бросить-то они его не бросят, Духарев не сомневался. А вот живы ли?..

²¹ Здесь под словом «доска» подразумевается стальная пластина.

– За каким хреном вы их в город пустили? – спросил Духарев. – Заперли бы ворота и отбивались всем миром.

– Да... – Нурман вытер лоб влажным грязным рукавом. Лоб его не стал от этого ни суше, ни чище. – Я оплошал. На бляху понадеялся.

– Какую бляху?

– Ханскую. Давай уж все по порядку расскажу...

Киевский князь поставил Халли командовать дружиной из одиннадцати гридней и шестнадцати отроков позапрошлой весной. По договору с хузарским хаканом. А от печенегов была у Халли золотая бляха со значком большого хана Куркутэ. Князь дал. Халли показывал бляху степнякам, прежде чем впустить в город. До сегодняшнего дня бляха срабатывала.

Ромейская галера, красный корабль, который Серега видел у берега, пришла в Таган вчера. Это была первая боевая галера, посетившая Таган. До этого бывали только торговцы.

Ромеи вели себя вежливо. Сделали подарки Халли и старшине, попросили разрешения взять воду, провиант. Пытались купить рабов – у них половину гребцов выкосила какая-то болезнь. Но рабов на продажу в городке не было. Полон сюда не везли, а чтобы отдать в галерники собственного холопа, надо уж распоследней сволочью быть.

А утречком прискакали печенеги. С полсотни. Халли показал им бляху, и степняки заверили, что будут вести себя мирно. Большая часть отправилась на базар. Покупали что нужно, выспрашивали торговцев про каких-то хузар с большими деньгами, потом пообщались с ромеями. Будь у степняков пленники, продали бы за хорошую сумму, но полона у печенегов на этот раз не было...

Халли подвело то, что за год он слишком привык полагаться на бляху. И на договора, что Киев заключил с Царьградом.

Печенеги напали внезапно. Все люди Халли, которые в этот момент оказались вне башни, были побиты в момент. А вот башня оказалась степнякам не по зубам. Дружинники затворились внутри, понимая, что их слишком мало, чтобы помочь горожанам. Да и наплевать, честно говоря, было Халли на чернь.

Ромеи получили гребцов, печенеги – золото ромеев и небедный городок на разграбление. Остатки же дружины русов могли отсиживаться в башне хоть месяц. Запасов хватало, а главное – в башне был колодец.

Халли прикидывал: галера уйдет, степняки – тоже. И тогда он даст знать князю о бесчинстве. А князь, в свою очередь, предъявит счет и кесарю, и хану.

Вероятно, о том же подумали и печенеги. А может, решили, что в башне спрятаны несметные сокровища.

Поэтому грабеж степняки отложили на потом, а вместо этого пригнали к дверям башни нескольких мастеровых с топорами. Люди Халли попытались пустить в ход луки, но стрелков, равных печенегам, среди них не осталось, поэтому попытка обернулась новыми потерями.

Дверь в конце концов развалилась, и степняки ринулись в узкий проход, образованный двумя поднимающимися к бойницам лестницами... И защитники в два счета вышибли их обратно.

Степняки истыкали стрелами щиты дружинников, но без толку.

И тогда в игру вступили ромеи.

Проклятая галера подошла поближе, несколько раз плюнула огнем...

Результат Духарев видел.

Халли, рассудив, что лучше погибнуть в бою, чем поджариться живьем, вывел своих наружу, но печенеги, естественно, в честную схватку вступать не стали, а принялись бить с седел...

Понятие «погибнуть в бою» Халли представлял себе несколько иначе, поэтому отступил обратно в башню. Печенеги, решив, что пятеро уцелевших – это не противник,

сделали еще одну попытку ворваться внутрь. Их отбили, а защитников осталось четверо.

Степняки оставили у башни небольшой отряд, чтобы не дать защитникам ускользнуть, и занялись более увлекательным делом: грабежом.

Вот тут и появились варяги.

Глава двадцать четвертая, в которой описывается частный случай отмороженности, который называется отвагой

– Значит, печенегов было с полсотни? – спросил Духарев.

– Около того.

– А ромеев?

– Ромеев примерно столько же, но они драться не будут, – проворчал Халли. – За них золото дерется.

– А если мы печенегов побьем, тогда как?

Нурман засмеялся. Если это хриплое карканье можно назвать смехом.

Сергей покосился на него, но промолчал.

– Ты вот что, варяг, – строго произнес нурман. – Если меня раньше убьют – я тебе свою жену поручаю. Убей ее! Чтоб этим не досталась.

– Жену? – удивился Духарев. – Шутишь?

Он даже башню оглядел, искал, где можно спрятать женщину.

– Вон она! – Халли ткнул вниз грязным пальцем.

Прямо под ними, прикрывшись щитами, стояли двое дружинников в шишаках и усеянных бляшками куртках. До Сереги не сразу дошло, что нурман имеет в виду одного... тьфу!.. одну из них.

Женщин в доспехах Духарев еще не встречал.

И дело было даже не в том, что полный доспех, да щит, да прочее весили килограммов тридцать, а то и больше, а в том, что все это не просто носить надо, а еще и уметь со всем этим железом управляться. А научиться этому можно было только в дружине или у конкретного мастера, вроде Рёреха. Насколько Сергей разбирался в местном менталитете, ни один нормальный воин не возьмет в ученики женщину, даже не женщину, а маленькую девочку, поскольку обучение обычно начинали лет в семь-восемь, а то и раньше.

– Это не я, – буркнул Халли, угадав, о чем думает Сергей. – Это ее отец в ратном деле наставлял. Сыновей у него не было, вот что. И нечего паяться, понял? У тебя жена есть, варяг?

– Есть, – кивнул Духарев. – В Полоцке оставил.

Это прозвучало укором нурману, и тот стал еще мрачнее.

– Ты, варяг, думай что хочешь, – проворчал он, – а просьбу мою исполни. Ежели меня убьют, позаботься о ней, как о своей позаботился бы. Ну, обещаешь?

– Да, – ответил Духарев. – Позабочусь. Если тебя убьют.

– Ты Перуном своим поклянись! – потребовал Халли. – Поклянись, что примешь ее на свою честь, как собственную жену! Когда меня убьют...

Сергей развернулся к нему...

Кто-то из печенегов, видно, поймал движение и выпустил стрелу. Духарев дернулся в сторону, но стрела в бойницу не попала, расщепилась о стену.

– Слушай, нурман! – процедил Сергей. – Я тебе обещал? Обещал. Мало тебе моего слова?

– Ладно, ладно, – Халли успокаивающе поднял ладони. – Хватит и этого. Варяжское слово крепкое, то мне ведомо.

– Вот именно! – Духарев не глядел на него, наблюдал за крышами.

Нурман посидел еще немного, затем полез вниз. Ясно было, что поднимался он именно ради этой просьбы.

Нелегко нурману просить о чем-то варяга. Да еще чужого варяга. Да еще – зарезать собственную жену.

Серега его понимал. Но не сочувствовал. Не будь нурман таким хреновым командиром, не оказался бы в такой заднице. А сколько народу из-за него побило!

«А я? – подумал Духарев. – Чем я лучше? Привел ребят в мышеловку. Объехали бы стороной – все бы обошлось».

Обошлось бы. Вот только надолго ли?

Среди печенегов наметилось какое-то шевеление. Похоже, смена караула. По поводу обеда, вероятно. А Духареву есть совсем не хотелось. От жары, наверное. И аппетит пропал, и некое разжижение мозгов наступило. То ли в сон клонит, то ли еще куда-то...

Так, в башне тоже смена стражи. Халли занял место одного из бойцов, а боец отошел в сторонку... и присел на корточки. Так-так-так! Теперь мы точно знаем, кто тут боец, а кто... боячка!

Вероятно, от жары, мысли Сергея зашкалило в область иронической фантастики.

В сложившейся ситуации тут же отыскивались положительные моменты. Например, будь у печенегов гранатомет... С другой стороны, будь у Духарева рация, а километрах в шестидесяти – небольшой аэродром... Мысленно представив, как пара вертушек поливает крыши из всех стволов, Серега получил даже некоторое удовольствие.

На площадку опять забрался Халли. Выглянул осторожно.

– Тихо?

– Угу.

– Твоих не видать?

– Пока нет.

– Воды хочешь?

– У меня еще есть.

– На. Холодная, из колодца! – нурман протянул Духареву собственную флягу.

Духарев машинально взял, глотнул. Кайф! Действительно, холодная...

И тут он сообразил. И уставился на Халли.

Прозрачно-голубые глаза нурмана глядели очень серьезно. Еще бы! Нурман. Дал. Варягу. Свою. Воду.

– Спасибо! – Духарев протянул флягу хозяину, и тот тоже отпил, завершая обряд.

То есть все совсем серьезно. И теперь, по их нурманскому обычаю, Халли уже не имеет права выпустить Сергея кишки только на том основании, что нурману приглянулся Серегин доспех.

– Слушай, – сказал Духарев. – А ромеи не могут перетащить свою огнеметную машину на сушу?

– А кто их знает, это отродье Локи? – пожал плечами нурман. – Если могут, то мы обязательно об этом узнаем! – Он засмеялся. Потом предложил: – Спустись вниз, Серегей, – там прохладней. А я посторожу сверху.

– А как у тебя с этим? – спросил Духарев, похлопав по спинке лука.

– Зайца подстрелю, – сказал Халли, но в голосе его не было уверенности. Стрельба из лука никогда не была сильной стороной нурманов. Сулицу метнуть – это да! А лук...

– Лучше я сам, – сказал Сергей. – Стрел, видишь, почти не осталось.

Тут нурман оживился.

– Сейчас я добуду тебе стрелы! – заявил он и, топоча сапогами, сбежал вниз.

«Черт! – подумал Духарев. – Сейчас учудит что-нибудь!»

И точно.

Спустя пару минут Халли протиснулся между своими и выбрался наружу. В одной руке – меч, в другой – даже не щит, а какой-то мешок паршивый.

– Эй, копченые! – взревел нурман по-славянски. – Кто – на честный бой!

Печенеги отреагировали мгновенно и именно так, как мог предположить любой, кто их

хоть чуточку знал: тут же осыпали наивного храбреца стрелами.

Сергей со своего места не мог видеть, что происходит прямо под ним. И большинство тех, кто стрелял, тоже были вне его сектора. Зато он очень отчетливо слышал звяканье, с каким стрелы бьются о железо. И еще – глухие удары – когда наконечники вонзаются в то, что помягче металла и дерева.

«Отморозок!» – сердито подумал он и тут увидел, что какой-то особо храбрый печенег на крыше, встав на колено, натягивает лук.

«Храбрец» успел-таки выстрелить, но только один раз. Последний. Серегина стрела воткнулась степняку в грудь и, вероятно, попала в кость, потому что печенег опрокинуло на спину. Нормальный вариант. Это только в американских вестернах подстреленный негодяй картинно наклоняется вперед и так же картинно падает с крыши. Реально же, что пуля, что стрела лупят будь здоров. Серега не раз видел, как пущенная из хорошего лука стрела выносит всадника из седла.

А стрельба между тем закончилась.

– Эге-гей! – очень довольный Халли пританцовывал уже внутри башни и тряс истыканным стрелами мешком. Вот тебе и отморозок! Молодец, нурман!

Через пару минут Халли уже карабкался наверх, к Духареву.

– Ну, варяг? Вот так вот, варяг! Как тебе, а? – Он высыпал под ноги Сергею целую охапку стрел. Доволен, как ребенок, первый раз проехавший на велосипеде.

– У тебя кровь на ноге, – заметил Духарев, перебирая стрелы. Те, которые считал ненадежными, он откладывал отдельно.

– Кровь? Да, кровь. Я же не берсерк, – пренебрежительно отозвался Халли. – Пустяк. Уже не течет.

Печенеги совсем притихли. Гридни, вернее, один гридень и одна нурманка, тоже расслабились: сидели на земле, подперев щиты копьями. Будь это его воины, Сергей за такую халатность в несении караульной службы дал бы хороший втык. Первая же стрела опрокинет подобную конструкцию на раз. А вторая прикончит «конструктора».

Но здесь командовал Халли. И степняки больше не стреляли. Пляска смерти, которую только что откаблучил нурман, вероятно, произвела на них впечатление.

В общем, жить можно. Если бы не жара.

– Слушай, Халли, в колодце воды много?

– Нам хватит.

– А ополоснуться?

– Хо! – оживился нурман. – Холодной водичкой? Давай! Ты предложил – ты первый.

На этот раз Духарев не стал спрашивать, хорошо ли нурман владеет луком. Быстренько сбежал вниз, быстренько скинул с себя все, зачерпнул ведро – и горстями, горстями... Вот это был кайф!

Серега не сразу заметил, что стал объектом пристального внимания. Нурманка и не представленный Духареву гридень пялились на него с нескрываемой завистью.

Духарев подмигнул нурманке, чумазой не меньше, чем ее муж, натянул рубаху, портки, подкольчужник и вылил на себя еще одно ведро. Доспехи не проржавеют. Один умелец в Переяславле покрыл Серегины панцырь и кольчугу хитрым оружейным лаком.

После «купания» вновь возродился аппетит.

– Снедь у вас где? – спросил он.

Гридень кивнул на кожаную сумку. В сумке оказались вяленая рыба, яйца и относительно свежие лепешки.

Набрав продуктов питания, Духарев полез на свой боевой пост.

– Вторая смена, – сказал он нурману.

Халли спустился вниз. И устроил яростную выволочку расслабившимся подчиненным. Затем добавил еще кое-что по-нурмански, персонально для жены. Что именно, Серега не понял, поскольку так и не научился толком разговаривать на языке нурманов. Способности к языкам у Духарева всегда были посредственными. Его знания старонорвежского

ограничивались сотней слов, половина которых была оскорбительного содержания.

Из ответа нурманки он тоже не понял ничего, кроме дюжины ругательств, адресованных, вне сомнения, мужу. Халли прорычал в ответ нечто совсем неуважительное об отце нурманки. Та не осталась в долгу.

«Мать вашу! – сердито подумал Духарев. – Вот только семейного скандала нам здесь не хватает!»

Но гнев его улетучился, когда он вспомнил свою Сладу. Вот его жена никогда не устраивала сцен. Ну, почти никогда. И никогда не спорила, если видела, что Сергей уже принял решение. Хотя (это Духарев должен был признать) и он почти никогда ничего не предпринимал, не посоветовавшись со Сладой. Такой обычай среди варягов не поощрялся, но даже Серегины друзья, включая и самого полоцкого воеводу Гудыма, не гнушались при случае поговорить с Серединой женой.

А внизу перепалка разгоралась. Голосок у нурманки оказался зычный, под стать мужнину, разве что позвончее. Интересно, что думают печенеги, слыша эти вопли?

Внезапно раздался глухой удар, и звонкий голосок нурманки оборвался на полуслове.

Сергей глянул вниз, опасаясь, что дискуссию прервала печенежская стрела. Но все оказалось благополучней. Нурманка, согнувшись, ловила ртом воздух, а Халли, отобрав у нее щит, занял место у входа. Тяжелая у него, однако, рука, если вспомнить, что на нурманке – пластинчатый панцырь.

Женщина отдышалась, но выражать протест не стала, а отошла к колодезю и начала снимать доспехи.

Наверное, Духареву следовало наблюдать за печенегами, а не за раздевающейся женщиной. Тем не менее он продолжал глазеть на нурманку. И там было на что поглазеть, особенно когда женщина скинула рубаху и мужские полотняные штаны. Будь волосы нурманки распущены, они прикрыли бы большую часть прелестей, но ее белокурая грива была собрана в косу, которую нурманка уложила вокруг головы – неплохая, кстати, амортизация под шлем. У южан, наверное, научилась.

Женщина наклонилась, чтобы умыться. Поза донельзя пикантная. Духаревский организм тут же напомнил хозяину, что тот уже и забыл, какова на ощупь женская попка.

Духарев поспешно отвернулся к бойнице. Но через минуту не выдержал и опять поглядел вниз.

Нурманка, пользуясь котелком, поливала белый, как свежее молоко, живот. И смотрела на Духарева. Поймав его взгляд, улыбнулась, потерла ладошкой между ног и сделала некий жест, при виде которого Серега тут же отвернулся. Хотя, возможно, это была просто шутка.

Охлажденное колодезной водой серое вещество мозга заработало намного лучше и вновь подбросило идею, которую, возможно, не все жители Тагана одобрили бы. Но самому Сергею идея показалась достаточно интересной.

– Халли! – крикнул он. – Принеси мне масло, тряпку и горящий уголек!

Через минуту нурман доставил требуемое.

– Что ты задумал?

– Видишь вон тот большой дом? Это что? – спросил Духарев.

– Постоялый двор. А чего?

– А того, что на его крыше копченые.

– Ну и что?

– А то, что я хочу их еще немного подкоптить, – Духарев выбрал стрелу с поврежденным наконечником, плотно намотал на него лоскут, окунул в масло.

– А город мой не загорится? – встревожился нурман.

– Это не твой город, – ухмыльнулся Духарев. – Это даже не мой город. Это теперь их город! Не бойся! Ветер с заката. Искры на площадь полетят. Ну, поехали!

Он запалил стрелу, подождал, пока она разгорится, и, вполсилы натянув лук, отправил «подарочек».

Стрела нырнула прямо в солому и там пропала. Заметили ли печенеги, что стрела – с

начинкой? Вряд ли. Солнышко слишком яркое. К тому же степняки, похоже, утратили бдительность, задремали на солнцепеке.

Пару минут ничего не происходило, и Духарев даже начал думать, что стрела погасла. Зато на третьей минуте он уже не думал ни о чем. Потому что пришло время действовать.

Крыша вспыхнула на счет «раз-два-три». Вмиг. Двух печенегов тотчас охватило пламя. Они завизжали так громко, как не визжали, даже атакуя врага.

Еще двое вскочили и бросились с крыши. Одного Духарев подбил еще наверху. Второй успел сигануть вниз, но неудачно. Повредил, бедолага, ножку.

Духарев всадил ему в бок стрелу, чтоб не мучился. Печенег потрепыхался немного и затих. Зато оживились другие: в бойницу и в дверной проем полетели стрелы.

Одну Серега поймал свободной рукой, еще парочка влетела внутрь, остальные побились о стены.

Через полминуты обстрел прекратился, Духарев быстренько выглянул, засек одного из стрелков и отправил в него пойманную стрелу. Не попал. Зато увидел кое-что интересное. Вернее, кое-кого. Машега.

Глава двадцать пятая

Уличный бой по-варяжски

Выбеленный глиняный забор высотой в полтора человеческих роста был обращен к площади. Забор украшали безыскусные рисунки неприличного содержания. У забора лежал труп пожилого мужчины, при жизни брившего голову. Сейчас эта голова лежала отдельно, и ее с большим интересом обнюхивала пожилая рыжая собака с побитой лишаем шкурой. Время от времени собака с опаской косилась на забор. Она помнила, что по ту сторону обитает сторожевой пес, с которым лучше не связываться.

Рыжая шавка могла не опасаться, поскольку ее неприятель лежал по ту сторону забора, во дворе, с разрубленным позвоночником.

Когда в этот двор вошли варяги, пес был еще жив. Двигаться он уже не мог, но чуть слышно зарычал, когда, поднимаясь в дом, Устах перешагнул через тело его хозяина.

Варягов привлек забор. Он был достаточно высок, чтобы спрятать лошадей. В доме все было перевернуто, но не было никого. Это тоже было хорошо. Раз печенег уже побывали здесь, то можно было не опасаться их скорого появления.

Осмотревшись, незваные гости решили, что место подходящее. Варягов было четверо. Трое: Понятко, Устах и Машег – уютно устроились наверху. Четвертого, Сирку, оставили во дворе, при лошадях.

Дом стоял очень удобно: из чердачного оконца просматривались и площадь, и башня, и пристань. Из трех пирсов два обгорели основательно, третий – чуть-чуть. Под присмотром пары степняков несколько местных жителей заливали водой тлеющие доски. К этому пирсу сейчас неторопливо приближалась красная ромейская галера.

Остатки таганской стражи, засевшие в башне, ромеев не беспокоили, хотя обращенная к морю стена уже не полыхала, как раньше, а только сочилась черным вонючим дымом.

– Он там не испечется? – обеспокоился Понятко.

– Если до сих пор не испекся, то вряд ли, – ответил Устах. – Наверху уже прогорело, да и ромейская дрянь тоже почти... Ишь ты, куда это они их?

Человек шесть печенегов гнали через площадь кучку пленников: десятка три мужчин и нескольких женщин. Ни детей, ни стариков.

– Ромеям ведут! – догадался Понятко.

– Побить? – предложил Машег, поглаживая лук.

– Нет, – остановил его Устах. – Ромеи возьмут рабов и уйдут. Если их не трогать, они мешаться не станут.

– Ох-хо! – вздохнул Понятко – Вот бы ихний корабль захватить!

– Размечтался, – проворчал Устах. – Там воинов не меньше полусотни. И драться они

умеют.

– Откуда знаешь? Воевал у них, что ли? – заинтересовался Понятко.

– Было дело.

Устах уже прикинул, как следует поступить.

Степняков в городе осталось не так уж много. Часть занимается грабежом, часть – пленниками. Остальные стерегут засевших в башне. О варягах ни те, ни другие не знают, поскольку встретивший их отряд варяги вырезали полностью. За противником – серьезное численное превосходство. Но если бить печенегов поодиночке – есть надежда на удачу!

– Куркутэ будет сердиться. Этот город ему дань платит, – неожиданно произнес Машег.

– С чего ты взял? – недовольный тем, что его отвлекли от размышлений, проворчал Устах.

– Печенегов впустили – значит, не боялись.

– Может, это его люди и есть? – возразил Понятко.

– Нет, – качнул головой хузарин. – Это не его племя, это цапон. И те, кто за нами гонятся, тоже цапон.

– Как ты их различаешь? – удивился Понятко.

– По одежке. По стрелам. А из какого кто рода, можно по татуировке узнать. Но я и так могу сказать: и те, и эти из одного рода.

– Продолжай! – поощрил его Устах.

– Будь я их ханом, – сказал Машег, – я бы так сделал. Сам дорогой шел бы, вдоль реки, как мы шли, а самых быстрых напрямик послал. Это быстрее.

– А почему мы напрямик не пошли?

– Лошадям пить нужно, – пояснил Машег. – Я тут колодцев не знаю.

– А они знают?

– Выходит, знают, раз дошли. Ай, что делает!

Понятко и Устах, отвлекшиеся было, тут же повернулись к окошку.

И уставились на пляшущего под стрелами нурмана.

– Лихо! – с восхищением проговорил Машег.

– Глупо, – проворчал Устах.

– Ты бы смог? – уколол хузарин.

– Так? Смог бы. Только зачем? Я не нурман, чтоб попусту хвастать!

– Не попусту! У них стрел мало! – догадался Понятко.

– Сейчас подстрелят, – неожиданно произнес Машег. – Он правую ногу не бережет!

Как в воду глядел! Несколько мгновений – и штанина нурмана окрасилась кровью.

Но стрела всего лишь чиркнула по мускулистой ляжке.

– Пахари! – презрительно уронил Машег.

Нурман благополучно скрылся в башне.

Ромеи спустили трап. С корабля сбежали несколько воинов в блестящих сплошных панцырях. Двое помогли спуститься еще одному человеку, слишком толстому, чтобы самолично принимать участие в битвах. Этот толстый вступил в оживленную дискуссию со степняками. Пленники понурясь, стояли поодаль.

Неожиданно Машег хлопнул Устаха по плечу.

– Ай молодец! – воскликнул он.

– Кто молодец? – удивился Устах, который смотрел на пристань и потому не видел, как Сергей выпустил горящую стрелу.

– Вниз, вниз! – закричал хузарин, вскочил и прыгнул в люк, даже не воспользовавшись лестницей.

Понятко и Устах, не задавая лишних вопросов, бросились за ним.

Четверо варягов выскочили на улочку как раз в тот момент, когда запылала подожженная Духаревым крыша.

Печенеги завопили. Четверо степняков выбежали на площадь и принялись быстро-быстро выпускать стрелы в сторону башни.

Они, разумеется, не видели за своей спиной варягов.

Машег и Понятко вскинули луки одновременно, но Машег успел выпустить три стрелы, а Понятко – только две. Все пять попали в цель, хотя достаточно было и четырех. С сорока шагов стрела с граненым наконечником не то что куртку из дубленой кожи – стальной панцырь прошьет.

– Разбежались! – скомандовал Устах.

Он и Чекан кинулись во двор напротив, проскочили его насквозь, перепрыгивая через толпившихся во дворе овец, перемахнули через забор и оказались в соседнем дворе. Как раз вовремя, чтобы встретить попрыгавших с крыши (а ну как тоже подожгут!) печенегов. Два варяга прошли через захваченных врасплох степняков, как сквозь пустое место – мелькнули несколько раз, крест-накрест, длинные клинки – и не успевшие даже выхватить сабель печенеги отправились к предкам.

Варяги обогнули дом...

Стрела степняка угодила в стену мазанки и прошила ее насквозь. Вторая стрела ударила в шлем Чекана с такой силой, что ремешок лопнул. Степняк высоко привстал на стременах и выпустил третью стрелу, пришил Сирку к стене.

Устах петухом взлетел на забор, оказавшись даже выше сидящего в седле печенега. Меч опустил, разрубил степняка почти до седла и застрял. Лошадь печенега рванулась в сторону. Устах потерял равновесие, выпустил рукоять и упал обратно во двор. Аккуратно упал, не расшибся. Подбежал к Сирке, понял, что тот мертв, но время для оплакивания друга было неподходящее. Устах подхватил меч убитого, пинком вышиб калитку, выскочил на улочку.

Их заметили!

Переваливаясь на кривых ногах, размахивая саблями, через площадь бежали степняки. Те, что конвоировали рабов к кораблю ромеев.

Один, углядев варяга, притормозил, схватился за лук... Стрела ударила его в живот, опрокинув на мостовую.

Не дожидаясь, пока по нему начнут бить из луков, Устах перебежал через улочку, влетел в соседний двор.

Если бы он помедлил еще мгновение, то увидел бы, как из опаленной башни с ревом вырвался храбрый нурман и, раскручивая здоровенный меч, помчался прямо на печенегов. Следом за отважным Халли бросилось в бой его немногочисленное войско.

Глава двадцать шестая

Уличный бой по-варяжски (продолжение)

Духарев действовал более спокойно, чем безбашенный нурман. На крышах могли еще оставаться печенеги, поэтому Серега выждал несколько секунд – не начнут ли они стрелять по движущимся мишеням? Стрелков оказалось двое. Один выстрелил, уменьшив команду Халли на одну боевую единицу. Второй выстрелить не успел. Потому что Сергей успел раньше, подбив обоих.

Теперь можно было выбираться на свежий воздух. Духарев сбежал по ступенькам, подхватил чей-то щит, засвистел, подзывая Пепла. Его конь – умница, чужим не дастся!

Точно! Вот и он! Духарев отбросил щит, прыгнул в седло. Пепел рванул с места. Над головой Духарева пропела стрела. Пепел пошел ровным галопом. Духарев движением колен пустил его по кругу. Давайте, ребята! Поиграем! Уронив поводья, Сергей натянул лук, но печенег уже хрипел на земле. Понятко поднял левую руку: поприветствовал, так сказать, командира.

Халли и оставшийся в живых дружинник (или дружинница?) грамотно, спина к спине, рубились с превосходящими числом степняками. Еще одна схватка кипела на самом причале, где стояла (подошла-таки!) галера ромеев. Ладно, сами управятся! Духарев бросил коня в одну из улочек и сразу же ему под ноги выкатился мальчишка.

– Тама! Тама! – заверещал он, маша ручонкой.

Духарев прямо с седла прыгнул во двор.

Во дворе обнаружилось сразу двое печенегов. Один – на крыльце, с сапогом на коленях, второй – на корточках, у стены дома.

Первый, совсем молодой и оттого совсем глупый, вскочил, уронив сапог, подхватил копье и отважно кинулся на врага. Гадивший под стеной был чуть поумнее, заорал соплеменнику: «Беги!»– и, не потеряв задницы – до того ли? – быстренько натянул штаны. Решение верное, – со спущенными штанами воевать затруднительно, – но запоздалое.

Сергей перехватил копье молодого левой рукой, крутанул вокруг себя. Молодой мелкими шажками просеменил через двор, снес собачью будку, размазал животом большую коровью лепешку и закончил движение, протаранив головой глиняный забор.

Мгновением раньше его старшего товарища пришилило к стене мазанки брошенное Духаревым копье.

Мальчонка аж взвизгнул от восторга, но соображения от радости не потерял, завопил: «В хате! В хате тож!» – подхватил каменюку больше собственной головы и, ухнув, уронил на затылок оглушенного юнца.

«Крак!» – сказал затылок.

Духарев влетел в мазанку, и ему открылась совершенно дивная картина: полдюжины совершенно голых девиц разного возраста и пара деловитых степняков, один из которых заскорузым пальцем проверял у ближайшей голышки наличие девственной плевы. Второй печенег глядел на это зрелище и пускал слюни.

Духарев мог его понять: сам не первую неделю по степи болтался. Мог, но не захотел. Голова печенега прыгнула с плеч, Сергей ловко уклонился от алого фонтана, подскочил ко второму печенегу. Тот вытащил палец из сокровенного места и тупо уставился на неожиданного гостя.

Тут одна из девиц дико завизжала и вцепилась в печенегову сальную косицу.

Степняк от неожиданности опрокинулся на спину, и Духарев с чувством исполняемого долга влепил ему в пах острым носком сапога. Печенег взвыл и свернулся калачиком. Рыжая девчонка с обаятельными веснушками и пикантной родинкой на ягодице невежливо отпихнула Духарева и, размахнувшись, с хрустом врезала кочергой по печенеговой спине.

– Отлично! – одобрил Духарев. – Он ваш, девушки!

И выбежал во двор.

Честно говоря, у него не было ни малейшего желания смотреть, что эти юные дамы сделают с гнусным дядькой.

Духарев вскарабкался на забор, скомандовал Пеплу: «Смирно!» – и встал на седло.

Та-ак... Халли с напарником рубились успешно. Результат – парадохлых печенегов – налицо. Нет, уже три. Здоровенный меч нурмана отхватил печенегу плечо. Сергей уже давно обратил внимание: если нурманское оружие вмешивается в жизнедеятельность чужого организма, то вмешательство настолько радикально, что медицинская помощь уже не требуется, а сама жизнедеятельность быстро прекращается.

А вот на пристани стычка завершилась победой противника. Ромеи загоняли на галеру таганский полон. Некоторых, не способных или не желающих передвигаться, втаскивали на веревках.

Духарев услышал стук копыт на соседней улице и мигом опустил в седло. Стоя на конской спине, удобно озирать окрестности. Или исполнять роль мишени. А вот сражаться затруднительно.

Пепел сам рванулся вперед... И из-за угла, навстречу ему, вылетели аж два степняка. Оба – с луками наготове. И с горячим желанием сделать в Духареве отверстия, не предусмотренные генотипом. Но события развивались слишком быстро, и Духарев оказался между печенегами раньше, чем их мечты превратились в быль. Оказавшийся по правую руку степняк уронил лук и нырнул под живот лошади, счастливо избежав встречи с варяжским клинком. Левый всадник оказался не столь проворен, Духарев зацепил его свободной рукой,

с хрустом, как сорняк из грядки, выдернул из седла и поволок за собой. Степняк заорал дурным голосом. Еще бы! Заорешь тут, если тебя волокут за скачущей галопом лошадью да еще – за вывихнутую руку!

Духарев смилостивился и отпустил беднягу. На большой, твердый камень у чьих-то ворот.

Засим Духарев развернулся и обнаружил, что второй печенег летит на него со своей кривой сабелькой. Щас! Разогнался!

Пепел рванулся навстречу... И печенег сдрейфил. Спину показать не рискнул – попытался сигануть верхами через забор, но лошадка его зацепилась копытами и рухнула вместе со всадником. Дворовая живность прыснула в стороны. Лошадь жалобно заржала, но поднялась. Ее хозяин – нет.

Над площадью, перекрывая прочие звуки, прокатился яростный рык нурмана.

Когда он стих, Духарева окликнули по имени.

Машег.

– Я убил восьмерых! – гордо сообщил хузарин.

– Где наши?

– Понятко – там, – хузарин махнул луком.

Об остальных он ничего не знал.

– Что будем делать, старшой?

Духарев развернул коня.

– Прикрой меня! – попросил он и поскакал вдоль улицы.

Галера уже отваливала от пирса, на ходу втягивая трап. Ромеи, очевидно, решили не рисковать и не ввязываться в драку.

Это было типично для имперцев: не рисковать. Духарев мог этому только порадоваться. Захватить такой корабль – не по их скромным силенкам. Уходят – и слава Богу!

Ромеи отчалили, но о печенегах этого сказать было нельзя. К тем, которые дрались с Халли, подоспела подмога. Теперь на нурмана наседали четверо пеших, а еще трое, верхами, крутились поблизости, вертя пиками. Нурман отмахивался, прижавшись спиной к стене длинного склада. Он остался один. Его жена лежала навзничь шагах в десяти. Шлем слетел с ее головы, разматавшаяся коса – в пыли, лицо окровавлено. Судя по тактике степняков, они намеревались взять Халли живым.

За миг до того, как Духарев появился на площади, из соседней улочки выскочили еще трое печенегов. Двое тут же осадил коней, а третий, наоборот, прибавил, подлетел к дому, у которого кипела драчка, но с другой стороны. Не останавливая коня, степняк ловко встал на седло, а с седла прыгнул прямо на крышу.

– Машег! Сбей его! – рявкнул Духарев.

Двое печенегов обернулись на его крик, схватились за оружие. Духарев срубил одного, второй успел натянуть лук, Сергей поднял Пепла на дыбы, лошадь степняка шарахнулась, и стрела прошла мимо.

Печенег завопил, привлекая внимание товарищей. Для их здоровья было бы полезнее, если бы он смолчал.

Воспользовавшись тем, что враги отвлеклись, Халли совершил великолепный прыжок, сшиб одного из пеших и прорубил бок ближнего всадника. И отскочил раньше, чем кто-либо из степняков зашел ему за спину.

Последний всадник, привстав, метнул пику. Нурман принял на щит, но бросок был очень силен, а щит изрядно порублен. Пика пробила его насквозь и проткнула левую руку нурмана. А печенег выдернул из чехла лук.

Духарев бросил Пепла в сторону, но степняк не обманулся. Противник приближался, и печенег ждал, намереваясь бить наверняка.

И дождался.

Машег вылетел из улочки следом за Сергеем, тут же вскинул лук и выстрелил.

Стрела свистнула у самого уха Духарева и ударила в грудь степняка.

Сергей вихрем проскакал мимо, махнул мечом – и один из противников Халли укоротился на полголовы.

– Халли! Сверху! – закричал Духарев.

Нурман запрокинул голову, увидел свесившегося с края крыши печенег, подпрыгнул и ткнул степняка в лицо.

Но другой печенег, изловчившись, достал-таки нурмана, полоснув саблей по уже раненной ноге.

Халли устоял! Он сумел отбить следующий удар. Но тут с крыши на него свалился раненый степняк, и нурман упал.

Духарев уже был рядом. Его меч свалил более храброго печенег. Менее храбрый пустился наутек, обогнул дом и попытался спрятаться внутри, нырнув в окно. Духарев замахнулся, намереваясь разрубить степняку поясницу, но тут обнаружил, что печенег зацепился налучем и застрял. Меч Сергея плашмя опустился на тощую мозолистую задницу. Печенег завизжал и задрогал ногами.

Духарев быстро огляделся, увидел Машега и выбежавшего из-за горящего дома Гололоба. Печенегов, намеревающихся драться, на площади не наблюдалось.

Духарев вложил меч в ножны и соскочил наземь. Ухватив печенег за ремень, он выдернул его из окошка, взял за шиворот и хряснул о стену. Степняк сразу перестал дергаться. Сергей обрезал с печенегова лука тетиву и с ее помощью быстро и качественно упаковал пленника, для надежности прикрутив руки к ногам. Закончив, подошел к Халли.

Нурман сидел на земле, привалясь к стене широкой спиной, вцепившись окровавленными руками в скользкую от крови рукоять. И лужа крови расплзалась от него, застывая на солнце яркой блестящей пленкой. Дьявол! Нурман умирал!

– Ну? – прохрипел он. – Кто был прав, варяг? Я был прав!

– Ты, – согласился Сергей.

Подошел к его жене, поглядел на лицо в маске пыли и крови, зачем-то поднял из пыли косу, положил на не по-женски окольчуженную грудь.

– Она... тоже? – В груди у Халли булькнуло, он закашлялся, но усилием придавил кашель. – Сожги ее... Со мной... С оружием...

– Да, – обещал Сергей. – Да!

– Да... – Пленка смерти уже затягивала глаза Халли, толстые пальцы в последний раз сжались на рукояти. – Од-один! – выдохнул он кровавой пеной. – Од-один! Я иду-у!

И умер. С прямой спиной. С мечом в руке. Непобежденный.

«Герой, – мрачно подумал Духарев. – Город просрал, людей своих просрал, зато – в Валхалле!»

Подошел Машег, встал рядом, маленький, стройный, как мальчишка. Стащил с головы железную шапку, сказал:

– Вира убили. И Щербину.

Сергей опомнился. Обтер пальцы о штаны, вложил в рот, свистнул, сзывая своих.

Гололоб и Устах уже были тут. У Гололоба левая рука замотана окровавленной тряпкой.

– Чекан – всё, – сказал Устах.

– Мисюрка тож, – Гололоб провел пальцем по шее.

– А Понятко?

– Вон Понятка! Вона едет! – обрадованно воскликнул Машег.

Молодой варяг подскочил лихо, прыгнул. На спине его коня, поперек, словно овца, висел связанный печенег.

А на площадь тем временем (и откуда взялись?) стал выбираться местный народ: мужчины, женщины, малышня.

– Ты чего мокрый? – спросил Гололоб костлявого длинного парня, явного славянина, судя по физиономии.

– От этих в море сбегаю, – парень махнул в сторону моря, где шла, забирая к югу, красная ромейская галера.

– А чего не дрался?

– Я дрался! – возмутился парень. – Я тех ромеев...

– Помолчи! – оборвал его Духарев. – Гололоб, Понятко, займитесь погибшими! Разберитесь с народом, может, где недобитые степняки остались, надо все дома обыскать. Живых – мне. Трупы – на площадь. Дрова тоже на площадь. Устах, Машег, берите пленных и за мной, к башне.

В башне, он помнил, оставалось довольно осыпавшихся сверху углей. По дороге Духарев захватил пару сломанных печенежских копий с широкими наконечниками. Пусть печенежское железо развязывает печенежские языки. Поглядел на солнце, прикинул время... Может, здесь, в городе, и заночевать? Ладно, там видно будет.

У башни сообразительный Машег уже нагреб в щит раскаленных углей, Серега погрузил в них наконечники копий.

Печенеги, уложенные рядком, надменно глядели в небо. Они знали, что их ждет, но собирались держаться достойно.

– Так, – сказал Духарев. – А ну кыш отсюда все!

Зрители, в основном бабы и малышня (мужчин припахали Гололоб с Поняткой), неохотно отошли. Устах с удивлением взглянул на друга. Он не понимал, зачем лишать народ развлечения. Но зачатки прежней морали еще не до конца выветрились из Сергея. Будь они с Устахом вдвоем, он охотно передоверил бы другу «грязную» работу. Ничего! Попадись Серега копченым, они бы точно церемониться не стали. И ему следует научиться без эмоций выжимать у врагов информацию здешними методами. А вот делать это на глазах у таганских детишек совсем не обязательно.

Глава двадцать седьмая

Плоды победы

Запах горелой плоти, ставший привычным, как запах бензина для автомобилиста, трупы, шевелящиеся в пламени...

Души воинов, в огне и дыму улетающие в Ирий. Или в Валхаллу. Или еще куда-то...

На обнаженных мечях варягов горит солнце. Губы Машега шевелятся беззвучно. Может, молится Единому, просит прощения за языческое действо?

Духарев у Бога прощения не просит. Он вообще о Боге не думает. Их осталось пятеро. Вот о чем думает Духарев. И еще о том, что вызнали у пленных. О пленном хузарине, о хане Албатане, что возит в сумке собственного бога, не боится в степи никого и никогда не отступает. О сотне степняков, что идут за ханом. О том, что золото – действительно Игоревое, раз названо имя Скапэ-Скарпи, а значит, где-то в бескрайней степи рыщут отряды киевлян и тоже очень хотят встретиться с теми, кто увел у них из-под носа добычу.

Еще Серега думал о том, что дальше опять придется идти сушей, а не водой, как рассчитывали, потому что в Тагане не нашлось ни одного судна размером больше рыбацкой лодки. И еще о том, что между нижним Доном, куда предлагает идти Машег, потому что там живут его родичи, и Таганом – сотни километров степи, по которой кочуют печенеги и прочий разбойный люд. А если им все-таки повезет и удастся проскочить между степными бандами и вернуться домой, то еще неизвестно, удастся ли сохранить в тайне, кто именно присвоил ромейское золото. А если правда раскроется, то захочет ли Свенельд, даже за долю в добыче, выступить против великого князя?

Впрочем, о последнем можно пока не беспокоиться. До эпизода «Лиса и колобок» надо еще дожить. Пока на очереди разборка с серым волком.

Пламя опало. Мечи исчезли в ножнах.

Машег, казавшийся совсем маленьким рядом с высоченным Духаревым, прикоснулся к плечу Сергея.

– Ты не думай, командир, – сказал хузарин. – Степь большая, прорвемся.
– Да, – Духарев мотнул головой, отгоняя мрачные мысли и усталость, огляделся. С десяток местных болтались по площади. Кто-то возился внутри башни. У ее необгоревшей стены грудой валялась добыча, взятая на печенегах. Никто из таганцев на нее не покушался.
– Иди сюда! – скомандовал Духарев одному из местных, седобородому, но вполне крепкому мужику, выглядевшему посерьезнее остальных.
Седобородый подошел, поклонился с достоинством.
– Ты кто? – спросил Духарев.
– Мачар, староста плотницкий, – степенно ответил дед. – Мы благодарим вас, варяги! Ежели есть в чем у вас нужда – скажи. Все дадим, коли есть!
Он еще раз поклонился, широкий, приземистый, лысоватый, немного печальный.
Есть от чего печалиться. Многих побили степняки. И еще ромеи...
Но могло быть хуже, значительно хуже, если бы не подоспели варяги.
– Устах! – позвал Духарев. – Скажи, что нам надо...
– Значит, так, – деловито произнес синеусый. – Зерна для коней – это во-первых...

Почти все трофеи варяги оставили жителям. Себе взяли запас стрел, кое-что из одежды и упряжи. Денег не взяли – своим серебром сумки до отказа набиты. Серега даже хотел оставить долю таганцам, на восстановление городка, но Машег отговорил.

Неразумно. Лишний след.

Машег нашел в городке соплеменника, из мелких купцов. Бедняга чудом спасся и даже ухитрился остаться неограбленным. На радостях купчик сделал благородному соплеменнику княжеский дар: пергамент-карту, где условными значками было показано все, что надобно путешественнику.

Духарев, чувствующий ответственность за освобожденный городок, собрал остатки городской старшины – полдюжины дедов. Тех, кто помоложе, побили печенеги.

В будущее деды смотрели философски: чему быть, того не миновать. Городок и раньше был защищен так себе, а теперь, после гибели дружины, оставался вообще беспомощным: даже запирается в стенах не имело смысла.

Нисколько не сомневаясь, что хан Албатан очень скоро нагрянет в Таган, Сергей наставлял дедов валить все на варягов и ромеев. Он вручил Мачару взятую с тела Халли золотую бляху Куркутэ. Авось поможет.

Старшины сначала попробовали уговорить Серегу остаться. Вместо побитой дружины. Но когда узнали, что печенежский хан идет именно за ним и ведет за собой больше сотни воинов, уговаривать перестали. Обещали держаться предложенной Духаревым линии. Собственно, это было в их же интересах.

Над городом висел бабий плач.

Но, как выяснилось, не только плач.

Вернувшись на подворье, где временно обустроились варяги, Сергей, едва войдя, обнаружил в большом корыте, из которого поили скот, плещущегося в теплой водичке Понятку. В компании двух юных нимф, черненькой и беленькой.

– Иди к нам, старшой! – гостеприимно пригласил Понятку.

Духарев с сомнением поглядел на корыто.

– Тесновато не будет? – усмехнулся он.

– В тесноте, да не в обиде!

Нимфы захихикали.

– Ладно, ладно... – проворчал Духарев, проходя мимо.

Он уже смыл с себя кровь, пыль и копоть, выкупавшись в море. Но сполоснуться в пресной водичке тоже не помешало бы. Сначала, однако, – позаботиться о друге.

Духарев прошел на конюшню.

Пепел, вычищенный, с расчесанной гривой, лакомился отборным зерном.

Увидев хозяина, радостно заржал, ткнул губами в ухо.

– Не беспокойся, варяг, – сказал ему старший из конюхов. – Умаслим ваших лошадок. Духарев кивнул, поглядел на конюха, спросил:

– Булгарин?

– Булгарин.

– Холоп? Вольный?

– Был холоп. Нынче вольный.

– Про Радов Скопельских не слыхал?

Конюх покачал головой.

– Я, – сказал, – из волжских, а те, должно, нет?

– Нет, – подтвердил Духарев. – Из дунайских.

– Ну вот. Я ж слышу: имя не наше. Ты иди, господин. Там те в бадье воды согрели. Ну и это...

– Что – это?

Конюх ухмыльнулся.

– Увидишь! – сказал он.

Глава двадцать восьмая

Плоды победы (продолжение)

Духарев увидел.

Их было аж шестеро. Можно сказать, старые знакомые. Серега признал их, хотя на сей раз девицы были одеты. Те самые девицы, которым он отдал подшибленного печенег.

– Кушать хочешь, господин? – спросила рыженькая.

– Я поел.

– Ты полезай сюда, – рыженькая кивнула на бадью. – Мы те вина принесем. Иль ты вина не пьешь?

– Пью, – сказал Духарев, раздеваясь.

Все, кроме рыженькой, деликатно отвернулись.

– А то полезай со мной, – предложил Духарев, вспомнив родинку на ягодице.

– Ой-ой! – рыженькая засмеялась. – Я по жеребью третья.

– По какому жеребью? – удивился Духарев, с удовольствием погружаясь в теплую воду.

– А мы жеребий бросали, – пояснила рыженькая. – Кому первому с тобой быть. И первая – вот она, Вилька! – Рыженькая толкнула беленькую девчонку с курносым носиком. – Иди, Вилька! Муж тя зовет!

Невысокая худенькая Вилька стянула через голову юбку, рубаху и решительно полезла в бадью, наткнулась ножкой на то, что являлось исключительно мужской принадлежностью, ойкнула. Глаза у нее стали очень круглыми и очень глупыми, более того, она постаралась отодвинуться от Духарева подальше, что в тесноватой бадье было абсолютно невозможно.

– Я так понимаю, детка, что мужчин у тебя раньше не было? – осведомился Духарев.

Вилька так энергично замотала головой, что Серега обеспокоился: не оторвется ли? Больно шейка тоненькая.

– А ты уверена, что хочешь именно меня?

На этот раз последовали не менее энергичные кивки и попытка обнять Духарева... Но стараясь при этом не задеть, хм... некоторые отдельные части мужского организма.

– И что же, прямо здесь? – усмехнулся Сергей.

Новые кивки, но менее уверенные. Ну что за напасть такая! Сначала черт-те сколько болтаешься по степи в исключительно мужской компании, а потом вместо нормального полноценного траха – этакий, с позволения сказать, лягушонок.

Серега взял «лягушонка» за хрупкие бедрышки... И почувствовал себя Голиафом, по которому промахнулся будущий царь Давид. Вот он, Голиаф, ручищи-елдище-бородачица – и сублинный мальчишка-подпасок, от чьей храбрости уже ничего не осталось. Поступить с

таким по-мужски – сам себя потом уважать не будешь. А тут еще целая кодла «зрителей»!

– А ну вылазь! – скомандовал Духарев.

Малявка затрясла головой и вцепилась в Серегу изо всех сил. Даже руку поцарапала.

– Уймись, – фыркнул Духарев. – Просто поищем местечко поудобнее.

Они вылезли из бады. Остальные соплячки-«невесты» глазели на Серегу, как лошадаики на перспективного жеребчика.

Две рыжие и три чернявые. Одна даже чем-то напоминала Серегину Сладу. Будь у Духарева возможность не обидно бортануть остальных, он ограничился бы именно ею. Ну, еще, может быть, первой бойкой рыжушкой... С другой стороны, если они здесь все сплошь девицы... А не слабо Сереге управиться аж с шестью девственницами? Вызов, однако! А если добавить к этому то, что Серега устал, как берсерк после драки, что на брюхе у него синячище с блюдце размером, что дергает в ушибленном непонятно когда колене, а ребра слева болят еще с позавчерашнего... И вместо приятного развлечения ему предстоит процедура массовой дефлорации... Никакого романтизма, одним словом.

Все это Серега думал, пока ковылял через двор, таща под мышкой тючок с одежкой и зброей и глядя на мокрую белую попку девушки Вильки.

Серега вошел в сени, и все шестеро «невест» ломанулись следом.

– Так! – сказал он, поворачиваясь и опуская тючок с имуществом на подвернувшийся бочонок. – Общая команда: стой!

Девушки смущенно остановились, замерли у крыльца, преданно глядя снизу вверх. Очаровашки! Нет, ну какой все-таки у здешних характер отходчивый. Часа три назад печенежского ублюдка скопом гасили, хотя до этого вряд ли убивали кого-то крупнее петуха. И – как с куста! Стоят девчушки-лапушки, глазки сияют, губки – бантиками.

Духарев пошарил в свертке, извлек портки, натянул, завязал шнурок.

Вот так лучше. И аудитория не отвлекается на посторонние, преждевременно возбужденные предметы.

– Слушай приказ! – строго произнес Духарев, взирая на них с высоты крыльца и собственного роста. – Всем вымыться и надеть чистые рубахи!

Подумал немного и добавил:

– Принесите шкуру медвежью... Хотя откуда у вас тут медведи? Овечьих, только чистых, понятно?

Одна из девиц фыркнула, но Духарев поглядел на нее строго:

– Я вам не печенег, чтобы на бараньем дерьме спать, понятно? Масла греческого принесите, холстов чистых... – Обвел «невест» придирчивым взглядом: никто не усмехается? Вроде нет.

Что еще? По славянской традиции, бывало, молодоженам под окна жеребца с кобылой ставили. Для лучшей заводки. Может, порадовать Пепла? Нет, не стоит, пусть отдыхает. Он потом, после случки, дня два квелый.

– Цветов принесите свежих... – распорядился Серега. – И что-то, помню, о вине говорили? Тоже несите. Да побольше! Вопросы есть? Исполнять!

Девчушки сорвались с мест и умчались.

Серега спустился с крылечка. Солнце приятно грело влажную кожу. По двору бродили гуси и куры. На заборе, сложенном из серого известняка, сидел пестрый петух... А с площади тянуло гарью и горелым мясом погребального костра.

Серега вздохнул, наклонился, пощупал колено: болит, стервь!

За спиной у него гаденько захихикали.

Духарев мигом развернулся и обнаружил в сенях ветхую старушонку, идеально смотревшуюся бы в роли Бабы-Яги в каком-нибудь детском фильме времен прошлой Серегинной жизни. В этой жизни персонаж типа Бабы Яги в списках лесной нечисти тоже числился. Но имел совершенно другой имидж – эдакого свирепого зомби.

– Ты откуда взялась? – недовольно спросил Духарев.

– Ить, живу я тут! – Бабка сошкандыбала с крыльца и оказалась ростом чуть повыше

Серегоного колена.— А ты вишь каков, варяг! Не ведала!

— Чего не ведала? — удивился Духарев.

— Девок-то прогнал.

— Ну... Они еще вернутся, я думаю,— сказал Серега, поглядел в сени: интересно, кто там еще?

— А то ж! Ясно, вернутся! — подтвердила бабка.— Однак ты, варяг, не прост!

— Ты о чем, старая? — спросил Духарев.

А сам подумал: «Не дай Бог, окажется ведьма! Объявит меня кромешником и начнет клюкой своей махать!» — и на всякий случай отодвинулся.

— Да о том же! Я вашего брата-жеребца знаю! Увидал девку, завалил и ну пежить! Знаю-знаю! Саму тем потчевали. А такой великан, как ты, небось, все нутро прободит! Застоялась кровь-то?

— Если ты думаешь, бабка, что я только и мечтаю, что перепробовать за раз полдюжины девок, ты глубоко ошибаешься! — Духарев понял, что гнать клюкой его не будут, и успокоился. По нему, так лучше печенег с луком, чем безумная старуха с клюкой. С печенегом, ей-богу, проще: чик — и нет печенег.

— Мне бы и одной хватило,— сказал Сергей.— Да не девку пугливую, а...

— ...молодку горячую! — подхватила старуха и снова захихикала.— Знаю, знаю, варяг. Хочешь, помогу?

Духарев очень хотел сказать: хочу. Но это было бы нечестно по отношению к «невестам». Когда они придут со всем необходимым... А его нет. Свинство получится.

— Нельзя, бабушка. Девушки обидятся.

Старуха опять захихикала.

— Обидятся, точно! — подтвердила она.

— Лучше б себя для мужей поберегли,— заметил Духарев.

— Да ты что? — старуха замахала артритной лапкой.— Йим от такого богатура, как ты, сына понести — великая радость. Да с таким сыном — у-у-у! Такого сына в род получить — великое дело!

«Так! — подумал Серега.— Понятненько. Значит, не просто дефлорировать, а еще и оплодотворить. Причем конкретно. Чтобы, значит, парень был, а не девка. Ясненько. Пустячок!»

— Зельишко у меня есть,— старушонка хитро сморщилась.— Прах. Его абу привозят. Может — из Синда. Может — из Хинда. От зельишка того старый мой, бывалоча, как молодой козел скакал.

— Я еще не старый,— буркнул Духарев.

— Кто ж говорит, что ты старый? — удивилась старуха.— А есть у меня и другое зельишко. В вино молодое бросишь щепотку — и любая, хоть баба, хоть девка,— вмиг огнем вспыхивает да бежит, как шальная, пока это самое не получит, что у ты в портках шевелится. Дать?

Духарев поразмыслил малость...

— Давай,— сказал он.— Оба.

Глава двадцать девятая, в которой герой, после трудов ратных и иных, более приятных, видит чрезвычайно странный сон

Несмотря на зельишко и весьма долгое воздержание, с шестой девицей произошел облом. Возможно, будь последняя девица-красавица не столь невинной, последнее, хм-м... осеменение тоже удалось бы. Но дева лежала сущим кулем. Симпатичным, приятно пахнущим и на ощупь тоже приятным, но... тихим. Пискнула легонько, когда Серега проник в тайное местечко, но после этого терпеливо лежала, прикрыв глазенки, минуток двадцать, пока одноразовый муж трудился, скрипя утомленными суставами. Затем начала чуть слышно

постановлять. Но совсем даже не от возбуждения, а потому что подобная механическая процедура для недавней девственницы, скажем прямо, малоприятна. Вдобавок у «секс-машины» нестерпимо разнылся ушибленный в схватке локоть, и пришлось могучему мужу в прямом смысле возлечь на несчастную девушку. Двух минут не прошло, как мужу стало ясно, что полупридушенная центнером костей и мышц малышка вот-вот вообще отрубится. И «секс-машина» дала задний ход, а именно: сползла с бедняжки и, перевернувшись на спину, замерла в блаженном покое. Забавно, что при этом основной ее агрегат продолжал гордо алеть над обессиленным телом.

Шестая по счету «невеста» минутку полежала рядом, переводя дух, потом решительно вскарабкалась на поверженного представителя сильного пола и принялась неумело играть боевой флейтой. Духарев не чувствовал в себе достаточных сил, чтобы руководить этой игрой, поглаживал лениво нежные сисечки с крохотными сосочками и сам не заметил, как задремал. И сон ему приснился совсем не эротический, а донельзя странный и загадочный...

Это была гора. Склон горы. Осыпь из довольно крупных камней, по которым было не так трудно карабкаться вверх, то подтягиваясь, то перепрыгивая с одного валуна на другой. Ниже осыпи кудрявилась густая зелень, от которой почему-то поднимался влажный грибной дух, словно ранней осенью где-нибудь на Карельском перешейке. Но это точно был не север, а самый натуральный юг. И небо было южное, и солнце шпарило с неимоверной силой. Злое было солнце, чужое, яростное.

Сергея был не один. Справа от него упорно, побряхтывая, лез наверх Устах. А впереди – еще двое. Легкий ловкий Машег и некрупный незнакомый парень в нурманских доспехах. Машег время от времени помогал этому парню: то плечо подставит, то, вскарабкавшись выше, руку подает.

«Чего это он?» – удивился Духарев странной заботливости хузарина. Больше он ничему не удивлялся, только упорно лез наверх, смахивая ручьями текущий пот. Не удивительно: в полной выкладке на такой жарнице. Но пить, как ни странно, не хотелось.

Потом осыпь исчезла, и они вчетвером оказались уже наверху, в узкой долинке, спускавшейся к маленькому озерцу.

Духарев наконец увидел лицо четвертого. Это оказалась почему-то погибшая жена сотника Халли. Без каких-либо ран, только довольно грязная. Впрочем, сам Сергей вряд ли был чище.

– Вода! – выдохнул Машег, и все четверо, позвякивая амуницией, рысцей устремились вниз.

Откуда он выпрыгнул, непонятно. Трава была слишком короткой. Странный некрупный зверь с невероятной быстротой метнулся к нурманке. Когти скрежетнули по кольчуге, женщина взвизгнула и отшвырнула зверя прямо на Устах. Но Устах был урожденным варягом, и меч возник у него в руке раньше, чем голова успевала об этом подумать.

Хлесткий рубящий удар отшвырнул тварь в сторону. Зверя юзом протащило по траве прямо под ноги Машегу. Хузарин рубанул саблей. Мощно, с оттягом. Непонятный зверь опрокинулся на спину, быстро-быстро забил задними лапами. Но кровь из него так и хлестала, и минуты не прошло, как тварь затихла.

– Ну ничего себе здесь ящери! – пробормотал Устах, покачивая головой.

Сергей наклонился над убитым зверем. Н-да...

Гладкое коричневое тело с россыпью желтых пятен. Мощные задние лапы с длинными кривыми когтями, маленькие передние... Крупная круглая голова, пасть с таким арсеналом, что любая акула позавидует. М-да... У их ног лежал прекрасно знакомый Сергею по фильмам и рисункам самый настоящий тиранозавр. Только совсем небольшой. Размером с ротвейлера...

Глава тридцатая

Зомби

Дверь тихонько стукнула, и от этого звука Серега проснулся.

В избе определенно кто-то был. И этот кто-то – совершенно точно не одна из вчерашних девчонок. Потому что пахло от незваного гостя не сладкой девочкой, а кожей, дымом и мокрым железом.

Точно, железом! Духарев услышал слабый металлический шелест. Очень знакомый. Такой звук, когда поворачиваешься, издает панцырь из стальной чешуи. Черт! Серега видел только светлую каемку вокруг двери. Что за дурная привычка делать стены без окон! А в Серегиной голове уже включился анализатор. Двигается скрытно, значит – чужак. Оружный. Опытный, поскольку носит дорогую броню. Кто? Степняк? У степняков стальной панцырь – редкость. Только у самых лучших. Какой-нибудь уцелевший печенежский батыр? Или вожак скрытно подошедшего ночью еще одного отряда? Дурацкая беспечность: варяги, понадеявшись на местных, не выставили дозорных. Расслабились, блин, победители!

Притворяясь спящим, Сергей попытался вспомнить, куда положил меч. Кажется, на лавку. На ту, что ближе, или ту, что дальше? Нужно вспомнить, потому что возможность сделать бросок будет только одна.

«На лавку я его положил или нет?»

Неизвестный сделал шаг и, вероятно, повернулся, потому что металлический звяк повторился. Ага, вот он! Сергей наконец разглядел смутный силуэт.

А может, это не печенег? Тогда – кто? Кто ты, мать твою?..

Человек сделал еще один шаг...

«Куда же я все-таки положил меч? – подумал Духарев. – Варяг, блин! Десятник! А! Где наша не пропадала!»

Толкнувшись спиной, Сергей гибким рывком перекатился на корточки и, разгибаясь, мощно и резко толкнул незваного гостя ладонями в живот. Ладони ощутили твердый холодный металл, а незнакомец хрюкнул, полетел спиной в дверь, распахнул ее и вывалился в сени. Свет наконец проник в комнату, Сергей углядел меч (не на лавке, а на стене), сорвал, стряхнул ножны, рванулся вперед...

Ах ты, мать!..

В узких сенях, на земляном полу, лежала, нет, уже не лежала, а поднималась неловко, неуклюже, как механическая кукла, одетая в броню женщина. Она пучила на Серегу помутневшие глаза... И не дышала! Еще бы ей дышать, если ее сожгли вчера на погребальном костре!

Духарев сам с шумом выдохнул воздух, попятился.

Женщина, убитая жена Халли, оперлась на колено...

Приехали! Призрак! Ох, не в добрый час Серега вчера Бабу Ягу вспоминал!

Черт! Призрак же должен быть бесплотным! Хрен там, бесплотным! Ладони Духарева еще помнили твердость панцыря и упругое ощущение плоти под ним!

Призрак – или зомби, или хрен знает что – медленно поднимался. Бледно-синий, жуткий... Духарев отшатнулся назад и уперся спиной в закрывшуюся дверь. Пальцы его плотней обхватили шершавую рукоять...

Призрак распрямился... и шумно втянул воздух. И щеки его, то есть ее, начали понемногу розоветь.

– Ума лишился? – сипло, с заметным нурманским акцентом, проговорил «призрак».

– Ты мертвая? – задал идиотский вопрос Духарев.

– С чего ты взял? – нурманка восстановила дыхание и тут же надменно выпатила губу.

– Но тебя же вчера убили. И сожгли! – пробормотал Духарев.

Нурманка поглядела на него, как на полного придурка... И вдруг начала хохотать.

И никак не могла остановиться.

– Эй! Прекрати! – потребовал возмущенный Духарев.

Нурманка зажала рот ладонью, еще с полминуты тряслась от хохота, потом

успокоилась. Все-таки красивая баба. Даже синяк на щеке и бурый рубец поперек лба не особо ее портят.

Нурманка сказала что-то по-своему и опять хихикнула.

– Что, не понял?

– Я говорю: может, ты от того ум потерял, что пережеребился? – произнесла она насмешливо.

– Что за глупости! – Духарев сообразил, что все еще держит меч наготове, и опустил его. – Значит, ты живая?

– Ты огорчен? – нурманка одарила его иронической улыбкой. – Хочешь меня потрогать? Или – отпахтать? Неужто не наскакался?

Тут Духарев вспомнил, что он – голый, и с некоторым удивлением обнаружил...

– Подожди здесь! – сердито сказал он. – В комнату не заходи, понятно!

– Да уж не зайду, – пробормотала нурманка, задирая кольчугу и поддевку и растирая живот. – Эдак ты мне все нутро отшибешь.

– Извини! – крикнул Духарев, поспешно одеваясь.

Тут в сени влетел Машег:

– Серегей!

– Чего? – Духарев выскочил, проворно застегивая ремень. – Печенег?

– Где? – вскрикнул хузарин, озираясь.

– Нет, ну надо же! – проговорила нурманка, упирая руки в бедра. – Слыхала я, что вы, варяги, дурковаты. Но чтобы настолько...

Духарев поглядел на Машега, Машег – на Духарева. Потом оба – на нурманку.

– Ты откуда взялась? – спросил хузарин. – Тебя же убили!

– Руку дай! – нурманка задрала панцырь и рубаху, схватила хузарина за запястье, прижала его ладонь к своему животу. – Ну? – спросила она. – Теплый?

– О! – протянул Машег. – Оч-чень! – и быстро пригнулся, уворачиваясь от затрещины.

– Эй-эй! – воскликнул он. – Ты же сама!..

– Стоп! – скомандовал Духарев, перехватывая новый удар. – Прекрати, сказано! – рывкнул он, с силой сжимая запястье женщины.

– Отпусти, медведь! – завизжала она, свободной рукой нашаривая на поясе нож.

Духарев выпустил ее и быстренько покинул сени. Машег уже был во дворе.

– Слышу, у тебя шум... – сказал хузарин. – Вот и прибежал. Вот шальная баба!

– Ты молчи, задохлик! – огрызнулась нурманка.

Хузарин не обиделся, а ухмыльнулся.

– А животик у тебя... те-е-еплый! – протянул он и подмигнул нурманке.

– Жеребцы! – буркнула женщина. – Небось, тоже полдюжины девок ночью перепортил, а все мало!

– Завидуешь? – усмехнулся Машег.

– Тебе, что ли?

– Девкам!

– Чего? С таким коротышкой?

– Коротышкой? – Машег ухмыльнулся еще шире. – Ты, баба, погляди сначала, а потом уж языком болтай. Показать?

– Машег! – рывкнул Духарев. – Прекрати! И ты, – он повернулся в нурманке, – тоже посовестись! У тебя мужа вчера убили, или ты забыла? Не жалко?

– Ну убили, ну и что с того? – сварливо отозвалась женщина. – Он там в Валхалле пирует, а меня тут бросил!

– Вообще-то он меня попросил за тобой приглядеть, – сказал Сергей.

– Слыхала я. Ты уж приглядел... – нурманка скривилась. – Ручищами под дых!

– А мне вот интересно, – встрял Машег. – Как же это ты жива, если мы с Сергеем тебя мертвой видели. И я лично видел, как тебя Понятко с Гололобом на костер клали.

– Клали! – раздался веселый голос.

Понятко, проигнорировав калитку, перемахнул через забор.

– Клали да сняли! Бабка здешняя, знахарка, на нее глянула и сказала, что живая. Вот и сняли. Ошеломили ты знатно, нурманка, да не до смерти. Бабке ногату подари, не забудь!

– Вот еще! – фыркнула нурманка. – Вошла бы в огонь с мужем – ныне тож была б в Валхалле, а не тут, с вами!

– Баб в Валхаллу не пускают! – уверенно заявил Понятко. – Мне Свей точно говорил: туда только мужей!

– А про валькирий твой свей слышал? – подбоченилась нурманка. – Иль я хуже?

– Ты лучше! – осклабилась Машег.

Духарев одарил хузарина мрачным взглядом. Вот только взбалмошной нурманки им не хватало для полного счастья.

– Зовут тебя как? – буркнул он.

– Элда! – с вызовом.

Она стояла посреди двора и глядела на окруживших ее варягов с таким видом, словно готова была драться со всеми сразу.

А варяги-то веселились!

Вот только веселиться им было не с чего.

– Значит, так, Элда, слушай и запоминай, – произнес Духарев строго. – Ты идешь с нами.

Нурманка недовольно выпятила губу.

– Ты идешь с нами, – жестко повторил Сергей. – Потому что еще до полудня здесь будут печенеги. Или хочешь остаться?

– Не хочу. – Нурманка все еще злилась, но соображения не утратила.

– Тогда иди собирайся. Надеюсь, твои вещи поместятся в две переметные сумы?

– Поместятся, – мрачно сказала нурманка. – Мое – на мне. Остальное сгорело.

– Понятно. Тогда возьми у местных, что требуется. Ты за них билась, так что имеешь право. И будь здесь раньше, чем солнце поднимется выше башни. Не придешь – уйдем без тебя. Искать тебя по городку мы не станем. Понятно?

– Я приду, – ответила нурманка.

– Коня не ищи, коня мы тебе дадим, – обещал Духарев. – Упряжь и прочее – тоже. Ты верхом как, умеешь?

– Да уж не хуже тебя! – Нурманка гордо развернулась и пошла со двора.

– Вечно ты, Серегей, всякую негодь подбираешь! – сказал Понятко.

– То парса этого, то нурманку омуженную! Тьфу!

– Дурачок ты! – Хузарин хлопнул парня по спине. – Кто тебя только Поняткой прозвал? Ты в бабах разбираешься, как кривич – в верблюдах.

Понятко попытался возразить, но Машег не дал.

– Молчи! Ах, какая баба! – восхищенно произнес он, обращаясь исключительно к Духареву. – Горяча, как молодая кобылица! Хоть сейчас четвертой женой ее взял бы!

– Почему четвертой? – спросил обиженный Понятко.

– Три у меня уже есть, мальчик!

– Серегей, можно, я ему башку снесу? – осведомился Понятко.

– Можно, – разрешил Духарев. – Только не здесь, а когда дома будем. А сейчас слазай-ка на башню. Погляди, что в степи творится.

По информации, полученной от пленника, Серега знал, что основной отряд печенегов двигался по дороге. Можно было надеяться, что варяги опережали их минимум на сутки. Если степняки не появились вчера вечером, значит, придут в Таган сегодня. Но не с рассветом, а попозже, так как ночных переходов без особой нужды хан не делает. Вообще, то, что род Албатана кочевал не в Приднепровье, а по ту сторону Дона, было большим плюсом. Значит, на подкрепление хан рассчитывать не мог. А сотня всадников – не орда. Достаточно варягам добраться до какой-нибудь крепостицы с мало-мальски приличным гарнизоном – и Албатану придется убраться.

А вот как быть с Игорем? Против великого князя киевского, хоть и не любимого народом, простой десятник, изгой²² Серега Духарев – пыль под копытами.

Был бы на месте Игоря предшественник его Олег или тот же Свенельд, Духарев даже и раздумывать не стал бы. Приехал бы, повинулся, рассказал, где золото спрятано. Глядишь, и доля перепала бы от немереного богатства. Но Игорь есть Игорь. О его скупости и недоверчивости байки ходят. Игорь выслушает внимательно. А потом на каленое железо поставит: говори, злодей, сколько утаил и где спрятал?

Прецеденты были.

Может, к хузарам уйти, как Машег советует? Но ведь и там та же история может повториться: хакан Йосып такой же жадюга, как и киевский князь. И в Итиле за варягов даже заступиться будет некому. При всем уважении Духарева, Машег по силе и влиянию в собственной стране никак не может сравниться со Свенельдом... И княгиней Ольгой.

Ладно, перезимуем.

Духарев изловил мальчика и отправил за старшиной Мачаром.

Старшина ждать себя не заставил.

Сергей велел ему обеспечить эвакуацию населения. Пусть все, кто может, бегут из города. Причем прямо сейчас. Хоть в море на лодках, хоть в степи сусликами зарываются. Потому что очень скоро придут сюда печенег и непременно будут вымещать обиды на таганцах. Но кто-то обязательно должен остаться и рассказать о варягах. Тогда есть шанс, что степняки с таганцами возиться не будут, времени пожалеют.

– Я сам останусь, – сказал Мачар. – Меня пусть режут, может, домишки пожалеют.

Спорить с ним было бессмысленно. Упрямый старик. Сереге он нравился. Может, даже и породнились они вчера: рыжая оторва Мачаровой внучкой оказалась.

– Тогда так, – решил Духарев. – Придут, будешь все на нас валить. И не забудь сказать, что ушли недавно. И куда ушли, тоже скажи.

– Я им совру, – сказал Мачар.

– А вот этого не надо! Узнают – вернуться, и худо вам будет. А так, может, и тебя обидеть не успеют – за нами поспешат. Но народ пусть все равно уходит, ясно?

– Угу, – согласился дед.

Духарев отошел от него, утирая пот со лба. Жарища! Ну и денек будет, если с утра такая температура!

Глава тридцать первая Сурожская степь

Собрались в положенный срок. Две дюжины выючных лошадей, цепочкой, да шестеро всадников с табунком заводных. Кони, вычищенные, сытые, отдохнувшие. Варяги – в выстиранной одежде, с гладко выбритыми подбородками. Орлы!

«Угу, – подумал Духарев. – Только мы теперь больше на караван смахиваем, чем на воинский отряд».

Перед тем как тронуться, Духарев с Машегом и Устахом добрый час прикидывали: куда путь держать, тыкали в карту пальцами.

Устах тянул за то, чтоб выйти обратно к Днепру. Печенег – что? Печенег на хвосте висят. Варяги – петлю, и они – тоже петлю. Оторвемся.

Машег звал к Дону, к устью. Там плавни, рукава и болотца, сотни островков. Там в тростниках – дикая птица и жирная рыба. Там новичку в пору заблудиться даже и на лодке. Но он, Машег, знает там каждый островок. Это его земля, исконная. Там он точно степняков

²² Здесь «изгой» означает чужой, наемник.

со следа собьют. И князь с русью туда не сунутся, и помочь кому найдется: тамошние обитатели испокон под машеговыми предками ходят. Может, и насад большой для варягов отыщется. Тогда можно хоть вверх по Дону идти, в Саркел, а можно и по Донцу, как раньше собирались. Лучше, конечно, в Саркел. В Белой Крепости их уж точно никто не тронет. Там гарнизон сильный, одних наемных печенегов – сотни три. И там Машега тоже уважают. И тоже родичи найдутся, и друзья. Там их даже сам хакан Игорь тронуть не посмеет, потому что это будет уже война.

Сереге склонялся к предложению Машега. Чужой народ, хузары, не вызывали у него таких опасений, как у Устаха. Серега ведь и сам был совсем недавно – чужой. И Машегу он доверял. И главное, до донского устья, во-первых, ближе, чем до Днепра, во-вторых, нет опасности наткнуться на тех, кто идет по варяжскому следу. Чуял он: не одни лишь печенеги Албатана висят на хвосте. Еще кто-то есть. Это – как пристальный взгляд со спины. Не видишь – кто, но затылком чувствуешь: смотрит.

– К Дону идем, – сказал Духарев, поглядел на друга; станет возражать?

Устах кивнул. Ему тоже были видны преимущества «хузарского» варианта.

Пока старшие совещались, Понятко искал собачонку. Не нашел, хотя и привлек к поискам десяток таганских пацанят. Плохо. И без собачки плохо, и примета нехорошая. Пацанята тут же предложили ему подыскать подходящего пса, но Понятко покачал головой. Хорошего сторожа специально натаскивать надо. Иной раз полгода уйдет, пока выучишь. Да и то не всякого щенка.

Провожать варягов вышли едва ли не все жители Тагана – человек двести. Духаревские «невесты» липли к стременам: глаза блестят влагой, на шейках блестит подаренное «женихом» серебро. Серебро, впрочем, блестело не только на них. Остальные варяги тоже не поскупились: отдарились за ласку. И провожали их чуть ли не со слезами.

Только у стремени Элды никто не ронял слез. Не было у нурманки друзей-подруг среди горожан. Ее друзья-воины и муж-богатырь вчера истаяли дымом в светлом небе.

Нурманка сидела в седле прямо, глядела надменно, пряча за гордостью горечь. Она, единственная, парилась в доспехах, но терпела и жару, пот и зуд ради грозного высокомерия.

Наконец тронулись. Сергей напомнил еще раз, на прощанье: уходите, люди! Застанут печенеги – будет беда!

Духарев послал Понятку вперед: на всякий случай. Сам ехал впереди с Машегом.

Устах и Гололоб гнали вьючных.

Миновали желтые поля, где местные выращивали сурожь – рожь пополам с пшеницей. Более неприхотливая рожь поднималась над пшеницей, оберегала ее от зноя. Сурожь тут возделывали повсеместно. Надо полагать, и море звали Сурожским из-за этого.

Элда некоторое время ехала в стороне, потом пристроилась слева от Духарева.

– Бронюними, – сказал ей Сергей. – Жарко сегодня. Успеешь облачиться, если что.

Нурманка фыркнула. Однако минуток через сорок решилась: взялась снимать панцырь, но запуталась в ремнях и едва не свалилась с лошади. Машег тут же оказался рядом, поддержал, помог разоблачиться. Сам он был в одной лишь свободной рубахе из тускло-серого шелка. А вот нижняя рубаха Элды под стеганой поддевкой промокла насквозь и липла к роскошному, по крайней мере, с точки зрения хузарина, телу. Но Машег воздержался от комплиментов фигуре нурманки, предусмотрительно похвалил лишь качество ее панцыря. Похвала была принята благосклонно, хузарин и нурманка поехали рядом. Духарев поглядывал на них и тихо радовался. С женщинами, подобными Элде, он не любил строить долговременных отношений. Проблем больше, чем удовольствия. А просто перепихнуться и забыть... Нехорошо выйдет. Все-таки он обещал Халли присмотреть за его женой. Вряд ли нурман вкладывал в понятие «позаботиться» мимолетную связь. А стоит только дать повод и... Нет уж, пусть нурманской красавицей занимается Машег. В том, что хузарин сумеет очаровать Элду, Духарев не сомневался. Вообще-то, у хузар рожи примерно

как у печенегов: плоские, скуластые, будто блюдца, вылепленные не шибко умелым гончаром. Но белые хузары – дело иное. Их предки веками брали в жены лучших красавиц, мадярок, славянок, ромеек, арабов. Потому-то у смуглого Машега глаза серые, а кость хоть и тонкая, да крепкая, как у арабского коня. Ростом не очень, зато аристократически красив, куда красивей лицом, чем сам Серега.

Пересекли русло маленькой речушки. Воды в ней было – хомячку по пояс, но по берегам весело зеленели деревца, и трава поднималась выше и гуще, чем в открытой степи, поскольку дождя не было давненько – и не предвиделось, судя по безоблачному небу.

Духарев поглядел на это самое небо, прикинул время, скомандовал:

– Привал!

Коней расседлывать не стали: мало ли? Зато сами с удовольствием избавились от военной «сбруи».

Серега скинул сапожки и с кайфом прошелся по желтоватой водичке. Подумал: не окунуться ли? Что за жизнь такая: вчера только мылся, а сегодня опять – как запаренная лошадь! Хотя это, вероятно, дело привычки. Вон, те же печенеги вообще не моются. Разве что случайно: например, во время переправы.

Тут Духарев услышал рядом с собой плеск, обернулся и... обнаружил Элду. В первозданной красе дочери Евы. И вынужден был признать, что сложена нурманка – как надо. Никаких культуристских мужеподобных мышц. Отличная спортивная фигурка: плоский живот, тонкая талия, округлые бедра, ноги вполне приличной длины. И бюст тоже приличный – упругость даже глазами чувствуется. Если к этому прибавить белокурые пушистые волосы и синие глаза...

– Чего уставился? – не без вызова спросила Элда. – Нравлюсь?

– Да как тебе сказать... – промямлил Духарев.

Вот вчера зрелище обнаженной женщины вскипятило Серегини гормоны – не удержался бы... А после прошлой ночи... Не то чтобы совсем ничего, но существенно полегче.

Нурманка явно ожидала более эмоциональной реакции: фыркнула презрительно, опустила на корточки, придерживая косу левой рукой, и шумно помочилась.

Духарев сделал вид, что не заметил.

«Ползет шифер у бабы, – подумал он. – И есть от чего».

На песочек рядышком неожиданно прыгнул Машег.

Элда от неожиданности ахнула, рефлекторно прикрылась руками... и тут же густо покраснела.

– Дурень! – бросила она Машегу, опуская руки.

Стыдилась она явно не наготы, а того, чтоотреагировала по-бабьи, а не по-воински.

«Да, – подумал Духарев. – Хоть и учил ее отец – а недоучил».

Любой сопливый отрок на ее месте, испугавшись, не прикрываться бы стал, а к оружию дернулся.

– Ах! – проговорил Машег, обольстительно улыбаясь. – Никогда не видел кожу столь дивной белизны! Позволишь ли ты, подобная прекрасной валькирии, скромному воину окунуться в омывшие тебя воды и смыть пот с измученного тела?

– Мойся, – проворчала нурманка. – Река общая.

– Благодарю! – Машег начал проворно раздеваться, а Духарев, пряча усмешку, полез на берег.

Если уж правоверный хузарин назвал валькирий прекрасными, а не бесами и суккубами, как обычно, значит, он всерьез положил на нурманку глаз.

Уже поднявшись на берег, Духарев услышал звонкий голос Элды.

Духарев еще раз усмехнулся и принялся натягивать сапоги.

«Что-то Понятко не возвращается, – подумал он. – Уж пора бы».

Устах и Гололоб развьючивали коней.

– Место хорошее. Пускай отдохнут,– сказал Сереге его друг.– После нагоним, когда жара спадет.

– Добро,– не стал спорить Духарев.

Место и впрямь было неплохое.

А вот внешний вид Гололоба Духареву не понравился. Рана у гридня пустяковая, но крови он вчера потерял порядочно, и даже загар его не мог скрыть бледности.

– Сядь, отдохни! – велел ему Сергей и сам взялся помогать Устаху.

– Слышь, Серегей, ты кабаньи следы в грязи видел? – спросил синеусый варяг.

– Видел,– подтвердил Духарев.– А что?

– Добыть надо молодого кабанчика. Сделаешь?

– Запросто.

Здесьнее зверье людей не очень-то боялось.

– Только зачем? У нас же полно мяса. Да и Машег вепрядины не ест.

– Печенка нужна. Гололобу. Лучше, конечно, медвежья, но и свинная сойдет.

«Точно!»– подумал Сергей.

Как он сам не сообразил.

– Сделаю,– пообещал он.– Только Понятку дождусь.

И сел точить меч.

Он как раз успел довести дело до конца, когда прискакал Понятко. И только глянув на него, Серега сразу понял, что охоту придется отложить.

– Ну, что там? – не ожидая ничего хорошего, осведомился Духарев.

– Орда! – выдохнул Понятко.– Орда идет!

Глава тридцать вторая

Хан Албатан

Всадники Албатана ворвались в Таган через четыре часа после того, как уехали варяги. Почти все уцелевшие жители успели покинуть городок. На рыбачьих лодочках, на всем, что хоть как-то держалось на воде. Главное – пересидеть. Большой варяг сказал: степняки придут, но вскорости уйдут. Не бойтесь!

Не встретив сопротивления, печенегі рассыпались по улочкам, пронесли вихрем по городку и встретились на площади у обгорелой башни, где и обнаружили аккуратно уложенные трупы сородичей из передового отряда.

Здесь же, на площади, парились на солнцепеке несколько таганских дедов во главе с Мачаром.

На выцветшей рубашке старосты солнцем горела золотая бляха.

Печенегі завертелись вокруг стариков бешеной каруселью... Но не тронули. Ждали хана.

Албатан подъехал, мрачный и злой. Он видел, что город покинут. Он видел, что его воинов побили. Видел он и погребальные пепелища. Ему подали кусок пергамента, взятый с груди убитого печенегі. На пергаменте, кровью, был нарисован ухмыляющийся конный варяг. Варяг гнал кнутом маленьких человечков верхом на собаках. В человечках без труда можно было признать печенегов. Под рисунком имелась и надпись, но Албатан не умел читать. И никто из его воинов – тоже.

Албатан швырнул пергамент под копыта коня, подъехал вплотную к седобородому таганцу, поддел кончиком сабли золотую бляху, поглядел сверху на старика. У того лоб блестел от пота, но сам он не дрогнул.

Албатану это понравилось. Ему захотелось содрать со старика кожу. Медленно. Чтобы узнать, насколько тот терпелив.

– Варяги? Давно? – спросил хан на языке булгар, который понимали и славяне, и угры, и даже хузары.

– С рассветом,– хрипло ответил староста.

– Куда?

– Туда! – показал Мачар.

– Сколько их?

Старик показал шесть пальцев.

Мачар мог бы обмануть, но высокий варяг велел ему говорить только правду.

Албатан поглядел на остовы сгоревших кораблей, потом дальше, на синюю плоскость моря. Зоркие глаза его, конечно, видели россыпь лодочек вдаль. Но кони по воде не поскачут. Можно сжечь город, да что толку? А шарить по дворам некогда. Варяги уйдут.

– Юкгуль! Останешься здесь. Похорони наших. Не задерживайся.

– А этих, что? – спросил десятник, кивнув на стариков.

– Эти тебе помогут. Не захотят – убей.

Албатан развернул коня.

Печенегі спешно покидали Таган. Ничего не разорив и никого не тронув, как и говорил большой варяг.

Осталась только похоронная команда. Но и эти никого не убили и ничего не сожгли. Только десятник Юкгуль, улучив момент, когда никто из своих не видел, отобрал у Мачара и спрятал в сапоге золотую бляху.

Глава тридцать третья Орда

Они не успели. Промчались вдоль речного русла, не жалея коней, но все равно не успели. Осталось только спуститься в попавшийся по дороге овражек и глядеть издали, как неторопливо накатывается из степи живая лавина.

Это было величественное зрелище. Медленно ползли по травяному морю высокие арбы, перед ними, рассыпавшись, родами, семьями, ехали кочевники: мужчины, женщины, дети...

В степи ребенка сажают в седло раньше, чем он научится ходить. Духарев видел однажды, как гостивший в Переяславле степняк сел на коня, чтобы проехать тридцать шагов.

За арбами и кибитками сотни пастухов гнали бесчисленные табуны лошадей, отары овец. Даже издали было слышно, как визжат, схватываясь, жеребцы, гортанно кричат погонщики. Шум, поднимаемый кочевьем, опережая его, катился над степью. Дрожала земля под сотнями тысяч копыт. Все живое поспешно убиралось с дороги.

Орда вышла к речке. Можно было не сомневаться, что воды в ней поубавится.

Некоторые кочевники скакали в стороне от основного потока, но это были не дозорные, а охотники. Ордынцы никого не боялись. Их было много. Тысячи. И каждый мужчина – воин.

– На Таган пойдут? – обеспокоился Духарев.

– Нет! – уверенно ответил Машег. – По реке. Здесь вода и трава хорошая. Таган – не на их земле. Туда не пойдут.

– Да? – удивился Сергей. – А я думал: орды ходят где хотят.

Машег покачал головой:

– У каждого племени – своя земля. По эту сторону реки – земли народа гила. Это не гила, это цур. Сильное племя. Но Куркутэ тоже сильный. Узнает – обидится. Гила и цур – в мире.

– А этот, Албатан?

Машег пожал плечами.

– Цапон за Доном кочует, – сказал он. – Если попадутся этим – могут и побить. Как хан решит.

Орда приближалась. Медленно.

– Может, рискнем? Проскочим? – предложил Понятко.

Устах и Машег одновременно покачали головами.

– А если просто так подойти? – предложил Гололоб. – Отдадим часть серебра...
– Часть? – Машег захихикал, и Гололоб смутился.
Ясно, что глупость сказал.
– Как думаешь, на наш берег перейдут? – спросил Духарев.
– Конечно, – ответил хузарин. – Эту речушку суслик перепрыгнет. Надо отходить, Сергей!
– Назад нельзя! – запротестовал Гололоб. – Там же этот, Альбатон!
– Албатан, – поправил Машег. – Что будем делать?
Все поглядели на Духарева.
– Рискнем, а? Проскочим? – снова предложил Понятко.
– Один раз уже проскочили, – буркнул Серега и мрачно глянул в сторону речки. – Ладно, двинулись. Ждать будем – вообще пропадем.
Первые печенег уже выехали на противоположный берег.
Гуськом, повторяя петли оврага, цепочка варягов двинулась прочь. Через некоторое время, удалившись достаточно далеко, чтобы не слышать шума орды, варяги высунули носы из оврага...
И сразу увидели впереди слева несколько игрушечных фигурок. Всадники.
«Сто против одного, что это Албатановы парни!» – подумал Духарев.
– Они нас не видят, – спокойно произнес Машег. – Но их мало. Будем биться?
– Это дозор, – сказал Духарев. – Уходим!
И они побежали.

Когда Серега Духарев еще учился в школе, ему прочили большое будущее. Все, кроме учителя физики. Хотя и по физике у Сереги тоже были твердые пять очков.

«Способный, да, – соглашался физик, бородатый дядька, водивший их по выходным в походы под Комарово и громко распевавший песни горожан-отпускников, именуемые почему-то бардовскими. – Способный, но ленивый».

С физиком не соглашался никто. Учился Серега прекрасно, сделал первый разряд по биатлону, участвовал во всяких олимпиадах. Назвать такого парня ленивым мог только душевнобольной, полагали взрослые. Но Серега знал, что физик прав. Все, что делал Духарев, он делал исключительно ради удовольствия. Не важно, пер он вперед по трассе, палил в тире или читал Писарева. Удовольствие или предвкушение удовольствия делали приятными и физические, и умственные усилия. Как только этот стимул пропадал или появлялась какая-либо другая, более привлекательная цель, Серега даже и не пытался заставить себя делать что-либо в менее интересном направлении. Какой смысл? Так он дважды вылетал из универа. Первый раз – из-за веселой жизни, раскручивавшейся вне учебных аудиторий. Второй раз – вдруг осознав, что от желанной цели его отделяют годы, не сулящие ничего, кроме упорных усилий ради довольно неопределенного будущего. А ведь это было уже после армии. Армии, где Духарев вынужденно научился делать то, что не хочется. Правда, это был немного другой Серега Духарев. Не тот, который жил, а тот, который выживал. Первый, способный, но ленивый, не совершал никаких действий, если у него не было желания их совершать. Второй не совершал ничего сверх необходимого. И когда появлялся второй, первый тут же тушевался и уходил на второй план, как шпаненок-семиклассник при появлении старшего брата-спецназовца.

А теперь кроме этих двух, появился еще и третий. Личность этого третьего, уже не бойца, а воина, заложил еще старый Рёрах. Прошло два года, и этот третий вырос и сформировался настолько, что в нужный момент брал лидерство и легко задвигал второго.

Овраг протянулся еще на версту, а потом плавно сошел на нет... И варяги увидели прямо перед собой тот самый разъезд печенегов. На этот раз их, несомненно, заметили!

Численность с обеих сторон была примерно одинакова, и оба отряда без раздумий устремились навстречу друг другу. Варяги даже не успели пересест на боевых коней.

Печенеги визжали во все горло, привлекая своих.

Варягам ждать помощи было неоткуда.

Машег и Понятко, опередив остальных, уже с двухсот шагов принялись метать стрелы. До рукопашной не дошло. Четверо печенегов полетели в траву, двое, развернув коней, резво понесли прочь.

А с холма уже скатывались главные силы Албатана. Теперь варяги развернули лошадей и пустились наутек. К несчастью, конь Гололоба угодил ногой в сусличью нору и упал. Всадник полетел через его голову и остался лежать. Машег и Духарев одновременно осадил коней. Лошадь Гололоба билась в траве, пытаясь подняться. Животному это не удавалось, а вот человек с трудом, но поднялся. Правая рука его висела плетью.

Печенежья стрела пропела в воздухе и нырнула в зеленую щетку травы, не долетев.

Духарев подскочил к Гололобу, подхватил и, крикнув от усилия, перекинул через холку коня. Тот всхрапнул и даже как будто просел под двойной ношей, но, повинувшись всаднику, пошел галопом. Машег скакал рядом, придерживая своего жеребца. Расстояние между ними и печенегами сокращалось, но медленнее, чем ожидал Духарев. Жеребец под ним хрипел, но держал хороший темп. Сергей знал, что животное протянет еще несколько минут, не больше. Он засвистел, призывая Пепла.

Серая волна степняков скатилась с холма. Духарев слышал визг всадников и топот сотен копыт. Печенеги настигали, но медленно, очень медленно, и у Сергея появилась надежда, что они все-таки оторвутся... И в этот момент его конь пал...

Глава тридцать четвертая

Албатан. Удачное утро для печенежской охоты

Передовые разъезды Албатана выехали к речке позже варягов. И тут же помчались назад. Встреча с чужим кланом не сулила им ничего хорошего. Но хана новость обрадовала. Он был уверен, что преследуемые тоже не сунутся под колеса и копыта кочевья. Тем более – с таким кушем в переметных сумках. Теперь-то Албатан точно знал, что деньги, о которых говорил пленный хузарин, – существуют. Старик-таганец не скрыл, что больше десятка варяжских коней навьючены лишь парой небольших переметных сумок каждый, таких тяжелых, словно набиты камнями или железом.

О, Албатан знал, что там не камни!

При мысли о золоте, которое везет дюжина вьючных лошадей, хан испытывал большее вожделение, чем испытал двадцать зим тому назад, когда, еще мальчишкой, вошел в брачный шатер к своей первой жене.

Узнав о чужой орде, Албатан засмеялся, удивив своих воинов. И велел повернуть на запад.

Множество разъездов рассыпалось по степи. Передовые растянулись дугой, подобно волчьей стае, загоняющей тарпана.

Албатан рассчитал точно. Преследуемые выскочили из распадка прямо на его воинов.

Хан скакал впереди, но не первым. Хотя его конь был проворней, и Албатан легко мог обогнать своих воинов. Нет, хан не позволял азарту погони овладеть им. И строго велел своим не увлекаться, держаться вместе. Он не забыл, какую хитрость применили враги во время первого нападения, и не желал падать дважды в одну и ту же яму. Больше не будет одиночных перестрелок. Как только расстояние станет подходящим для выстрела, в воздух разом поднимутся сотни печенежских стрел. Пока же Албатан разрешил бить только лучшим стрелкам и целить не в наездников, а в коней. Хану очень хотелось захватить варягов живьем. Во-первых, чтобы узнать, не зарыли ли они часть золота, во-вторых – чтобы порадовать бога, которого он возил в сумке. Бог заслужил много радости, поскольку принес Албатану удачу. И продолжал помогать. В этом хан был уверен. Разве не упала лошадь одного из преследуемых? Разве у его друзей не появилась глупая мысль выручить неумелого наездника?

Сам Албатан никогда бы не стал рисковать своей жизнью и тем более золотом ради одного-единственного воина. Воистину эти варяги – глупцы.

У хана было превосходное зрение. Он видел, как скачет перегруженный конь, и знал, что он вот-вот свалится. У Албатана было сильное искушение дать волю собственному жеребцу... Но хан прогнал искушение. Варяги и так почти у него в руках. Нет, торопиться не следует. Албатан еще раз убедился в этом, когда увидел в открывшейся низинке сбившихся вместе вьючных лошадей и с ними нескольких всадников. Эти глупцы, вместо того чтобы бежать с деньгами, ждали. А один даже поскакал к отставшим, увлекая за собой заводную лошадь. И еще один конь сорвался с места и поскакал.

И тут лошадь, несущая двоих, внезапно перешла с галопа на вихляющийся шаг и еще через мгновение медленно осела на бок.

Гололоб упал на сломанную руку, вскрикнул и потерял сознание.

Сергея не сумел его поддержать, но сам соскочил аккуратно.

Машег завертелся рядом.

– Беги! – крикнул ему Духарев, но хузарин только засмеялся. Он поднял лук, прищурился, выискивая самого проворного, но печенег скакали не по обычаю, а единой массой, и Машег послал стрелу наугад. Вероятно, он не промахнулся, но одна или даже десять стрел не остановили бы сотню всадников.

Духаревский Пепел подлетел к хозяину, опередив на двадцать прыжков Понятку с заводной. Подлетел и стал как вкопанный, раздувая ноздри и глядя на накатывающуюся живую волну.

Варяги были уже в пределах досягаемости хорошего стрелка, но степняки не стреляли. Зато начали растягиваться вширь.

«Живьем хотят взять! – весело подумал Машег. – Ну, ну, попробуйте!»

Еще он подумал о том, что надо бы успеть прервать жизнь Элды раньше, чем прервется его собственная. Женщине, с которой позабавится сотня печенегов, не позавидуешь. Мужчине, впрочем, тоже.

Духарев на приближающихся врагов даже не взглянул.

Поднатужившись, он вытащил Гололоба из-под павшей лошади и хлопнул по сломанной руке. Как он и предполагал, Гололоб, потерявший сознание от боли, от боли же очнулся.

Сергей поднял его на ноги.

– Держись, варяг! – крикнул он и хлестнул Гололоба по щеке.

Мутные от боли глаза немного прояснились.

Подскакавший Понятко спрыгнул с седла. Вместе с Сергеем они кое-как взгромоздили Гололоба на лошадь.

– Бери его и скачите туда! – Духарев махнул рукой на юго-восток.

– Понял! – Лучший – и последний – разведчик Сереева десятка подхватил повод несущей Гололоба лошади и поскакал прочь.

Сергей вскочил на Пепла. Жеребец прыгнул вперед и тут же шарахнулся в сторону, услышав взвизг стрелы. Печенег наконец начали стрелять, но то были одиночные стрелы, и все они ложились низко и мимо, потому что стрелки боялись задеть всадников.

Духарев повернулся, поглядел назад. Печенег были уже так близко, что можно было разглядеть отдельные лица, разъяренные в вопле рты.

«Эх! – подумал Духарев. – Будь у меня хоть пара дюжин стрелков, я бы вам дал просрать!»

Конечно, он понимал: будь их две дюжины, а не двое – печенег тут же рассыпались. Это же степь – места хватает.

Среди свирепых рож степняков Сергею вдруг бросилась в глаза одна, знакомая. Ну точно! Тот самый, из сна. Который командовал допросом пленника-хузарина. Вожак!

Мелькнула шальная мысль: если я его завалю, вдруг остальные отстанут?

Духарев выхватил из колчана стрелу, крикнул:

– Машег! Глянь на копченого с волчьим хвостом на шапке!

– Да у них половина с волчьими хвостами! – крикнул в ответ хузарин.

Спущенная тетива хлестнула по наручу. Серегина стрела ушла вверх. Через несколько мгновений один из степняков дернулся в седле: стрела прошила ему плечо. Другой степняк, не тот, в кого целил Духарев. Вторая стрела тоже не попала в цель.

– Видишь, ну? – закричал Духарев.

– Вижу! – Хузарин сообразил, в кого метит Сергей.

Щелк!

Машегова, оперенная перьями цапли, особая, с голосом, стрела взмыла ввысь и...

Печенежский вожак махнул круглым щитом и отшиб визжащую смерть не хуже, чем это сделал бы варяг. И тут же потерялся среди своих воинов.

Между тем расстояние, отделявшее преследователей от преследуемых, снова начало увеличиваться.

Устах, увидев это, уже скакал прочь, гоня перед собой остальных лошадей. Элда ему помогала. Не слишком умело.

Когда Машег с Сергеем поравнялись с ними, табунок поскакал проворней. Но печенеги шли за ними, не отставая.

За Поняткой и Гололобом погони не было.

Хузарин вдруг ловко развернулся в седле задом наперед.

Конь его, ничуть этим не смущенный, продолжал идти ровным галопом, не отставая от остальных и не обгоняя, хотя мог бы.

А Машег поднял лук... И показал себя. Сравнить его с обычным стрелком – все равно что сравнить пулемет с винтовкой Мосина. Туго набитый колчан опустел за минуту. Тетива стучала, как взбесившийся метроном. Это было нечто невообразимое. Один... Один (!) воин заставил рассеяться целую сотню врагов! Нет, печенеги не повернули назад, просто рассыпались в стороны. И самую малость сбавили темп, сообразив, что в первую очередь вылетают из седла те, кто впереди. Расстояние между ними и варягами увеличилось.

Машег засмеялся и сильным толчком вернулся в нормальное положение. Он был очень доволен. Не в последнюю очередь оттого, что поймал восхищенный взгляд Элды.

Устах вытянул из своего колчана толстый пук стрел и протянул опустошившему свой сак хузарину. Машег взял, но использовать их сразу не стал. Печенеги вытянулись дугой и отставали шагов на четыреста. Чтобы на такой дистанции, на скаку снять одинокого всадника, даже Машегу потребовалось бы очень много стрел.

Глава тридцать пятая, в которой Серега Духарев неожиданно узнает о том, что его считают мудрым

Они уходили на запад, меняя аллюр с галопа на шаг и снова с шага на галоп. Скакали до первых звезд, хотя еще на закате миновали пересохшее русло маленькой речушки. Песок на дне был влажный – под ним оставалась вода. Это было хорошее место для ночлега, но варяги не могли остановиться на виду у преследователей.

А вот печенеги остановились. Но не все. Часть продолжала погоню.

– Может, оставить им пару мешков с серебром? – предложил Устах.

Синеусый варяг устал от дневной жары и долгой скачки. Он то и дело прикладывался к фляге. Но позволял себе не более глотка: воду приходилось экономить.

– Рассыпать серебро по траве – пусть пособирают? – предложил Устах.

– Нет, – коротко ответил Духарев.

Он тоже вымотался. В их компании только Машег казался бодрым. И по мере сил подбадривал остальных. Особенно Элду. А нурманка держалась куда лучше, чем рассчитывал Духарев. Скакала наравне с мужчинами. Вот только менять коней на ходу не

умела, приходилось останавливаться. Хузарин неизменно оказывался рядом, подставлял под сапожок сцепленные руки, придерживал стремя. Еще раньше он подобрал для женщины лошадей с самой ровной рысью. Поначалу нурманка от помощи гордо отказывалась, но потом смирилась. К вечеру ее не привычные к долгой езде мышцы настолько одеревенели, что Машег буквально вынимал ее из седла. Но Элда не жаловалась, и варяги это оценили.

Когда на небе выпали звезды, преследователи повернули назад. Преследуемые рискнули сделать только короткий привал.

– Машег, сколько нам примерно до тракта? – спросил Духарев.

Хузарин подумал немного:

– До ближайшего колодца – стрелищ семьдесят-восемьдесят, – уверенно ответил он.

Рожденный в степи, хузарин железно «держал» направление.

Теперь задумался Сергей.

Возвращаться на тракт было рискованно.

Духарев прислушался к своим ощущениям: когда нет иного выхода, стоит довериться интуиции.

Но интуиция молчала.

– Идем на тракт! – решил Сергей, и они снова полезли в седла.

Примерно через час под копыта коней легла ровная твердая дорога. Еще через полчаса Духарев командовал:

– Стой!

Впереди, отражая лунный свет, белел плоский камень, прикрывающий горло колодца.

Вдвоем с Устахом они отодвинули камень. В черной яме серебром блеснула вода.

Теперь можно было устраиваться на ночлег.

Первым нести стражу выпало Духареву. Элда и Устах моментально уснули, а вот Машег лечь не торопился. Сидел на свернутом войлоке, глядел на звезды. Духарев-командир бодрствования хузарина не одобрял. Если по расписанию бойцу положено спать – должен спать, а не на звезды пялиться. Но Духареву-дозорному общество товарища было приятно.

Как ни странно, несмотря на тяжелый день, Серега не чувствовал себя вымотавшимся. Когда уходили от погони, он впал в некое дремотное состояние: полусон-полубодрствование. Темп отряду задавал Машег, и как только лошади переходили на шаг, Серега тут же растворялся в жаре и мерном покачивании конской спины. Тело само предпринимало нужные усилия, чтобы не вывалиться из седла. И эти усилия были минимальны. Это было вроде экономного дыхания в поединке. Этот неожиданный подарок организма Серега в полной мере оценил только сейчас. И очень сильно подозревал, что Машег тоже владеет подобным искусством, иначе как он ухитряется оставаться бодрым после целого дня в седле? Да еще в полном доспехе и под палящим солнцем.

Духарев уже собрался спросить его об этом, но Машег сам задал ему вопрос.

– Вот скажи, Серегей, – тихо проговорил он. – Ты видишь будущее, когда захочешь или когда на тебя от Бога нисходит?

– Скорее второе.

– Жалко, – хузарин вздохнул. – А то я бы тебя попросил посмотреть кое-что... Про нас. В будущем.

– Ты думаешь, я бы сам не посмотрел, если бы мог? – отозвался Серега.

Машег снова вздохнул. Часто он вздыхает. Раньше за ним подобного не замечалось. Что-то с благородным хузарином не то...

– Давай, выкладывай, – подбодрил его Духарев. – Что там у тебя?

– Да, понимаешь... Это касается Элды...

Еще один вздох.

– Да? А мне показалось, у вас все ладится.

– Да, в общем, – Машег опять вздохнул. – Ладится, да. Но, понимаешь, я сначала ее не понимал. Думал: красивая баба, страстная...

– А разве нет?
– Да... Да, все так. Только... Она другая. Не такая, как я думал поначалу.
– Ну, брат, ты даешь! – сказал Сергей. – Много у тебя было женщин, которые оказывались такими, какими казались?

Машег не ответил.

Прошла минута, другая...

Между небом и землей лежала душно-теплая ночь. Степь была словно огромный зверь. Она дышала, и у ее дыхания был свой, особый, неповторимый запах. Земля казалась живой под сухой шерстью травы. А все, что на ней: люди, звери – вроде насекомых на бычьей спине. Земля была теплой, а звездное небо, наоборот, холодным и пугающим. В такие минуты Серега понимал, почему небесные боги кочевников свирепее и мстительнее богов земных. И для него, кочевника не только пространств, но и времени, эти холодные небеса были еще более пугающими. Как там говорил парс? «Звезды тебя не знают». Чужие звезды...

Машег что-то сказал, и Духарев очнулся.

– ...У меня, Серегей, было много разных женщин, – говорил хузарин. – Всяких... Но все не такие, как она. А Элда... Ей трудно было, Серегей. С мужчинами трудно, а с женщинами – еще труднее. Ее битья учили – как мужа. А у нее душа нежная, словно птенец перепелки.

Машег еще раз вздохнул и добавил:

– Я думаю, ее мне Бог послал, Серегей!

– Или тебя – ей? – заметил Духарев.

– Или меня – ей, – повторил Машег. И добавил после паузы: – Сердце у меня болит, Серегей. Что с нами будет? Что будет с ней? Страх во мне теперь, брат. Раньше такого не было. Раньше у меня не было Элды – только Бог был и честь родовая. Ни Бога, ни честь отнять нельзя, Серегей. А ее – можно. Раньше я смеялся в глаза смерти. Бог сотворил нас смертными. Мы должны умирать. Иначе как бы мы возвращались к своему Творцу? Смешно избраннику Господа бояться Небесного Отца! А теперь я боюсь, Серегей! Боюсь умереть... Я уйду, а что тогда станет с ней? Что сотворит с ней этот мир, когда я уйду? Навсегда уйду, Серегей! Ты мудр, подскажи, как мне с этим жить?

– Я – мудр? – изумился Духарев, но Машег словно не услышал.

– Подскажи, Серегей! Не умею я так, со страхом внутри. Он силу мою точит. Стыдно мне! Отец мой не ведал страха. И дед. Боюсь я и того, что кровь свою опозорю! Честь моя. Бог мой... и она. Когда я спрашиваю у души своей: что ей дороже? «Она!» – отвечает душа. И это правда! Стыдно мне, Серегей! Мы с тобой от одного Бога, Серегей! И одна у нас Первая заповедь: возлюби Господа более себя самого! Ужель я предаю Бога моего? Скажи мне!

Серега придвинулся ближе, обнял хузарина, как обнял бы младшего брата.

– Ты ее любишь, – сказал он. – Любовь – от Бога. И ты любишь в ней Бога, Машег. Чего тут стыдиться? И бояться не надо. Не вечно же она будет делить с тобой жизнь воина! Мы выкарабкаемся, привезешь ее домой, там она будет в большей безопасности. И твой страх уйдет.

– Нет, – качнул головой хузарин. – Нет, Серегей, не сможет она у меня дома жить, по нашему уставу, с женами моими, с матерью. У нас обычаи строгие. Не станет она – по-нашему. Другая она. Не станет. И не сможет.

– Тогда посели ее у нас: в Переяславле, в Киеве...

– Может быть... – задумчиво произнес хузарин. – Но знаешь, чего я хочу?

– Да?

– Пусть она со мной будет. Всегда. И здесь, в поле. Научу ее из лука стрелять, с конем дружить научу. Станет воительницей не хуже Мисюрка.

– Мисюрок мертв, – напомнил Духарев.

– Значит, она будет лучше.

– Хорошо, – не стал спорить Сергей. – Но тогда я не понимаю, в чем трудность? Будет она воительницей. Будет с тобой рядом драться. Ну и отлично!

– Да,– вздохнул хузарин.– Этого я и боюсь. А если меня убьют? Если она тем же печенегам добычей станет? Вот она говорит: муж ее прежний оборонить не сумел. Он мог ее с собой в Валхаллу взять, но не взял. А я? Моя душа к Богу истинному уйдет. А ее? Что будет с ней? Боюсь я, Серегей!

– Так,– сказал Серега.– Ты сам же сказал: Бог ее тебе дал. Верно?

– Верно.

– Разве Бог дает что-то просто так?

– Нет, наверное...

– Значит, встретились вы не случайно. И отсюда вывод: чему быть, того не миновать. Живи, радуйся, но не забывай, сколько у тебя врагов. И Бог вас не оставит!

– Но она язычница, Серегей!

– А это уже твои трудности! – Серега убрал руку с плеча хузарина, потянулся, хрустнув суставами.– Уговори ее стать иудейкой, – сказал он.– Женщинам, как я понимаю, это проще. И резать ничего не надо! – Серега засмеялся.

В ночной степи его смех прозвучал почти кощунственно.

– Уговорить ее будет нелегко,– задумчиво произнес Машег.

– А кто сказал, что будет легко? Сама-то она как к тебе относится?

– Говорит: я лучший мужчина, чем ее бывший муж.

– Да? И когда это вы успели?

– Вчера. На речке.

– Ну ты крут! – восхитился Духарев.

– Да не в этом дело! – отмахнулся хузарин.– Вчера она моей больше от обиды стала. На тебя она обижена была. Ты мужу ее обещал принять как жену, а не принял. Вот она от обиды – со мной.

– И что, она по-прежнему считает, что я должен взять ее в жены? – Серега даже испугался.

– Уже нет, – восстановил его спокойствие хузарин.– Во-первых, я ей объяснил, что ты – христианин. Одна жена у тебя уже есть, а второй – не положено. А во-вторых, я сказал... – Машег хихикнул,– ...что я – лучший воин, чем ты, потому что лучше меня я в степи воина не встречал. Она нурманка, Серегей. Дикарка. Сила для нее – превыше всего.

– Это верно,– согласился Духарев.– От скромности ты не умрешь,– Серега усмехнулся.

– А это так и есть,– спокойно ответил хузарин.– Лучшего воина я в степи не встречал. Встречу – сразу узнаю.

– Интересно, как?

– Он меня убьет.

Глава тридцать шестая, в которой Серега в очередной раз видит скверный сон

Когда пришла Серегина очередь отдыхать, он завернулся в попону, лег на бочок, положил под голову седло, расслабился, очень надеясь, что ему приснится что-нибудь «вещное», полезное.

Вместо этого ему приснился Питер. А может, даже и не Питер, потому что место было совсем незнакомое, из окна открывался вид на замызганные пятиэтажки, пахло пылью и мазутом.

Серега сидел за широким столом; справа – компьютер и факс, слева – пепельница и здоровый рыхловатый мужик с папиросой в зубах. Сергей тоже затаился и стряхнул пепел. Жест был привычный.

«Я же не курю!» – подумал он с удивлением.

Рыхловатый глянул на часы, сказал:

– Счас придут. Он любит так: чтоб минута в минуту.

Сергей раздавил в пепельнице сигарету и тоже поглядел на часы. Без двух шесть.

Часы были тяжелые позолоченные, или, возможно, сплошь золотые, на пальце – золотой литой перстень, а на запястье – цепочка. Похожая на ту, что носил Духарев-варяг, только эта, из сна, была полегче, и работа поглубже – серийный продукт.

С монитора весело скалились две голые сисястые девки. В обнимку. Краски были настолько яркими, словно бы и не сон это, а явь. Но Серега, как ни странно, точно знал, что спит.

За дверью раздались шаги, и наручные часы Духарева немедленно запиликали, отмечая очередной час.

Вошедших было трое. Вошли, не здороваясь. Двое тут же направились к столу. Один, сдвинув пепельницу, уселся на край, второй развернул стул и взгромоздился верхом, сложив на спинке мускулистые разноцветно татуированные руки. Третий, в больших зеркальных очках, расположился поодаль, в углу, в кресле рядом с кадкой, в которой умирала волосатая пальма.

– Короче,– буркнул тот, что сел на стул.– Вы наварили на нашем поле сорок восемь штук. Их надо отдать. И штраф – еще двадцать. Сроку вам – неделя.

Духарев пробарабанил пальцами по столу.

– И только-то? – произнес он.– А потом?

– А потом вали отсюда на хер! – гаркнул тот, что расположился на столе.

– Мы не сможем столько заплатить,– сказал рыхлый.– Может, штук тридцать-тридцать пять... Больше у нас нет...

Духарев недовольно покосился на него. Этот здоровый мужик явно трусил, даже вспотел от страха. Ну и сидел бы, не открывая пасть.

– Нет, ты, типа, не понял? – деланно удивился тот, что на столе.

– Тебе конкретно сказано, а ты, типа, не понял? А если я тебе сейчас – по ушам? – Он наклонился вперед, навис над рыхлым. Тот подался назад, втянул голову в широкие плечи...

– Это я не понял,– медленно проговорил Духарев.– У нас разговор – или как?

Он уперся взглядом в глаза того, что сидел на стуле.

«Я тебя сделаю!» – говорил этот взгляд.

Татуированный не выдержал, покосился на мужика в зеркальных очках. Тот молчал.

– Разговор,– сказал татуированный.– Пока разговор.

Второй, на столе, тут же откатнулся назад, но продолжал с угрозой смотреть на рыхлого. Духарева он как будто не замечал.

– Мы предъяву сделали,– сказал тот, что на стуле.– Вам сказано, когда и сколько. Счетчиков не будет. Не заплатите через неделю сколько сказано, отдадите все. И яйца в придачу.

– Я испуган,– спокойно сказал Духарев.– Видишь, как у меня руки дрожат? – он положил на стол здоровенные кулаки.

– Ах ты...– начал было тот, что на столе, но осекся, когда открыл рот татуированный.

– Не хочешь платить, не юли, так и скажи,– теперь он обращался непосредственно к Духареву.

– Не хочу,– подтвердил Сергей.– Это наши деньги, нами заработанные, до последнего бакса. Где ты был полгода назад, когда мы поднимали эту тему? Пришел бы и сказал: это мое, я сам буду делать? Почему не пришел?

– Не твое дело!

– Да ну? А я тебе скажу! Потому что сами бы вы шиш с маслом подняли бы!

– Значит, ты платить не будешь? – злобно прошипел татуированный.

– Я тебе сказал: это мои деньги! – с холодной яростью ответил Духарев.– Хочешь пятьдесят штук – иди и заработай!

– Нет, я этому лоху сейчас все мозги вышибу! – заорал тот, что сидел на столе, выхватывая ствол и размахивая им у Духарева перед носом.

Серега брезгливо отпихнул ствол.

– Сейчас,– буркнул он.– Прямо из лицензированного ствола.

– Он меня не знает! – злобно процедил обладатель пистолета. Но размахивать оружием перестал.

– Не пятьдесят, – уточнил татуированный. – Шестьдесят восемь. Через неделю. Но можно – раньше. Лучше – раньше.

– А за базар? – возмутился тот, что на столе. – За базар еще пять штук!

Духарев встал. Теперь уже он возвышался над всеми.

– А ну слезь со стола! – скомандовал он. – И спрячь волюну, пока не бабахнула.

Бандит слез со стола, сунул пистолет в кобуру... и вдруг схватил компьютерный блок и швырнул на пол. Монитор щелкнул и погас.

Бандит с вызовом поглядел на Духарева, Духарев ухмыльнулся.

– Арендовано, – сказал он. – И застраховано. Всё. Так что бомбы кидать не надо: не мое имущество. Вам пришлют счет. – Сергей с вызовом поглядел на того, что в углу. Зеркальные слепые очки раздражали.

– Лучше бы вам от меня отстать, – сказал Духарев. – Денег все равно не будет, а проблемы будут, это я обещаю!

Человек в зеркальных очках медленно поднялся. На нем был дорогой, отлично сшитый костюм и со вкусом подобранный галстук. Но лицо того красноватого оттенка, какой появляется у бомжей к началу лета.

– Нет, господин бизнесмен, – сказал он. – Я от тебя не отстану.

И снял очки.

И Серега ощутил холодок страха. Впервые за весь этот диковатый сон.

У человека в отлично сшитом костюме было лицо Албатана.

Глава тридцать седьмая

Ловушка

Сергей проснулся. Сна – как не бывало. Вокруг шумно паслись кони, скрежетали цикады, ухала какая-то птица.

«Тиха украинская ночь...» – вспомнились слова классика. Значит, тиха. Ну-ну...

Духарев прижал ухо к земле. Земля молчала. Это хорошо. Серега пошарил рядом: меч на месте. Это тоже хорошо. А что плохо?

У груды тюков шевельнулся темный силуэт Машега.

– Спи, рано еще, – шепотом произнес хузарин.

– Спи ты, – прошептал в ответ Сергей. – Я покараулю, выспался.

Хузарин не заставил себя уговаривать: развернул войлок и тут же отрубился.

Духарев поглядел вверх. Звезд было много, и все они были знакомы. Для большинства из них он знал только местные имена. В прежнем своем мире он не интересовался астрономией. Мог опознать разве что ковш Большой Медведицы, именуемой здесь Лосихой, хранилищем Небес, – прошу не путать с обычным небом, где плывут облака и летают птицы!

Черное небо не было плоским. Оно было огромной воронкой, и звезды были искрами в ее толще. Серега глядел в это небо до того, как уснул. Сейчас, проснувшись, он изменился. Но небо осталось таким же. Стоило запрокинуть голову – и бесконечный черный омут тут же начинал мощно тянуть вверх. Оставаясь с ним один на один, человек переставал осознавать себя человеком. Так можно было стать богом. Или сойти с ума...

Сергей не без усилия вынырнул из звездной пучины. Или, скорее, она сама отпустила его. Чернота утратила абсолютную глубину. Звезды потускнели...

Духарев снова окунулся в знакомые звуки: хрупанье травы, перемалываемой лошадиными зубами, писк пойманной мыши, дыхание спящих друзей...

Серега ощутил укол вины. Ему следовало нести стражу, а не нырять в звездный океан.

Но ощущение тут же ушло, когда Духарев шевельнул плечами и даже удивился, каким легким, отдохнувшим стало тело. словно не было двухнедельной гонки, схваток,

изматывающего беспокойства... Несколько часов сна явно не хватило бы на подобное восстановление сил. Сначала – бодрость после многочасовой скачки. Теперь – абсолютная бодрость после трех часов сна. Будто таблетку фенамина заглотил. С чего бы такое?

Размышляя над этим, Духарев чисто механически наклонился, прижал ухо к земле...

И в следующий миг ему стало не до самокопания.

Под мокрой от росы травой, в твердом теле земли ощущалась знакомая грозная дрожь. Погоня!

– Подъем, – негромко произнес Духарев, и Устах с Машегом, которым не помешал заснуть даже оглушительный скрежет цикад, тут же проснулись от тихого голоса Сергея.

– Они идут, – поделился новостью Духарев.

Устах кивнул, окунул лицо в траву и растер ладонями влагу: умылся.

А Машег тотчас приник к земле...

– По тракту идут, – сообщил он с явным беспокойством.

И положил руку на плечо спящей нурманки.

– Элда! Печенег!

Женщина проснулась, потерла кулачками глаза, встала, отошла в сторонку...

Устах с хаканьем вскидывал на спины коней тяжелые сумы. Духарев предложил ему кусок зачерствевшего пирога, но синеусый варяг мотнул головой: успеется.

Элда треснула своего коня в брюхо, затянула подпругу, но Машег тут же вмешался, отпустил ремень на пару дырочек, пояснил:

– Ему тоже дышать надо.

Нурманка спорить не стала, забросила седло на заводного...

Тьма таяла. Где-то на востоке, еще далеко, уже поднимался к горизонту алый шар солнца. Подгоняя его, залилась трелью птица.

Духарев обулся, подумав, натянул и кольчугу, вынул из кожаного чехла панцырь, приспособил поверх седельной сумы, чтобы в случае чего надеть побыстрей.

Машег в последний раз припал к земле, поцокал языком: близко.

– Марш, – негромко скомандовал Духарев, и они тронулись. Первыми – Машег и Элда. За ними – Сергей. За Сергеем – вереница выючных. Устах – замыкающим.

Спустя полчаса, когда дорога начала мягко изгибаться вокруг пологого холма, за спинами варягов вынырнул из-за края земли красный край солнца. Почти сразу же они увидели, как движется по желто-зеленому морю редкая цепочка всадников. Двигается им навстречу!

И тут же сзади раздался предупреждающий крик Устаха.

Сергей оглянулся и увидел точно такую же цепочку позади. И справа.

Духарев выругался. Хитрый степняк обвел их вокруг пальца!

Не дожидаясь команды, Элда развернулась и нацелилась двинуть вверх по склону, но Машег поймал узду ее коня.

– Серегей?

Духарев поглядел на пологий склон... И покачал головой. Слишком похоже на ловушку.

Подъехал Устах, сгрудились вокруг кони...

Сергей прикидывал. Между теми, кто справа, и теми, кто впереди, оставался приличный просвет. Успеем или не успеем?

Собственно, выбирать было не из чего, и он махнул рукой:

– Туда!

Кони сорвались в галоп.

Устах и Сергей на скаку натягивали панцыри, Машег скакал позади Элды, время от времени подхлестывая ее коня.

Сначала они скакали по дороге. И когда уже можно было видеть, что враги впереди придерживают коней и готовятся взяться за луки, Духарев свистнул, и маленький отряд резко свернул вправо и понесся на прорыв.

Печенеги тут же устремились на перехват. Запели стрелы. Только одна попала в цель, пробив горло последней выючной. Устах вовремя успел рассечь повод. Раненая лошадь осталась биться на земле, но остальные продолжали отчаянную скачку. Печенеги перестали стрелять.

Кони варягов были свежее, и всадники уже не жалели их, потому что быстрота решала все. Трава хлестала по мелькающим ногам коней. Летела белая пена...

Они вырвались из ловушки!

Печенеги разом испустили леденящий душу визг, но от этого прыти у варяжских коней не убавилось.

Элда, ликуя, взглянула на скачущего рядом Машега, но, взглянув, сразу перестала радоваться. Хузарин, подхватив повод ее заводной лошади, не сбавляя темпа, умело подводил ее к коню нурманки.

– Прыгай! – закричал он. – Ну! Давай же!

Элда приподнялась в седле. Внизу стремительно неслась земля. Лошадиные спины раскачивались, как скамьи драккара в штормовую ночь. Элда, которая, не моргнув глазом, сбежала бы на берег по гребному веслу, зажмурилась...

– Прыгай! – пронзительно выкрикнул Машег.

Конь Элды, весь в мыле, тянул из последних...

– Прыгай!

Элда, взвизгнув не хуже печенега, как в омут, бросилась на соседнее седло. Железные пальцы Машега не позволили заводной прыгнуть в сторону. Нурманка выпрямилась, лоя стремена.

– Получилось! У меня получилось! – закричала она. – Ой! Щит!

Ее прежний конь, избавившись от всадника, сразу перешел на шаг и отстал.

– Брось! – Машег хлестнул ее лошадь по крупу. – Вперед!

Они вырвались, но бешеная скачка продолжалась. Один отряд печенегов висел у них на хвосте, другой несясь по дороге, заметно опережая, а третий скакал справа, отжимая варягов к тракту...

Враги были совсем близко, но луков не трогали. Они видели, что варягов только четверо, и вознамерились, так же как и вчера, взять их живьем.

«И, черт возьми, у них это может получиться!» – подумал Духарев.

Он знал, насколько ловко кочевники владеют арканами.

«Значит, будем драться!» – с ожесточением сказал он себе и потянул из чехла лук.

Увидев это, Машег тут же схватился за свой. И успел выпустить первую стрелу, опередив Духарева.

Степняк из правой группы, выбитый из седла, покатился по траве.

– Нет! – выкрикнул Сергей и выстрелил в одного из тех, что скакали по тракту.

Эти были дальше, но Духарев все равно попал в цель и ощутил мгновенную радость от удачного выстрела.

У Сергея начал складываться план. Совершенно отчаянный план. Такой же отчаянный, как их положение...

– Машег, туда!

Хузарин оскалился и одну за другой выпустил целых три стрелы. Только одна прошла мимо цели.

Печенеги на тракте привычно рассыпались и, разумеется, потеряли темп. Но сзади уже поспевал четвертый отряд...

– Прорываемся! – закричал Духарев, выпустив еще две стрелы. Мимо!

Он резко свистнул, подзывая Пепла, перемахнул в седло боевого коня и выхватил меч.

Замыкающий Устах лупил клинком плашмя выючных лошадей, гоня их вперед.

Машег, почти не целясь, одну за другой метал стрелы...

Печенеги (их оставалось человек восемь) кинулись в стороны, копыта жеребца ударили в утопанный грунт тракта. Слева удирал печенег. На расстоянии нескольких метров –

подпрыгивающая от скачки спина, железные бляшки на выгоревшей коже... Пепел наддал, сам. Серега привстал – взмах: меч свистнул, степняк пригнулся, но самый кончик клинка все же задел его шапку, разрубил ухо... Печенег завизжал... Духарев спиной уловил движение позади, пригнулся, припал к гриве коня, в точности как только что – печенег. Вовремя. Волосяная змея аркана прошла над головой, впустую хлестнула по тыльнику шлема. Еще один аркан взлетел над Элдой, но Машег успел сбить его правой рукой... И новая петля упала на него самого, захлестнув шею и левое плечо.

Печенег заорал и мгновенно осадил коня. Но Машег был не худшим наездником. Его конь тоже встал, и сплетенная из конского волоса змея тут же провисла, а подоспевший сзади Устах, крикнув, с хрустом вогнал клинок в печенегово плечо...

Сбоку выскочил степняк, кинулся наперерез Духареву, целясь ударить конем, как тараном. Пепел ловко развернулся, вскинулся на дыбы. Лошадь печенега шарахнулась, копыто жеребца въехало в грудь степняка, сбив в пыль и лошадь, и всадника...

Но темп был потерян. Варягов взяли в кольцо. Одна только Элда вырвалась и неслась теперь по свободному тракту.

Машег, скинувший петлю аркана, увидев подругу, уносящуюся прочь, радостно засмеялся, отправил лук за спину (колчан его был пуст) и взялся на гибкую саблю.

Глава тридцать восьмая Охота по-печенежски. Финал

Трое варягов съехались вместе.

Несколько степняков метнули арканы. Пустой номер. Змеиные петли были обрублены с ленивой небрежностью.

Ах, какое это было утро! Свежее, ясное, прозрачное! Чистый голос жаворонка, нежные, почти прозрачные облака. Золото солнца в небе и на полированной стали, игра мышц под лоснящимися шкурами коней. Ах, какое это было утро!

– Ну что, братья, будем умирать? – весело спросил Устах.

Белые зубы блеснули под синими толстыми усами.

– Ага! – так же весело отозвался Машег и еще раз глянул на дорогу, где пылила, уменьшаясь, одинокая всадница.

– Будем! – подтвердил Духарев. – Но, клянусь всеми степными богами, этим тоже мало не покажется!

Печенеги – их было человек двадцать – стояли кольцом. Один, самый храбрый, толкнул коня вперед.

Серегин меч, будто живой, обернулся вокруг запястья и снова вернулся в ладонь. Печенег отпрянул.

Печенеги, окружив их, нападать не спешили. Жаворонок пел. Носились кругами по степи навьюченные серебром лошади. О них не беспокоились. Победители всегда успеют их поймать.

Подоспел основной отряд.

Албатан, вожак, выехал вперед. Породистый конь, золоченая кольчуга, пушистый волчий хвост вокруг стальной круглой шапки. Духарев разглядывал скуластое коричневое лицо, ставшее таким знакомым, пытаясь угадать, в чем же слабость печенежского хана.

– Один на один? – предложил Сергей, поигрывая клинком. – Или ты трусишь, степная собака?

Хан мотнул головой. Понял.

– Я волк! – оскалился он. – Ты – собака! Сдавайся – и я оставлю тебе жизнь! Я даже оставлю тебе глаза и яйца! – Албатан осклабил еще шире. – Будешь подавать мне кумыс и чистить моих лошадей! Это хорошо для тебя, славянин!

Сказано было по-печенежски, но и Серега его понял.

– Где твои глаза, хан воров! – крикнул Духарев. – Я варяг!

– Мы – варяги! – поправил Устах.

– Мы – варяги! – звонко воскликнул Машег на языке печенегов. – Сын шакала, отродье свиньи! Где ты видел варягов, которые подают кумыс?

– Я их увижу! – пообещал хан, поигрывая гибким клинком, близнецом того, который сжимал Машег. – Я...

И, резко повернувшись, поглядел на запад. Оттуда, понукая коня, карьером летел всадник. Всадница! Элда!

Синие глаза хузарина расширились.

– Нет... – прошептал он, опуская саблю. – Нет... Зачем...

И тут он уловил, что к топоту лошади Элды примешивается отчетливый гул множества копыт...

– Хитрый пес! – процедил Духарев.

И тут же сообразил, что не прав. Если это очередная ловушка Албатана, то почему на его смуглой роже такая растерянность?

В правой руке у Сергея был меч, но левая была свободна и колчан открыт. Выхватив из него длинную стрелу с граненым наконечником, Духарев, будто дротик, с силой метнул ее в лицо хана.

В последний миг степняк успел отвернуть лицо, и стрела, нацеленная в глаз, попала двумя вершками ниже. Тяжелый наконечник порвал щеку и распорол язык Албатана.

Его соплеменники не успели отомстить. Их лица разом обернулись к западу, и тут же две сотни пятков ударили в тугие конские бока. А из-за поворота, там, где желтый степной тракт огибал мохнатую тушу холма, ошетились стальными перьями копий, вынеслись слаженные ряды всадников. Солнце разбрызгалось по островерхим шлемам, от топота копыт задрожала земля...

И печенеги – уже не вооруженный отряд, а перепуганная разбойничья шайка – бросив добычу и будущих пленников, сломя голову кинулись наутек.

И одним из первых, выдернув и швырнув в пыль варяжскую стрелу, скакал хитроумный Албатан, младший, хотя и не последний хан одного из пяти родов племени цапон. Скакал, не щадя и без того усталого коня. Скакал – и очень, очень печалился, что он – всего лишь младший хан, а не могучий глава клана. И за спиной у него всего лишь сотня всадников.

Элда подскакала к варягам и спряталась за ними. Варяги не побежали, подобно печенегам. Они устали бегать. Тем более – от своих.

– Русь! – громко сказал Машег и вложил в ножны саблю.

– Киевский князь с дружиной! – уточнил Духарев.

– С малой дружиной! – внес окончательную ясность Устах и тоже сунул меч в ножны.

Они посторонились, когда первая сотня поравнялась с ними и понеслась дальше, за уходящими степняками, не уделив внимания четверым всадникам.

– Пустое! – крикнул Машег, закашлялся и сплюнул желтую от пыли слюну. – Не догонят!

Печенеги рассыпались по степи, некоторые отстреливались.

Вторая сотня преследовать степняков не стала. Зато варягов тут же взяли в ошетинившееся копьями кольцо.

Духарев не стал бить себя в грудь и кричать, что они – свои. И так видно, что не печенеги. Положив руки на холку Пепла, Сергей терпеливо ждал, когда появится тот, кто вправе принимать решения. По Правде. Поскольку великий князь киевский все же не самодержавный властитель. И даже здесь, в Диком Поле, у варягов есть определенные права. Хотя Духарев и помнил, что главное право дает все-таки сила. Да и насчет правдолюбия киевского князя Духарев тоже не питал иллюзий. Если, как подозревал Сергей, они перехватили куш у великого князя, тот церемониться не станет. И все-таки княжья русь – это лучше, чем печенеги. Намного лучше!

Глава тридцать девятая

Великий князь киевский Игорь Рюрикович. Свои и чужие

Их не стали вязать. И оружие не отобрали. Зато приставили стражу. Дюжину гридней с десятником. Отборную команду из одних нурманов.

Варягов отвели в лощинку, принесли воду, пищу. А коней увели.

– О них позаботятся, – сказал нурман-десятник. – А вам князь велел ждать тут.

Не то чтобы варягов особо охраняли – присматривали. Хотите бежать – бегите. Ежику понятно: пеших, их отловят моментально. И спросят: почему сбежали? Знаете за собой вину?

Устах недовольно ворчал. Почему их, варягов, опекают нурманы? Они что, пленники? Или князь киевский совсем опеченечился, что не отличает своих от чужих? Игоревы гридни только ухмылялись. Безличная брань на вороту не виснет. Пока варяги ругались, дружинники князя ловили по степи их вьючных коней. И наверняка уже знали, что лежит в переметных сумах. Серега одному был рад: что в сумах нет ни утвари, ни золота. Серебра много, да, но не настолько много, чтобы сумма показалась невероятной. Добыча и есть добыча. Где взяли – то наше дело! Где взяли, там больше нет.

Устах ругался, Духарев отмалчивался, Машег и Элда ворковали, как голубки. Плевать они хотели на свое печальное положение. Нурманы поглядывали на парочку с мерзкими ухмылочками. Элда шлема не снимала – кос не видать. И не угадаешь, что баба. Вот и стражи думали, что Элда – молоденький безусый отрок. А уж про хузар чего только не болтали в Киеве. Хуже только про печенегов байки рассказывали.

Отрок, посыл от Игоря, прибежал ближе к полудню.

– Пошли, варяги! – скомандовал нурман-десятник. – Великий князь желает на вас взглянуть.

Великий князь киевский, хакан тмутараканский, сын славного Рюрика и воспитанник Олега Вещего, действительно выглядел повелителем. Глядя ему в глаза, Серега никогда бы не рискнул назвать его слабым правителем. Грузный, широкоплечий, в алом плаще и красных сапогах (насмешка над византийским кесарем?), князь Игорь восседал на белом жеребце, неподвижный и внушительный, словно воплощенная Власть. Одесную князя – незнакомый, немолодой уже варяг с синими усищами. Ошую – громадина-нурман с ледяными глазами, весь в золоте – от зеркала шлема до оторочки на сапогах. Скарпи. Тот самый.

Позади ближних бояр, вразброд, но тоже верхами, расположились лучшие княжьи дружинники. Варягов немного, значительно больше скандинавов: нурман, свеев.

– Стой! – скомандовал нурман-десятник, и Серега остановился. Устах справа, Машег – слева. Совсем как бояре рядом с князем. Только не верхами, а пешие. И за спиной Духарева не тысяча отборных дружинников, а одна лишь Элда.

Игоревы гридни сомкнулись в сплошную линию, щит к щиту.

– Добро тебе, княже киевский! – с дерзкой усмешкой произнес Духарев.

Он был на добрую ладонь выше рослых княжьих гридней, тоже смотрелся внушительно и знал об этом.

– Назовись, человек! – вместо князя жестко бросил Скарпи.

– Я тебе не «человек» ²³, нурман, а десятник князя полоцкого, славного Роговолта Сергей! – с достоинством ответил Духарев. Кроме достоинства он ничего не мог противопоставить откровенному превосходству силы.

– И что же ты, Роговолтов гридь, делаешь на нашей земле? – скривил губы боярин Скарпи.

– Ты об этом всех спрашиваешь, нурман? – так же презрительно осведомился

²³ «Человек» – обращение к холопу.

Духарев.— И великого хана Куркутэ? И разбойников? Или разбойников ты спрашивать не привык, нурман?

Ноздри Скарпи дрогнули: боярин изволит гневаться?

— Не дерзи мне, варяг!

— И в чем же моя дерзость, нурман? — ухмыльнулся Духарев.— В том, что я собаку называю собакой, нурмана — нурманом?

Тут Скарпи не выдержал, подал коня вперед, наехал его грудью на Духарева. Зря. Серега не испугался, шагнул в сторону, крепко взялся за тяжелую от золота узду, придержал жеребца. Скарпи очень хотелось ударить его, он даже ногу из стремени вынул, но, наткнувшись на взгляд Сергея, удержался. Он прочитал в этом взгляде, что Серега не намерен стерпеть оскорбление, как низший от высшего. И он ничуть не боится грозного боярина.

Скарпи был далеко не глуп и решил, что у него еще будет возможность заставить варяга пожалеть о собственной наглости. И боярин подал коня назад.

— Значит, ты утверждаешь, что ты — не разбойник? — спросил Скарпи.

— Я... Мы служим воеводе киевскому Свенельду,— ответил Духарев.— Ты можешь спросить у него, почему мы тут.

— Тебя спрашивает от этом киевский князь, гридь!

Духарев, подчеркнуто игнорируя Скарпи, посмотрел на Игоря.

Тот величественно кивнул.

— Мы здесь охотимся,— сказал Духарев. — На разбойников.

— И многих вы уполевали, вчетвером? — с издевкой спросил Скарпи.

— Многих, нурман. Нас было не четверо, а больше. Мы сражаемся, нурман. В сражениях иногда убивают. Тебе, нурман, наверное, об этом рассказывали?

Но Скарпи больше не собирался реагировать на оскорбления.

— Значит, вас было больше, когда вы резали черных хузар у Рачьего острова? — поинтересовался он.

— Да,— подтвердил Духарев.— Нас было больше. И мы резали многих: и черных хузар, и печенегов, и прочих. Может, и тех, о которых ты говоришь. Разве всех припомнишь?

— Тех ты точно запомнил, варяг! — жестко произнес Скарпи. — Потому что именно там ты набил серебром свои переметные сумы.— Но там было не только серебро, варяг! Где остальное?

— Все, что мы добыли сталью и кровью,— наше! — резко ответил Духарев.

— Наше! — поддержал его Устах.— Так по Правде! Только посмей отнять у нас наше серебро, нурман! И даю тебе слово: от Новгорода до Киева все будут знать, что боярин великого князя — разбойник и хищник, а дружина великого князя киевского — грабители почище печенегов. Только попробуй отнять законную добычу у свободного варяга, нурман!

— Клянусь громом Перуна! — подхватил Духарев.— Всякий воин нашей земли узнает, что лучшая дружина великого князя не трогает разбойников Дикой Степи, а грабит тех, кто их бьет! Пусть знают правду!

— Пусть знают! — эхом отозвался Устах.

— Так будет! — звонко выкрикнул Машег.

Произнося свою обличительную речь, Серега глядел не на Скарпи, а на великого князя. Собственно, именно ему и адресовались будущие обвинения. Но Духарев не мог не заметить, что синеусый справа от Игоря хмурится и поглаживает рукоять меча. Ничего! Если этот боярин — варяг не только обличьем, ему придется сказать свое слово. Ему или князю.

— Мы испуганы,— произнес Скарпи и засмеялся. — Это гридь дерзок и неблагодарен, — сказал он, поворачиваясь к князю.— Он уже забыл, что мы спасли его шкуру. Из одной только благодарности он должен высыпать украденное к копытам твоего коня, батька!

— Так ты уверен, что это он? — спросил князь.

— Уверен, батька! Дай его мне — и еще до заката мы узнаем, где он спрятал золото! Ты видишь: он болтлив. Стоит припечь ему пятки — и он станет еще болтливее.

– Ты слышишь, что говорит мой боярин, варяг? – медленно цедя слова, произнес князь Игорь. – Ты взял золото, не ведая, кому оно принадлежит. Отдай его – и очистишься от вины. «Может, так и сделать?» – подумал Духарев.

Но, черт подери, с этим золотом что-то не так. Нурманские подлые штучки...

Серега посмотрел на Скарпи. Нурман ухмылялся. То ли он был уверен, что Духарев скажет: нет. То ли знал, что дерзких варягов в любом случае пустят в расход. Зачем князю лишние свидетели?

Духарев повернулся к Устаху. Друг чуть заметно качнул головой.

Он тоже не доверял Игорю.

– Если бы у меня было это золото – и я отдал его тебе, княже, что было бы?

– Ты очистишься от вины, – сказал киевский князь.

Какой хитрый оборот. Не «сохранишь жизнь», не «получишь свободу», а «очистишься от вины». Хитро! Даже доли не предлагает.

– Нет, княже, если бы было у меня твое золото и я отдал его после угроз твоего боярина, что сказали бы люди? Варяг испугался пыток! И у меня не осталось бы ни золота, ни чести. Зачем тогда жизнь?

Синеусый боярин одобрительно крикнул. Князь покосился на него недовольно, но боярин-варяг только накрутил на палец ус. Тем же манером, каким это делал Рёрах, Серегин наставник, когда желал скрыть улыбку.

– Значит, золото у тебя? – спросил князь.

– Если я скажу «нет», разве ты мне поверишь? – усмехнулся Духарев.

Он тоже умел играть словами. Кроме того, это помогало обуздать страх. Игра и есть игра.

– Когда пытаться тебя буду не я, а он, – князь кивнул на Скарпи, – ты разучишься говорить «нет». Мой боярин умеет развязывать языки. Ты в этом скоро убедишься. Но будет уже поздно.

– Пытать? – Духарев усмехнулся, хотя ему стало совсем невесело. – Я варяг, княже. Если я не говорю тебе, почему ты думаешь, что я скажу огню или железу?

– Это пустые слова, – вмешался Скарпи. – Позволь, батька, я займусь им!

Губы нурмана алчно искривились.

«Он уже видит, как режет меня на куски!» – подумал Духарев.

Удивительно, но Сергей все еще не испытывал никакого страха. Наверное, потому, что не чувствовал себя во власти княжьего ближника.

– Ты еще не отнял наши мечи, нурманская лисица! – рыкнул Устах, но Сергей поднял руку, и его друг умолк.

Силы слишком неравны. И Сергей помнил историю Рёрах. Тот тоже хотел умереть с честью, а угодил в лапы к палачам.

«Если враг сильнее, покажи ему свое мужество!» – вспомнил Духарев слова своего наставника.

Мысль интересная, но как это осуществить?

То, что Серега сделал потом, трудно было назвать плодом размышлений. Скорее это было наитие, озарение.

Глядя князю прямо в глаза, Духарев закатал рукав, вынул из ножен узкий, отточенный для бритвы нож.

Ему не препятствовали. Нож – не оружие против доспешного умелого воина, а если варяг, испугавшись пытки, захочет перерезать себе глотку... Что ж, значит, он ее перережет.

Острый кончик ножа коснулся предплечья, легко прорезав кожу. Боли не было. Никакой. У Сереги возникло ощущение, будто он заключен в некий прозрачный шар – все лишние звуки остались снаружи.

Нож медленно погружался в мякоть руки. Серега улыбнулся. Он не испытывал боли, потому что не хотел испытывать боль. И князь видел это. И Скарпи тоже видел. Но отнеслись они к происходящему по-разному.

В глазах Игоря мелькнуло уважение. Нурман же был разочарован и поспешно придумывал, чем еще можно зацепить варяга.

Узкий клинок все глубже окунался в плоть. Боли все не было, а было такое чувство, какое бывает иногда в первые секунды после перелома. Когда глаза видят торчащую из разорванной кожи кость, а боль как будто выключена.

Острый кончик ножа проткнул кожу и выглянул с другой стороны. Серега опустил глаза, поглядел на покрасневший стальной клювик, и его неожиданно пронзило острое чувство нереальности происходящего. Истоптанная трава под ногами поблекла, посерела, слиплась и превратилась в аккуратные плитки мостовой.

Глава сороковая «Не хочу!»

Серега стоял, широко расставив ноги в тупоносых, глянцево-черных туфлях. На нем были черные свободные штаны, перехваченные ремнем. На ремне, в чехле с золотой цепочкой покоилось махонькое тельце сотового телефона.

Серега поднял голову и увидел, что стоит на углу Литейного и улицы Некрасова, а мимо, опасливо огибая его, движется человеческий поток. Серегу настолько поразило неожиданное разнообразие лиц, одежды, искусственная яркость красок, что он снова опустил глаза... И обнаружил, что ноги его стали намного толще, а под белой тонкой рубашкой круглился солидный живот.

– Серый! Эй! Ты чё?

Духарев не сразу понял, что обращаются к нему. Он повернулся и увидел большую красивую машину, в которой сидели двое очень похожих друг на друга мужчин. Абсолютно ему, Духареву, незнакомых.

– Давай, Серый, садись, не тяни муму! – один из мужчин похлопал по кожаному сиденью.

Духарев сел.

– Трогай, Петюня! – скомандовал мужчина. – Ну чё, Серый, вижу, кредита не будет. Чё теперь?

– Теперь? – тупо повторил Духарев, пытаясь вникнуть в происходящее.

– Не, ты, бля, конкретно тормозишь! – удивился мужчина. – Кто, бля, хозяин – ты или я? Ты чё, Серый! Ты думай, бля, где реально четыреста штук взять!

– Четыреста штук... баксов? – еще тупее переспросил Духарев.

– Нет, карбованцев! – фыркнул собеседник. И вдруг озабочился: – Серый, ты в норме?

– Я? – грустно спросил Духарев.

Мужчина поглядел на него... и вдруг обнял его за плечи мясистой дланью.

– Да ладно. Серый, чё ты? Ну нет и нет! Ну хер с ней, с этой горячкой! Ну не голые же будем! Бабок еще наварим! Вторая фирма однозначно наша! Петюня, ты куда рулишь, ёшь твою мать! Ты к «Европейской» давай! – И Сереге: – Все нормально, братан! Ща похаваем, закусим, лялек арендуем! Расслабимся, братан! Чё у нас, денег нет!

Серега поглядел на гладкую рожу «братана», потом на туго обтянутое рубахой собственное брюхо...

«...! – подумал он. – ... матери!»

– Останови! – крикнул он.

Водитель мгновенно ударил по тормозам. Сзади тоже завизжали тормоза. Машина нырнула вправо и остановилась у обочины.

Духарев вышел, поглядел на такую знакомую «Невскую перспективу».

«В жопу! – подумал он. – Не мое! Не хочу!»

И все опять потекло, поплыло, и не стало ни Невского, ни толпы...

Под ногами опять была умятая сапогами трава, вокруг – Игоревы гридни, а перед

глазами – Серегина предплечье, продырявленное ножом.

Очень медленно, плавно Духарев потянул нож обратно. Обтер лезвие льняным лоскутом, потом, тем же лоскутом, перевязал рану. Крови было немного, но ее хватило, чтоб показать: Духарев не ульфхеднар и не берсерк. Обычный человек. Варяг.

– Варяг! – одобрительно каркнул боярин одесную князя.

– Как и ты! – сказал ему Устах. – Но я слышал: русь уже забыла варяжскую Правду!

Ближний боярин князя насупил брови, готовя гневный ответ, но Игорь остановил его.

– Сколько тебе лет? – спросил великий князь киевский.

– Двадцать восемь, – ответил удивленный Духарев.

Легкая тень легла на лицо Игоря. Словно облачко набежало.

Князь умолк и молчал довольно долго. Все ждали...

Глава сорок первая Варяжская правда

«Двадцать восемь... – думал великий князь. – Двадцать восемь было моему Олегу²⁴...»

Великий князь киевский не очень-то любил своего первенца, пока тот был жив. Сын напоминал ему о том, чье имя носил, Олеге Вещем. Казалось, сын Игоря унаследовал не только имя, но и удачу того, в честь которого был назван. Игорь позволил сыну княжить в Тмутаракани, что, помимо прочего, давало право на титул хакана. Тмутаракань, небольшой лоскут земли вокруг пролива, связавшего Сурожское и Русское море, богатая Тмутаракань, сильная и вольная, ключ Крыма, кость в горле Хузарского царства, шип в боку ромейской Таврии. Русский хаканат, которому, в силу своего положения, нужен был правитель сильный и умный, умеющий ладить с разноплеменным населением и полувраждебным окружением. Игорь не без ревности наблюдал, как первенец его, молодой сокол, входит в силу, и близится день, когда сын станет сильнее отца. Игорь боялся этого дня, но сейчас, когда Олега уже нет в живых, великий князь, вспоминая сына, искренне сожалел о его смерти.

Игорь очнулся от мрачных мыслей. Если Скарпи прав и этот варяг действительно перехватил ромейское золото, надо заставить его это золото вернуть. Как это сделать, если попытка бесполезна? Надо понять, что он есть, этот гордый полоцкий гридень. Кто его товарищи, чем и кем он дорожит, каковы его чаянья?

Товарищи... Природный варяг, хузарин из благородных и мальчишка-отрок с нежным девичьим лицом. Природный варяг наверняка тоже знает, где золото. Но будет молчать. Князь очень хорошо знал эту породу. Именно на таких опирался Олег Вещий. То были люди надежные, но неудобные, потому что ставили свою Правду выше княжьей власти. Стоило такому воину решить, что князь поступает не так, как следует, – и повиновение варяга кончалось. Нурманы, наемники, были куда удобнее. Ничуть не худшие воины, они служили, пока князь им платил, и благополучие их зависело только от князя. У нурманов, свеев, данов не было опоры на его земле. Их язык был чужим славянскому племени. А варяги, даже природные, были одной крови с теми же полянами, древлянами, кривичами. Беда в том, что уходили они из дружины киевского князя не в дальние земли, а к другим князьям: Роговолту, Свенельду...

– Ты служишь Свенельду, верно? – спросил великий князь.

– Да, – подтвердил Сергей.

– Свенельд – мой воевода. Ты должен повиноваться мне.

– Вассал твоего вассала – не твой вассал²⁵, – возразил Духарев.

²⁴ В «Повести временных лет» говорится только об одном сыне Игоря – Святославе. Но на основании некоторых сохранившихся документов можно предположить, что у Игоря был еще один сын, Олег, княживший в Тмутаракани и убитый во время военного похода в Азербайджан в 944 году.

²⁵ Средневековая европейская формула, определяющая, что если А является синьором Б, а В является

– Что? – не понял князь.

– Я не служу тебе, – отчеканил Духарев. – Я служу Роговолту полоцкому. А Роговолт, князь полоцкий, послал меня служить не Свенельду, киевскому воеводе, а Свенельду – князю уличскому и древлянскому.

Говорить такое великому князю киевскому было не слишком умно, но внутри Духарева постепенно нарастала ярость. Гордость, блин! Гордыня. Ни к чему хорошему не приведет. Серега это понимал, однако остановиться уже не мог.

Духарев знал о трениях, возникших в последние годы между Игорем и Свенельдом. И Игорь, по мнению Сереги, вел себя вовсе уж непорядочно. Предложил воеводе своими силами примучить уличей, пообещав, что дань с них, да еще и с древлян упрямых пойдет лично Свенельду. Это было нелегко, поскольку угры не имели никакого желания отдавать своих данников, но Свенельд довел дело до конца. А когда воевода и его дружина упорством и собственной кровью заплатили за победу, киевский князь заявил, что новые земли добыты для него, и он сам будет собирать с них дань.

Свенельд, естественно, обиделся. Причем настолько, что в прошлом году даже отказался идти с князем на ромеев. И из дружины его никто не пошел.

Но на прямой конфликт с Игорем Свенельд не отваживался. Говорили, что из-за жены Игоря, княгини Ольги. Говорили, естественно, шепотом. Были у князя уши, способные слышать шепот? Может, и были. Сереге слышать шепот было не обязательно. Кое-что он своими глазами видел. И вообще, ему ли бояться Игоря? Что тот ему сможет сделать? Убить? Ах, как страшно! Да его уже два года постоянно пытаются убить!

– Значит, ты служишь не мне, а моему воеводе Свенельду? – негромко осведомился князь.

– Да! – отрезал Духарев. – Ему. Роговолту. И Правде!

– А я, по-твоему, выходит, Правду рушу? – совершенно спокойно поинтересовался великий князь.

Он реагировал совсем не так, как ожидал Духарев. Это спокойствие было хуже, чем гнев.

«Варяг есть варяг, – подумал Игорь. – Упрямство, гордость. Варяг Серегей... Я о нем уже слышал. Надо вспомнить, от кого?»

Отрок (этот не в счет), два варяга и хузарин. Благородный хузарин... Который ничем не лучше варяга. Та же гордость, высокомерие и упрямство. Игорь не раз встречался с хузарским хаканом Йосыпом, Игорь знал хузар и ладил с ними. Но не с такими. У хакана Йосыпа были схожие проблемы. Родовитая хузарская знать для него, все равно что варяги – для киевского князя. Йосып тоже предпочитал опираться на наемников, чужих по крови и вере и потому верных хозяину, а не обычаю. Отважные и гордые хороши, когда царство расширяется. Именно варяги отняли у Хузарии ее данников, но сейчас, когда надо не расширять, а удерживать, наемники надежнее. Так и у хузар, и у ромеев. Игорь расширять не собирался. Ему хватало земель. Не хватало денег.

– Значит, я, по-твоему, рушу Правду? – спокойно спросил великий князь.

– Пусть там, – Духарев показал на небо, – разберут, кто из нас прав.

Это была еще большая наглость: поставить себя на одну доску с великим князем киевским. Серега откровенно нарывался. И, черт возьми, он был в своем праве! Он варяг, но и Игорь, будь он хоть трижды великий, тоже варяг!

– Перун, – мрачно произнес Духарев. – Пусть он нас рассудит.
 – Значит, ты хочешь Правды? – вкрадчиво произнес Игорь.
 – Хочу! – последовал твердый ответ.
 – И хочешь, чтобы Перун рассудил, кто из нас прав?
 – Да!
 – И если Перун будет на моей стороне, ты ответишь на мой вопрос?
 – Да! – подтвердил Духарев, подумав: «Если меня прикончат в поединке, отвечать будет некому!»
 Но князь был достаточно умен.
 – Или ты, или твои друзья, так?
 – Так, – нехотя подтвердил Духарев.
 – Так, – после короткой паузы подтвердили Устах и Машег.
 – Добро! – кивнул князь. – Ты будешь биться пред Перуном с моим витязем. И будет так, как рассудит наш бог. Все слышали?
 Слышали все. Ритуал был соблюден, и теперь...
 – Асмуд! – властно произнес князь.
 – Я, батька! – тут же откликнулся ближний боярин.
 – Постоишь за меня пред судом божьим?
 – Мне? С ним? – в голосе княжьего варяга прозвучало удивление.

Глава сорок вторая Асмуд, сын Стемида

Асмуд. Серега уже слышал это имя. Из уст княгини Ольги. Когда Духарев предлагал, так же как сейчас, через поединок призвать к ответу боярина Скарпи.
 «Я знаю, кого выставит мой муж», – сказала тогда княгиня.
 «Кого?» – спросил Свенельд.
 «Асмуда».
 И вопрос был снят. С точки зрения воеводы, против Асмуда у Сереги шансов не было.
 «Кажется, я вляпался», – подумал Сергей.
 Обидно, что Асмудом оказался тот самый боярин-варяг, который поглядывал на Духарева с явной симпатией. Даже если Свенельд ошибался и Серега окажется сильнее – что хорошего в том, чтобы убить единственного союзника во вражеском стане?
 «Может, он не станет со мной драться?» – с надеждой подумал Духарев.
 – Ты отказываешься? – с меньшим удивлением спросил князь.
 – Ровня ли он мне, батька? – проворчал боярин. – Гридень храбрый, не спорю, но, может, поищешь кого... попроще?
 – Не ровня, говоришь? – Игорь прищурился. – А не тот ли ты Сергей-варяг, что как-то убил в Смоленске Хайнара-сотника?
 Вспомнил!
 – Тот, – подтвердил Духарев.
 «Сейчас предьяву сделает», – подумал он.
 Но князь поступил иначе.
 – Видишь, Асмуд, этот гридь не так уж прост, как ты думаешь. Ну?
 – Добро, – без охоты согласился боярин. – Я встану. Только... Слушай меня, варяг! Может, решим без боя? Не хочу я тебя убивать.
 – А я – тебя, – отозвался Духарев. – Но откуда ты знаешь, что именно я буду убит?
 Боярин усмехнулся.
 – Ты храбр, – сказал он. – Только еще не было такого, чтобы Асмуд, сын Стемида, собрался кого-то убить – и не убил.

И то, как он это сказал, очень не понравилось Духареву. А еще меньше понравилось, как мягко и почти бесшумно соскочил с седла этот немолоденький, в тяжелых доспехах

витязь, ростом почти не уступающий Сергею. И тигриная походочка Асмуда Духареву тоже совсем не понравилась.

Дружина раздалась, освобождая место. Асмуд вытянул меч, а из притороченного к седлу кожаного чехла – двуручную нурманскую секиру. Провернул в руке легко, словно метательный топорик.

Духарев, который собирался было попросить у Устаха большой щит, тут же отказался от этой мысли.

Что-то знакомое было в манере этого княжьего боярина. В том, как он управлялся с оружием. Что-то очень похожее... на Рёреха! А Духарев еще не забыл, как ловко орудовал одноногий старик тяжелой секирой. Такое забудешь! Получше управлялся, чем любой нурман, так что тяжелый неуклюжий щит становился скорее помехой, чем защитой. А у этого буйвола и ноги целы, и силища невероятная, сразу видно. Нет, тут нужен не щит, а...

Духарев шагнул к Элде – и взял у нее легкое метательное копье-сулицу. Услышал удивленный возглас кого-то из дружинников. Кажется, он и киевского витязя сумел немножко удивить. Но не смутить.

Духарев проверился: все ли на месте, все ли в порядке? Если среди боя вдруг развяжется шнурок на сапоге – это будет неприятно.

Асмуд ждал. Он тоже оценивал, изучал, искал слабину, планировал, как вести бой, чего опасаться. Такому бойцу достаточно понаблюдать, как противник вынимает меч, чтобы прикинуть, как тот будет этим мечом шуровать.

– Руби ему ноги, Асмуд! – громко сказал Скарпи. – Панцырь не порть. Я его у тя куплю. Хороший панцырь!

Киевский варяг реплику проигнорировал, глянул вопросительно на Духарева: «Готов?»

– Готов, – сказал Сергей и потянул из-за спины меч.

Бросок киевлянина был стремителен. Одним длинным прыжком он покрыл разделявшее их расстояние. Меч метнулся к Серегину лицу в прямом выпаде, а топор обрушился наискось, сбоку. Это был мощный ход: взять и прикончить противника первым же ударом. Духарев чисто инстинктивно откинулся назад – от летящего в глаза жала, уловил движение топора – оттолкнулся двумя ногами, упал на спину, перекатился и метнул сулицу в ногу набегающего противника.

Асмуд отбил ее лопастью топора, но Духарев выиграл свои полсекунды, успел выпрямиться и встретить киевлянина как надо: штопорообразным выпадом сверху, с двух рук. Не достал, конечно. Асмуд отклонился, сбил Серегин клинок плоской стороной собственного, махнул секирой. Но Духарев опять оказался сбоку, ударил снова. Мечи скрестились, киевлянин нажал, связывая чужой клинок, Духарев подался, но в тот момент, когда Асмуд замахнулся секирой, Сергей упер ладонь в основание клинка и с силой толкнул вперед. Киевлянин был сильнее, но Духарев держал меч двумя руками, а его противник – одной... Конечно, боярин не потерял равновесия, он просто поддался, поворачиваясь. Но пустить в ход топор опять не сумел. Пользуясь тем, что они стояли почти вплотную друг к другу, Сергей врезал каблуком по ступне противника. Асмуд охнул: сапожки из мягкой кожи – неважная защита. Но тут же попытался ударить в подмышку Сергея окованной железом рукоятью секиры.

Удар вышел слабый, скорее толчок, но дистанция между бойцами восстановилась, и Асмуд немедленно этим воспользовался. В следующие полминуты Духареву потребовалось все его проворство, чтобы уцелеть под градом могучих ударов, падающих буквально со всех сторон. У Сереги возникло ощущение, что он сражается с огромным вентилятором, чьи лопасти вдобавок различной длины и вихлятся абсолютно хаотически.

Отбилась кое-как. И получил передышку. Потому что его противник решил, что пора передохнуть. Воодушевленный, Сергей сам обрушился на киевлянина. Поначалу ему удалось потеснить Асмуда, но тот с пугающей быстротой освоил Серегину манеру боя и уже через полминуты отмахивался от атак с небрежной легкостью. Как будто знал заранее все духаревские трюки.

И Серега понемногу начал осознавать, что столкнулся с противником, чей рейтинг минимум на порядок выше. И то, что он, Духарев, моложе, быстрее и выносливее, не принесет победы, а только даст возможность продержаться лишнюю минуту, когда киевлянин решит перейти к активным действиям.

Однако Асмуд почему-то не торопился. И даже решил побеседовать.

– Откуда он у тебя? – спросил киевлянин, на какое-то мгновение зажав Серегин клинок между своим мечом и лопастью секиры.

Духарев отскочил, выдернув клинок.

– Подарок наставника! – пропыхтел он, пытаясь угадать выражение лица Асмуда под опущенной стрелкой шлема.

– Того, кто учил тебя бою? – последовал новый вопрос.

Духарев остановился.

– Да, – ответил он.

Больше не атакуя, он замер в напряжении, готовый отразить нападение противника.

Если боярин готовит какой-то подвох... То на хрена это ему нужно? Серега очень хорошо осознавал, что победить Асмуда у него столько же шансов, сколько у бегуна-перворазрядника – обогнать мастера спорта. Шанс, конечно, есть. Скажем, если у мастера вдруг случится приступ аппендицита...

Но Асмуд тоже не спешил атаковать.

– А кто был твой наставник? – спросил Асмуд.

– Он был варяг, – ответил Духарев. – Был и есть, я надеюсь.

Вокруг возник недовольный ропот.

– Эй, Асмуд! – крикнул насмешливо Скарпи. – Ты еще долго? Я хочу получить свой панцырь!

Витязь и бровью не повел.

– Был и есть... – повторил он. – Как его имя?

– А зачем тебе? – Духарев неожиданно рассердился. Что за глупая игра? Или киевлянин дает ему возможность признать поражение и добровольно отдать золото? Не выйдет! Золото Серега отдал бы, но сдаваться – нет уж! Он помнил, что по Правде его жизнь после этого будет принадлежать победителю. Причем даже не Асмуду, а Игорю, потому что витязь бился не за себя, а за своего князя.

Подумав об этом, Духарев рассердился, а рассердившись, обрушился на боярина с неожиданной яростью.

Безрезультатно. Асмуд только оборонялся, но оборонялся столь мастерски, что достать боярина за этой защитой было так же невозможно, как выковырять экипаж танка перочинным ножом.

Серега запыхался, а Асмуд столь же невозмутимо повторил вопрос:

– Так как его имя?

«Какой смысл скрывать?» – подумал Духарев.

– Рёрах!

– Ага, – сказал витязь. – Ты его родич?

– Нет.

– Но ты говоришь: он жив?

– Надеюсь. Позапрошлой весной точно был жив. Сомневаюсь, что нашелся придурок, который рискнул бы покушаться на его жизнь! – сердито произнес Духарев. – Ты что же, его знал?

И выпучил глаза от удивления.

Боярин Асмуд спокойно вложил меч в ножны и откинул на затылок шлем.

– Да, – ответил он. – Я его знал. Добрая весть, варяг. Я помню этот меч. Он из последней нашей добычи. Я думал, мой вождь Рёрах погиб. Он был и моим наставником, парень. Я чувствую в тебе его руку. Я не могу погубить его творение. Ты можешь стать неплохим бойцом, и твоя слава будет его славой. Так же, как и моя!

Духарев, ошарашенный, даже не нашелся, что ответить.

– Прости, батька! – боярин повернулся к князю. – Я не могу с ним биться, ты понимаешь. Не может правая рука отрубить левую.

«Варяг – он и есть варяг, – мрачно подумал Игорь. – Даже лучшие из них...»

Великий князь киевский не сказал ничего, вмешался Скарпи.

– А как же мой панцырь? – насмешливо спросил он. – Или ты растратил свою силу, варяг, и больше не хочешь побеждать?

– А ты сам попробуй, – предложил Асмуд. Он наступил на сцепленные руки дружинников и опустил в седло. – Попробуй, боярин. Может, тебе не будет нужды покупать его доспех?

– Батька? – Скарпи вопросительно взглянул на Игоря.

Предложение Асмуда нурману явно понравилось. А ведь Скарпи видел, как бьется Духарев. Неужели он решил, что справится? У Сереги возникло нехорошее подозрение, что он – вовсе не такой замечательный боец, каким себя мнит. По крайней мере, в сравнении с боярской элитой.

– Позволишь, батька? – златолюбивый нурман поглядел на Игоря.

Но князь покачал головой.

– Рёрах... – пробормотал он. – Я помню его. Говоришь, он жив?

– Жив, – подтвердил Духарев.

– И кому служит?

– Богам.

Князь спокойно кивнул, а вот Асмуд нахмурился.

– Верно ли ты сказал, что Рёрах стал волохом? – раздельно спросил он.

Фактически это следовало понимать как «Ты лжешь!» Но сказать так напрямую, прилюдно Асмуд не мог. По варяжской Правде за подобным следовал немедленный вызов. Раз уж он пощадил Серегу, то не для того, чтобы прикончить через десять минут.

Князь киевский тоже недовольно нахмурился. Потому что его перебили. Бросил недовольный взгляд на своего боярина, но тот даже и не думал о том, что проявил неуважение. А вот Скарпи довольно ухмыльнулся.

И Духареву стало ясно, что слухи о том, что князем вертят его ближники, не просто слухи.

– Нет, – возразил он Асмуду. – Я сказал, что он служит богам. Но он не волох. Он – ведун. Так вышло.

Боярин кивнул.

– Ведун – это хорошо, – заметил Игорь. Но губы его еле заметно кривились. Вспомнил еще одного ведуна. Олега.

– А будет ли он служить и мне? – спросил киевский князь.

– Я спрошу его... Если выйдет, – ответил Сергей. – Но думаю, он откажется. Он калека, княже.

– Жаль, – спокойно сказал князь. – Лучше погибнуть в бою, чем жить калекой.

– Лучше, – согласился Духарев. – Но искалечили его не в бою. Его пытали нурманы, – тут он посмотрел на Скарпи.

Нурман ухмыльнулся.

– Кто? – жестко спросил Асмуд, снова перебив князя.

– Правильней спросить: чьи? – сказал Духарев. – Нурманы плесковского воеводы. Но это уже не важно. Он их убил. Они, княже, забыли, что даже искалеченный варяг способен прикончить пару-тройку здоровых нурманов.

– Ха-ха! – Асмуд хлопнул себя по ляжке. – Вот верно сказано, брат!

Дружинники-нурманы за спиной князя недовольно заворчали, но Игорь поднял ладонь, и ропот стих.

Среди воинов киевского князя нурманов было больше, чем варягов, но сам Игорь был природным варягом. Выступи он против своих, даже нурманы этого не поняли бы.

Поэтому киевский князь сбил пущенную Духаревым стрелу раздора.

– Ладно, – проворчал он. – Мне хватает воинов. Но воинам нужно золото, полочанин! Боги решили, что ты должен жить. Ты бился с Асмудом, и он пощадил тебя. Или ты станешь говорить, что победил?

– Нет, – признал Духарев, чем заслужил одобрительный взгляд Асмуда.

– Значит, ты должен сказать, где ты зарыл нашу дань, – сказал Игорь.

– Вашу? – усмехнулся Сергей. – Я не понимаю тебя, великий князь киевский! Я взял добычу на разбойниках. Это мое право, и добыча тоже моя. Твой воевода Свенельд поклялся, что не возьмет с нас даже десятой доли. А ты забрал все наше серебро, словно тот печенежский разбойник, с которым мы дрались, когда подошли твои воины!

– Замолчи, полочанин! – потерял терпение Скарпи. – Совсем ум потерял? Ты говоришь с великим князем, пес! Гриди! Ну-ка, заберите у него меч и врежьте ему как следует, чтоб знал свое место!

Дружинники не успели выполнить приказ. Духарев мгновенно обнажил клинок.

– Возьми его сам, нурманская собака! – закричал он. – Что ты прячешься за чужими щитами, трус! Ты не муж! Где твоя прялка, Скарпи?

Ход Духарева был безошибочен. Если не хочешь драться сразу со всеми, брось вызов главарю. Если сейчас гридни прикончит Серегу, пятно оскорбления навсегда останется на нурмане. Дружинники Скарпи застыли.

Скарпи без лишней поспешности слез с седла, отстегнул щит...

– Назад, Скарпи! – гаркнул Игорь. – Я твой князь, и я сам командую своей дружиной! И пока ты служишь мне, я решаю, когда ты будешь драться! Асмуд!

– Убери меч! – велел Духареву боярин-варяг. – Быстро!

Сергей подчинился.

– Уведите их, – скомандовал князь. – Не далеко. Они мне скоро понадобятся.

Дружинники отвели варягов шагов на сто, сомкнулись вокруг плотно, щит к щиту, шлемы надвинуты, копья ошетилены. Не свои, а чужие.

Духарев не без злорадства заметил, что кое у кого доспех изрядно поизносился. Свенельдовы гридни экипированы получше, а ведь он не великий князь. Зато у нурмана Скарпи даже стремяна и те золоченые. И у варяга Асмуда, кстати, тоже.

Духарев поглядел на своих спутников. Устах с показным равнодушием глядел в небо, посвистывал. Дразнил княжьих гридней, то выдвигая меч из ножен, то отправляя его обратно. Гридни нервничали. Этим варягам терять нечего. Вдруг захотят принять смерть в бою. Князь сказал: «Они мне понадобятся». Значит, убивать их нельзя. А попробуй с ними управиться, да еще не убивая. Проще медведя удержать, чем двух здоровенных варягов.

От таких мыслей поневоле станешь нервничать.

Все внимание охраны сосредоточилось на Сереге и Устахе. Хузарина в расчет не брали. Равно как и Элду, которую считали отроком. В общем, это было правильно. Колчан Машега пуст. Хузарская сабля была, по сути, вспомогательным оружием, хотя в конном бою Машег вполне мог потягаться даже с тем же Устахом. А вот на своих двоих да против строя тяжелой пехоты – никаких шансов. Элда же могла неплохо биться в поединке и в пешем строю. Но не одна же – против строя. Для такого нужна не только быстрота, но и сила. Рубануть тяжелым нурманским топором так, чтобы развалить щит и опрокинуть щитоносца, – это не для женской руки. И все же недооценивать Машега и Элду было ошибкой. И будь пред ним настоящие враги, Духарев непременно этим воспользовался бы.

А до настоящих врагов было не так уж далеко. Всего лишь за двадцать верст от них, подминая степные травы, катилось вперед пятитысячное войско великого хана Балы. Воины печенежского племени цур, предоставив старикам, детям и женщинам неспешно двигаться на запад, утром перешли мелкую речушку и двинулись на юг. К Сурожи, к Днепру, к богатым славянским поселениям. Они шли по чужим землям, но Бала точно знал, что Куркутэ ушел выколачивать дань из ромеев, да и хакан Игорь тоже наверняка ушел к

ромеям, а значит, в Дикой Степи никто не сможет остановить Балю. Поэтому воины цур спустятся к Днепру, а затем поднимутся вверх по реке, откармливая коней сочными днепровскими травами и молодыми всходами славянских полей. Бала дойдет до самого Киева, выметет предместья, но брать город не станет ни штурмом, ни измором. Воины соберут добычу, пленников, повернут на север, прочешут железной щеткой копий славянские земли и погонят полон на восток. Хузары, ромеи, угры, арабы, все они охотно покупают славянских рабов. А киевский князь, когда вернется... Пусть попробует отыскать цур в Великой Степи!

Бала не знал, что дружина великого князя киевского стоит прямо у него на пути всего лишь в двадцати верстах. Малая дружина...

Глава сорок третья «Нам нужно это золото!»

Совещание на высшем уровне кончилось, и Серега сотоварищи были вновь поставлены перед великим князем и его ближниками.

Говорить предоставили Скарпи. Ничего хорошего это не предвещало.

– Вижу: трое из вас – варяги, хотя кое-кого и варягом-то назвать стыдно! – заявил нурман и сплюнул под ноги Машегу.

Может, он рассчитывал, что хузарин обидится и бросит вызов? Тогда выбор оружия остался бы за Скарпи, а в пешем рукопашном бою худошавый невысокий хузарин в легкой броне не имел бы никаких шансов против громилы-нурмана. Но Машег улыбнулся. В жилах его предков уже не один век текла голубая кровь. Для него презрение нурмана было – как собачий брех.

– Великий князь киевский, ваш господин, желает, чтобы я учинил вам спрос, и я сделаю это с большой охотой. И начну с самого молодого, который даже и не варяг, верно? А остальные пусть поглядят и подумают о своем будущем.

Серега не успел ответить. Элда сдернула шлем, и две толстые косы упали ниже боевого пояса.

– Всем известно, что тебя хватает только на то, чтобы мучить женщин! – звонко крикнула она. – Твой отец Атли стоял на носу корабля рядом с моим отцом! Твоего деда Торгейра звали Убийцей Мужей. Там, в Валхалле, он будет рад услышать, что внука его именуют Убийцей Жен! Скальды сочинят вису о том, как Скарпи, сын Атли Большой Ноги, призвал на помощь воинов, чтобы справиться с Элдой, дочерью Эйвинда Белоголового!

Физиономию Скарпи надо было видеть! Наверное, так выглядит пес, ухвативший сочную мозговую кость... Оказавшуюся вырезанной из дерева.

– Элда? Ты? А где же твой муж, Халли? Почему ты не с ним?

– Халли мертв, – сухо ответила Элда.

Среди дружинников возникло некое шевеление.

Вероятно, Халли здесь знали. И Элду тоже.

– И кто его убил? – кривя рот, спросил Скарпи. – Эти варяги?

– Ты не родич мне, – спокойно ответила Элда. – Я не буду тебе отвечать.

– Так ответь своему князю, – негромко произнес Игорь.

Женщина взглянула на великого князя:

– Его убили печенеги.

– А Таган?

– Таган отбит. Они его отбили, – Элда показала на Духарева.

Князь окинул Сергея долгим оценивающим взглядом.

– Мне следует похвалить тебя, варяг Серегей, – сказал он. – Хотя я не стану этого делать. Но я сумею отблагодарить тебя. Если ты вернешь то, что мне принадлежит.

– У меня нет ничего твоего! – отрезал Духарев.

– Подойди ближе!

Сергей подошел.

Князь наклонился к нему.

– Варяг, нам нужно это золото! – медленно, внятно произнес Игорь, и Духарев неожиданно почувствовал, что это не алчность говорит, а нужда. – Верни его нам, варяг!

Это был уже не приказ – просьба. Если бы великий князь произнес эти слова раньше, до поединка, до угрозы... Впрочем, великий князь на то и великий князь. Он просто не способен просить о том, что полагает возможным взять силой.

Возможно, Сергей отдал бы золото. Возможно, он и сейчас уступил бы, если бы рядом с князем не было Локи-Скарпи.

– Кому – нам? – все же спросил Духарев.

– Мне, Киеву, Руси.

Сказано было негромко, но ближайшие дружинники услышали своего князя, и Духарев явно ощутил их одобрение. Потому что русь – это именно они. Не кривичи, древляне, поляне и прочий славянский люд, а всего лишь несколько десятков тысяч личных слуг и воинов Игоря. Даже не киевляне, а только чать и дружина великого киевского князя.

Слово было сказано, и князь ждал ответа, а Сергей глядел на него снизу вверх – и молчал.

Сергей молчал, но молчал он не потому, что не желал отвечать. Просто в сознании его все вдруг сложилось, как элементы мозаичной картинки, и со всей отчетливостью всплыли слова, прочитанные много лет назад... Зазвучали так четко, словно некий чтец произносил их вслух внутри Серegiной головы.

В год 6453 сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием, и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь и нам». И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв же дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь...

И увидел Сергей Смерть, огромным ящером нависшую и над князем, и над его боярами. И понял, что год 6453 от Сотворения Мира, о котором сказано в летописи, – этот. И понял Сергей, что не отдаст золота. И то, что он не отдаст ромейского золота Игорю, послужит той смерти, что висит над киевским князем. И не из мести или ненависти не отдаст он золота. Неприязнь, которую Сергей испытывал к Игорю, куда-то ушла. Было настоящее, и было будущее. И была великая держава, которая творила сама себя, и в этом творении поседевший в княжьих трудах сын Рюрика был уже не подспорьем, а помехой, старым колесом, из-за которого телега тащится в хвосте, замедляя ход каравана. А сам Духарев был всего лишь камнем, который вытолкнет втулку в колесе этой телеги. Чтобы на очередном ухабе втулка вылетела, и колесо, соскочив с оси, сломалось. Караван остановится, на ось насадят новое колесо, и все покатятся дальше. Быстрее.

Все это Сергей осознал почти мгновенно, и почти мгновенно это осознание вышло из него, оставив лишь тень-воспоминание. Но этого было достаточно.

– К чему тебе деньги, княже? – произнес Духарев незнакомым глухим голосом. – Разве мертвому нужны деньги?

Будто тень проскользнула над ними.

Сергей встрепенулся, его зрение снова обрело четкость. Тень ушла от него, но осталась на лице киевского князя.

– Что ты сказал? – мрачно, с угрозой произнес Асмуд, а Скарпи хищно оскалился и потянулся к мечу. Дружина тоже подалась вперед. Дай князь знак – и варяга изрубят на куски.

Но Игорь знака не дал. Он чувствовал, должен был чувствовать, что слова Свенельдова воина – не угроза. Много лет прошло с тех пор, как был убит Олег. Но Игорь не забыл, почему того звали Вещим. Не забыли, впрочем, и Скарпи с Асмудом. И тоже узнали тот самый голос. Но очень уж им не хотелось верить...

– Ты что же – ведун? – напрямик спросил великий князь.

– Иногда, – последовал честный ответ.

– Если убить ведуна, пророчество не исполнится! – прошипел Скарпи, поглаживая рукоять меча.

– Вздор! – отмахнулся киевский князь. – Все мы умрем в свой срок. Я не боюсь смерти. Что еще ты видел, варяг? Говори!

– У тебя есть сын, – неторопливо, тем же особым, глухим голосом произнес Сергей. – Он станет великим воином... И слава будет его, и удача... До тех пор, пока будет рядом с ним, наставником, твой воевода Свенельд.

– Ха! – воскликнул Скарпи, сын Атли. – Слышу голос Свенельдова гридня!

Киевский князь упер в Духарева угрюмый взгляд. Но молчал. Думал. Долго. До тех пор, пока сквозь ряды воинов не протолкался запыленный разведчик.

– Степняки идут, батька! – выкрикнул он, и пронзительный голос его после долгой тишины резанул по ушам. – Степняки идут! Печенеги! Ой много!

– Это то, о чем ты сказал? – еще более темнея лицом, медленно произнес Игорь.

Духарев покачал головой, и великий князь неожиданно улыбнулся. Он участвовал во множестве битв и в каждой мог погибнуть. Все-таки приятно, когда тебе заранее известно, что выйдешь из сечи живым.

Глава сорок четвертая

Вызов

Дружина князя, привычно разобравшись по сотням, строилась к битве. Впереди – лучшие гридни, большей частью нурманы, в полных доспехах, с большими щитами. Пешие. За ними – тяжелая кавалерия, тоже в броне, с вытянутыми крепкими щитами, закрепленными на плече, с добрыми луками. Будь это не малая дружина, а полная – за опытными гриднями стояли бы воины не в стальной броне, а попроще, но тоже с луками. А будь это все киевское войско, то к нескольким тысячам дружинных прибавились бы десятки, а то и сотни тысяч простых воев, ополченцев. Часть – на селянских лошадках, часть – на своих двоих. Но в открытом поле от ополченцев проку немного. Печенежские стрелы били их, как град – молодые всходы.

На флангах войска русов вертелись на долгогривых лошадках союзные князю степняки. Было среди них и несколько десятков печенегов из племени гилеева, подданные Куркутэ, отпавшие от своего хана, поддавшиеся на посулы киевских бояр, а может, и не просто отпавшие, а соглядатаи, засланные Волком к временным союзникам. Но поскольку против русов нынче стояли не гилей, а другое племя, то и эти печенеги вряд ли переметнутся к врагу.

Серегу с друзьями оставили поблизости от князя. Им даже вернули коней. Игорь пожелал, чтобы ведун с товарищами был рядом. Конечно, за ними присматривали. Но по молчаливому соглашению все менее срочные проблемы были отложены на потом.

– К нам шли! – проворчал Асмуд, разглядывая тьмы всадников врага.

– Хорошо – встретились!

Скарпи явно был другого мнения, но на этот раз промолчал.

От массы степняков отделились два всадника. Оба скакали, демонстративно раскинув в стороны руки: мол, без оружия идем, мирно.

– Поди узнай, чего им надо! – велел Игорь сыну Атли.

Нурман сделал знак одному из своих: сопровождай. И поехал навстречу парламентарам.

Встретившись посреди поля, представители двух армий разговаривали недолго. Спустя время, достаточное, чтобы напоить коня, Скарпи с сопровождающим прискакали обратно.

– Это хан Бала,– сообщил Скарпи.– Идет к Днепру. Говорит, на их выпасах трава высохла, а в Приднепровье трава хорошая. Надо, мол, скот подкормить. Мирно, говорит, идем.

– Мирно, как же! – буркнул Асмуд.– Ни стад больших, ни возов. Одни конные воины.

– Ты напомнил, что это земля Куркутэ? – спросил Игорь.

– А как же!

– Что ответил посол?

– Ответил: Куркутэ и Бала – братья. Но Бала не станет бить русов за то, что они ходят по земле его брата Куркутэ. Он знает, что русы – данники Волка.

– Сын змеи,– процедил Игорь.

– Я не стал с ним спорить,– заметил Скарпи.– Они позволяют нам уйти, хотя их и больше. Давай пропустим их, князь! И пошлем за подмогой. Они пограбят полян немного, невелика беда. Зато мы соберемся и ударим их всей силой!

– Нельзя так, батька! – вмешался Асмуд.– Мы с полян кормимся. Они нам дань за то платят, чтоб мы их обороняли!

– Они нам дань платят, потому что мы сильнее! – возразил Скарпи.

– Потеряем силу – и дани не будет! Давай их пропустим, батька! Мало нас!

– Нет! – отрезал Игорь.– Они нас на крепость проверяют. Решат, что слабы,– сами ударят. Иди, скажи им: пусть уходят. Или будем биться.

Скарпи ускакал.

На этот раз переговоры заняли большее время. Зато Скарпи прискакал, очень довольный.

– Печенегі предложили сначала витязям биться. Их и нашему. Я сказал: хорошо. Наш ихнего побьет.

– Ты так уверен?

– Я уверен! – самодовольно ответил нурман. – Мне право выбора дали. Я сказал: врукопашную. Без луков. А без лука печенег – тьфу!

– И они согласились? – спросил Асмуд.

– Согласились.

– Плохо!

– Наоборот, хорошо! Что ж тут плохого?

– А то они не знают, что мы в рукопашной сильнее!

– Может, и не знают. Это же гила! Мы с ними еще не бились.

– Довольно,– остановил бояр князь.– Что спорить? Поглядим, что они за витязя выставят.

Поглядели.

Поединщик на черном коне выехал из печенежских рядов, проехал ровно полпути между войсками и остановился.

Степняк был огромен. Даже если брать по нурманской мерке. А уж о печенегах и говорить нечего. Духарев даже представить не мог, что среди них встречаются такие громадины. Серега покосился на Скарпи. Атлисон, мрачный, глядел под копыта коня. Этого он не ожидал. Вдобавок к великаньим размерам, степной богатырь был еще и весь, от макушки до пяток, – в железе. Даже штаны, даже сапоги – в блестящей кольчужной сетке. Такая же сетка, свешиваясь со шлема, падала на стальную чешую панцыря. И конь печенег, черная громадина, тоже был прикрыт двумя длинными и широкими полотнищами плетеной

стали. Он шел неторопливо, но ровно. Как будто и не нес на себе четверть тонны.

Выехав вперед, башнеподобный всадник остановился и опустил копье.

Вот тебе и «только рукопашный бой»! Поистине день был сегодня неудачен для хитроумного Скарпи!

– Кто готов с ним сразиться? – четко произнес князь.

Ответом ему было молчание.

В трех сотнях шагов от киевского князя, неподвижный, ждал гигант-печенег.

Но никто из гридней Игоря не рвался на смертный бой.

Молчание затягивалось.

– Похоже, это дело для меня, – без всякого удовольствия проворчал Асмуд и опустил шлем в боевое положение.

– Нет! – отрезал князь. – Не ты, Асмуд! Кто?

– Я! Я! – раздалось несколько голосов.

Пример боярина устыдил дружинников.

Но особого энтузиазма в голосах не слышалось.

Игорь поочередно оглядел вызвавшихся.

– Я ценю храбрость, – сухо произнес он. – Но нужна мне победа.

Машег негромко засмеялся. Князь повернул голову и неодобрительно поглядел на него.

Хузарин блеснул белыми зубами.

– Вели, княже, – и эта куча железа отправится обратно к кузнецу! – совершенно серьезно предложил он и погладил лук.

Среди гридней раздались смешки, Элда одарила Машега восхищенным взглядом. Она не сомневалась, что хузарин отвечает за свои слова. Да в общем-то никто из тех, кто знал Машега, в этом не усомнился бы.

Духареву показалось, что великий князь борется с искушением...

– Такое будет бесчестьем, – глухо проговорил Скарпи. – Мне ты не можешь сказать «нет», батька...

– Могу, – перебил князь. – Ты привык биться пешим. Асмуд лучше тебя. Но вы нужны мне. Оба. Я не знаю, на что способен этот печенежский богатырь. И не стану вами рисковать.

Великан печенег, устав ждать, выкрикнул что-то. Голос у него был под стать росту.

– Что он сказал? – спросил князь.

– Кричит, если мы боимся его копья, то он может проткнуть нас тем, что у него между ног, – любезно перевел Машег.

– Пес, – мрачно пробормотал Скарпи.

– Это мы – псы, – брезгливо процедил Асмуд, оглядывая ровный строй гридней. – Шавки!

Его взгляд остановился на Духареве, и Серегу будто что-то толкнуло.

– Князь! – громко произнес он. – Я думаю, ты не станешь особенно дорожить мной?

Глава сорок пятая

Поединок

– Ты? – Не похоже, что князь киевский был особенно удивлен. – Что ж, попробуй. Или твой дар уже поведал тебе, кто победит?

– Нет, – ответил Духарев. – Но надеюсь, что я, а не он.

И мягко послал Пепла вперед. Князь гридни расступились, пропуская...

– Стой! – рявкнул Асмуд.

Духарев остановился.

– Бронь у тебя знатная, – проворчал боярин. – И меч. А щит – дрянь. Возьми мой!

Скарпи презрительно сжал губы. Щит у Сереги был действительно так себе, но предложение имело еще и символический смысл: Асмуд берет Свенельдова варяга под свою защиту. Если после поединка будет кого защищать.

– Благодарю, боярин! – произнес Духарев, закидывая щит на спину.

– А копье свое мне дашь?

Асмуд молча кивнул, и отрок подал Сергею тяжелое копье с широким, отточенным по краям пером и железной оковкой по древку.

Такие редко использовали в сече: узкий наконечник пробивал доспехи куда эффективней. Зато при случае подобным копьем можно было орудовать, как японской нагинатой: и колоть, и рубить, и резать.

– Не тяжело? – спросил боярин.

– То, что нужно!

– Лучше бы тебе топор взять, – заметил Асмуд.

Духарев покачал головой. Он не очень жаловал топоры.

Движение колен – и Пепел вынес своего хозяина из строя гридней.

Гигант-печенег опять что-то заорал. Печенеги тоже его услышали: завывли, заухали.

Духарев обернулся.

– Говорит: ты, рус, мог бы и помельче осла взять. Падать ниже! – перевел Машег.

– Он верно заметил, варяг, – сказал князь. – Конь у тебя легок. Может, возьмешь другого?

– Этого я сам учил, – возразил Сергей.

Он пустил Пепла рысью, попутно изучая место битвы. Иной раз сусличья нора может стоять жизни. Нет, место было правильное. Ровное, с короткой, пожелтевшей уже щеткой травы.

В четверти версты растянулось степное конное воинство. На передовых посверкивали металлом доспехи.

Пепел нес Духарева ровной мерной рысью, постепенно набирая темп.

Серегин противник тоже стронулся с места, точно так же неторопливо наращивая скорость. Они были еще слишком далеко друг от друга и берегли силы коней.

Духарев оглянулся.

Киевлян было ощутимо меньше, чем печенегов. Но выглядели они грозно. Ровная шеренга тяжелой конницы, длинные щиты, острые шлемы с яркими султанами и флажками. В центре, за первой линией, подрагивали на слабом ветру стяги великого князя киевского, хакана тмутараканского и алое, собственное, знамя Игоря.

Печенег приближался. Он уже начал горячить своего огромного коня – тот взял галопом.

Духарев не спешил. Может, противник и рассчитывал закончить дело в первой же сшибке, но Серега на такое не надеялся.

От богатырского поединка зависело многое. Воины по обе стороны поля верили, что его результат определяется свыше. Если Серега будет убит, русы падут духом, а степняки, наоборот, воспрянут. А дух – это половина победы.

Копыта печенежского скакуна гулко били в плотную землю. Он уже разогнался на полную. Закованная в сталь живая башня стремительно надвигалась. Гигант пригнулся к гриве, плотно прижал к лошадиной шее опущенное копье, прикрылся щитом с длинным острым торчем.

Духарев опустил копье, перекинул щит в левую руку. В общем, сделал вид, что собирается встретить противника лоб в лоб. Пепел тоже пошел галопом, но далеко не в полную силу. Тем не менее всадники сближались, и сближались стремительно.

Раз, два, три!

Печенег заревел, привстал на стремянах, замахнулся огромным копьем, словно легким дротиком... Только в этот миг Серега осознал, насколько его враг громаден. На краткий миг степняк навис над почти двухметровым Духаревым, как медведь над оскалившимся волком...

Выкрик, движение колен – и великолепно обученный Пепел прыгнул в сторону не хуже серого волка.

Копье печенег впустую вспорол воздух. Духарев услышал рев, мощи которого мог бы позавидовать рассерженный тур... Но черный жеребец уже унес гиганта-печенег прочь. Развернув коня, Серега увидел непомерной ширины спину в чешуйчатой стали. Блин! Какая мишень! Сейчас бы залудить бронебойной! С двадцати шагов! Практически в упор! Ей-богу, прошиб бы!

Печенег развернул коня, заорал что-то. Не понравилось ему «уклончивое» поведение соперника.

Вороной жеребец взрыл землю широкими копытами и опять ринулся в бой.

Черные ленты, украшающие заостренный шлем степняка, змеились на ветру. Хороший шлем, с личиной до рта, ниже – кольчужная сетка. У Сереги шлем проще, открытый, со стрелкой. Зато и видно лучше.

Ну, давай!

Духарев изо всех сил ударил Асмудовым щитом по древку печенегова копья, целя своим жалом степняку в голову.

Ха-а!

Пепел аж всхрипнул от мощи удара. Серега едва не вылетел из седла. Руку с копьем отнесло в сторону – степняк тоже принял удар на щит. Собственное копье Сереги наверняка разлетелось бы от такого удара, но Асмудово – выдержало. Правда, никакого урона врагу не нанесло.

Разминулись. Сошлись снова. На этот раз Духарев ухитрился даже чиркнуть по печенегу шлему. Но это стоило ему щита. Копье степняка зацепило бронзовую оковку. Деревянная основа хрустнула. Расколотый щит вырвало из Серегиной руки. Хорошо, хоть руку не оторвало.

Печенег зарычал. Решил: хана русу! Ладно, бычара!

Духарев развернулся и на этот раз погнал жеребца по-настоящему.

Ну, давай!

Всадники стремительно сближались.

В последний момент Духарев бросил Пепла влево. Но степняк уже знал этот приемчик, вынес копье дальше – железко едва не срезало Пеплу ухо... – и опять вспорол воздух. Духарев, крепко зажав под мышкой собственное копье, низко свесился с седла. Он не бил, но относительная скорость всадников достигла почти ста километров в час, и стальное перо Асмудова копья зацепило что-то... Серега успел услышать характерный звук рвущегося кольчужного полотна, черная масса пронеслась над Духаревым, он рывком поднялся, развернулся.

Есть!

Кольчуга на бедре печенег была разорвана, а по смазанному жиром чешуйчатому вальтрапу²⁶ струилась алая змейка.

Но гигант, похоже, и не заметил раны. Развернул коня и ринулся в новую атаку. Настойчивый, однако, бычара!

Надо признать, в начале поединка Духарев испытывал не то чтобы страх, но некую неуверенность. Слишком велик и бронирован противник. Теперь полегчало. Серега проделал в броне маленькую брешку. И выяснил, что подвижность дает ему некоторое преимущество. Его противник привык к другой технике. Более прямолинейной. Печенег привык, что, когда он скачет на врага, враг тоже скачет на него, а не шарается в сторону.

А Серега шарахался, и шарахался довольно ловко. Спасибо старику Рёреху, выбравшему Духареву коня и вдолбившего в Серегину голову значение хорошей выездки.

На этот раз, увильнув от гиганта-степняка, Серега не стал ждать, пока тот развернется. Духарев помчался следом, без особого труда догнал печенегу и ударил копьем в бок.

Панцырь выдержал, а массивный противник даже не покачнулся.

²⁶ Броня, прикрывающая бок коня.

Черный жеребец заржал, резко осаженный всадником. Но развернуться к себе лицом Духарев печенегу не позволил. Управляя Пеплом одними коленями, Серега перехватил копьё двумя руками, напал сбоку. Степняк не мог использовать щит, попытался прикрыться древком, но Духарев изловчился и ткнул печенега в лицо. Удар вышел несильный, да и кольчужная сетка частично смягчила его, тем не менее Серега врага достал.

Печенег взвыл, вздернул жеребца на дыбы. Духарев подал назад, уворачиваясь от молотящих по воздуху копыт...

В следующее мгновение невероятная сила рванула копьё у него из руки. Не разожми Сергей пальцев – самого вырвало бы из седла.

Вот дьявол!

Печенег отшвырнул свое собственное копьё и выхватил у Сереги из рук оружие Асмуда! Силища у степняка была – как у подъемного крана. И он уже праздновал победу! Повернулся к своим и заревел, потрясая отобранным копьём.

У Сереги оставался меч. Один меч – против полного боевого комплекта печенега. Конечно, и мечом можно прорубить печенегову броню. Если отобрать у степняка все остальное оружие, а самого крепко привязать к дереву...

Следующее движение Духарева вряд ли можно было назвать обдуманным. Скорее это был жест отчаяния. Одним движением Духарев бросил тело вверх, встал на седло и, оттолкнувшись, прыгнул на круп черного жеребца.

Если бы Серега промахнулся, это был бы абзац. Но Духарев сегодня оказался невероятно удачливым. Вцепившись в шиш печенегова шлема, Серега сумел удержаться. В следующее мгновение он свободной рукой выдернул из голенища засапожник, вздернул подзор бармицы²⁷ и полоснул кривым острым ножом по могучей шее.

Печенег взревел, сжал, как тисками, Серегино запястье, с нечеловеческой силой дернул, оторвал от себя варяга, едва не вывихнув ему руку.

Духарев ощутил, как взлетает в воздух (будто опять тур рогом поддел!), в следующее мгновение желтая травяная щетка метнулась навстречу, треснула по плечу, земля и небо раз десять поменялись местами – и Серега распростерся носом вниз, совершенно потеряв представление об окружающем мире...

Лошадиная морда пихнула в ушибленное плечо. Духарев взвыл – и пришел в себя. Вскочил так резко, что Пепел шархнулся.

Должно быть, Серега совсем недолго пробыл в отрубе, поскольку черный печенегов конь, скакавший галопом к рядам степняков, все еще скакал. Но всадника на нем уже не было.

Гигант-печенег лежал шагах в ста от Духарева, солнце весело играло на железной броне.

Серега замер в каком-то ступоре, а черный конь врезался в ряды степняков, и орда поглотила его. И от этого малого толчка словно волна прошла по степному воинству. Тысячи всадников пришли в движение.

Серега вцепился в повод Пепла, готовый прыгнуть в седло...

Но остался на земле.

Темная масса всадников стронулась с места, покатилась... Но не к Сереге, а от него.

Печенеги уходили.

Глава сорок шестая

Парс

Треснувшись о землю, Серега здорово ушиб бедро. Поначалу не заметил, даже встал сам, на коня взобрался. А когда, подъехав к князю, стал спешиваться – упал. Ему тотчас

²⁷ Край кольчужной сетки, защищавшей шею и ту часть головы, которую не прикрывал собственно шлем.

помогли: подняли. Причем те же гридни-нурманы, что недавно глядели презрительно. Еще бы! Серега им всем честь спас. А может, и жизнь. Как бы все обернулось, если бы битва была.

И будто из сочувствия к Сереге, светлое небо потемнело, закапал дождик.

– Шатер ему! Лекаря! – распорядился князь.

– Да я ничего, нормально, – пробормотал Духарев, опираясь на плечи нурманов, поглядывая то на князя, то на оттесненных дружинниками друзей.

– Отдыхай, витязь, – уронил Игорь. – Завтра поговорим. Иди!

Серега не успел ничего сказать. Гридни приняли его на мускулистые руки, повели-понесли прочь. Духарев не сопротивлялся.

Поставили шатер, внутри натянули на раму парусину, кинули овчину сверху – вот и кровать. Роскошная по походным меркам. Серегу внесли, уложили, помогли разоблачиться. Чуть позже приволокли знакомые переметные сумы с серебром, сложили грудой. Мол, видишь, варяг, ничего киевский князь не присвоил! А ты?

Пришел лекарь. Громила семь на восемь с рожей палача, но руками на удивление мягкими. Помял, пощупал, смазал где требуется, напоил сладко-горьким отваром, сказал уважительно:

– Поспи, витязь. Кости у тебя целы. День-два – и снова в седло сядешь.

Ушел. Все ушли. Духарев слушал, как снаружи шумит воинский стан, как по-нурмански переговаривается у тонкой стенки шатра Серегина стража. Серега задремал...

И проснулся от легкого дуновения.

Входной полог шатра чуть приподнялся, и внутрь бесшумно проскользнул человек. Замер, привыкая к темноте. Сон слетел с Сереги вмиг. Меч лежал справа от кровати. Серега нашарил рукоять... Тело вялое, как опавший пенис, бедро ноет...

«Ну-ка ша!» – скомандовал Духарев изношенному организму, и организм перестал скулить. Почувствовала труха, чем дело пахнет.

Кто это может быть? Ясно, что враг. Друг не вошел бы украдкой. Враг, которого пропустила стража. Кто? Убийца, посланный Скарпи? Очень похоже.

Неизвестный двинулся неслышно: трава скрадывала звук.

«Как только подойдет – я ударю», – подумал Духарев. Он очень надеялся, что сумеет ударить достаточно быстро, чтобы опередить убийцу. Вряд ли Скарпи отрядил бы на такое дело кого попало. У нурманов это – в порядке вещей. Серега слышал сагу о нурманском парне, который как-то ночью пробрался в дом своего кровника, отыскал в абсолютной темноте врага, прирезал его и так же бесшумно смылся. «Подвиг», достойный ниндзя. Чтобы это оценить, надо видеть нурманский «длинный» дом, где люди лежат вповалку, а от трофейного барахла просто ступить некуда. Правда, очень возможно, что «ястребы лебединых дорог» так перепились пива, что скандинавский «ниндзя» шагнул прямо по спящим.

Все это прокрутилось в Серегиной памяти в те несколько секунд, пока убийца неторопливо преодолевал те три метра, что отделяли вход от опорного шеста, за которым стояло низкое Серегино ложе.

У шеста убийца остановился.

«Ну же, давай!» – мысленно торопил его Духарев.

А убийца взял и сел на землю. Увидел, что Серега не спит? Или решил выждать?

Духарев ждал в напряжении, чувствуя, как бесполезно утекает аварийный запас сил. А убийца все сидел. Сереге было не видно, как тот сидит. А это было важно. От позы зависела скорость внезапного броска...

Убийца глубоко вдохнул... Чуть слышно.

«Сейчас...» – подумал Сергей, сжимая повлажневшую рукоять.

– Ты не спишь, демон, – сказал убийца.

Серегины пальцы разжались, и слабость тут же тяжеленным зверем навалилась на него.

– Чтоходишь, как тать, черт тебя подери! – хрипло проговорил Духарев.

– Не хотел тебя будить,– отозвался парс.– Я забыл, что демоны не спят. Извини.
– Я не демон,– буркнул Духарев.– Что надо?
– Меня ваш князь послал,– ответил парс.– Я же еще и лекарем сказался.
– ...И чародеем,– проворчал Духарев.
– И чародеем,– легко согласился парс.– Князь велел тебя осмотреть, помочь, если получится...

– ...И заодно вызнать, куда я ромейское золото спрятал.
– Верно,– подтвердил парс и подсел к Сереге ближе.
– Ну и как, будешь выznавать?– усмехнулся Духарев.
– Да мне ни к чему,– совсем тихо отозвался парс.– Я ведь с вами был, когда вы золото прятали.

Вот подонок!

– Места ты все равно не знаешь!– хрипло проговорил Духарев.
– Захочу – найду,– возразил парс.– Достаточно примерно знать. А найти... Видал, как воду лозой ищут? Так же и клады можно искать.

«Вот дьявол! Правильно парни уговаривали его прирезать!– подумал Духарев.– Может, еще не поздно?»

Рука, словно бы сама собой, опять нашарила меч...

– Не надо меня рубить, демон,– спокойно произнес парс.– Я ничего не сказал князю. И не скажу.

– Что тебе нужно?– голос Духарева дрогнул от сдерживаемого гнева.

Парс сидел рядом, смотрел сверху на лежащего Серегу. Видел он его лицо или нет – сказать было трудно.

– Я помню твои слова, демон,– сказал парс.– «Мертвым деньги не нужны». На вашем князе – печать Смерти. Не ты один ее видишь. Кому нужны мертвые покровители? Кому нужен враг-демон?

– Я не демон!– прорычал Духарев.

Парс засмеялся. Очень мелодично.

– Я смеюсь не над тобой,– пояснил он тут же.– Я смеюсь, потому что смех прогоняет страх. А я тебя очень боюсь... варяг.

И тут же, без всякой логики, попросил:

– Возьми меня к себе служить! Я мудр. И умею многое...

– Угу. Клады искать, например...

– Мне не нужны деньги,– возразил парс.– Я буду служить тебе не за плату.

– А за что?– Серега не верил в бескорыстие этого человека.

– Мне ведомо, а ты увидишь,– уклончиво ответил парс.– Я буду верен тебе... варяг.

– Допустим,– Серега еще колебался, но чаша весов склонялась в пользу парса. Он очень заинтересовал Духарева.– Допустим. Как, кстати, тебя зовут, парс?

– Артак!

Ответ последовал почти мгновенно, и так же мгновенно Серега понял, что парс соврал. Зачем, интересно?

– Если ты хочешь служить мне,– строго произнес он,– то должен назвать мне свое настоящее имя.

– Да, господин,– пробормотал парс.– Я знаю, что тебя невозможно обмануть...

– Я жду,– напомнил Духарев.

– Я... Мое имя Валарш,– чуть слышно прошептал парс.

Сереге это ровным счетом ничего не говорило. Ничего, со временем выяснится, почему парс так не хотел называть свое настоящее имя. Что это – настоящее, Духарев не сомневался.

– Я буду звать тебя – Артак,– милостиво произнес он.– Ты мой слуга.

– Да, господин,– почтительно ответил парс.– Ты видишь.

– Да,– важно подтвердил Духарев, которого очень развлекала эта игра.– А теперь займись тем, для чего тебя прислали.

– Чем именно, господин?
– Ты же назвался лекарем – вот и лечи. Или тебе свет нужен?
– Зачем? – удивился парс. – Чтобы читать тело, мудрому свет не обязателен. Это же не рукопись.

Парс взял Серегино запястье, подержал...

– Ты силен, варяг, – сказал он. – Княжий костоправ поил тебя маком, но ты оказался сильнее отвара. Сердце у тебя – как у лошади. Я скажу князю, что ты не брал его золота.

– Лучше не говори ничего, – возразил Сергей. – Как думаешь, он нас отпустит?

– Ты ведь и сам знаешь, господин.

– Да. Он неплохой человек, Игорь, – Серега вздохнул. – Если бы он меньше слушал нурманов...

– Не обманывай себя, господин. Князь слушает того, кого хочет. Он плохой правитель, и ты это знаешь. Ты был бы лучшим.

– Почему ты так считаешь?

– Ты готов положить жизнь за своих, а он – нет. Потому он вынужден идти, куда они хотят.

У вас ведь воины сами выбирают себе вождя. Если они узнают, каков он, то уйдут к другому.

– А деньги?

– Вот именно, господин. Деньги укрепляют верность, но верность за деньги не купишь. Он отпустит тебя и твоих друзей, господин. Ты прославил себя и один принес ему победу.

Я шепнул кое-кому из воинов, что печенеги убежали не потому, что ты победил, а потому, что победил ты. Завтра об этом будут говорить, и слава твоя вырастет. Видишь, я могу быть полезным, господин.

– Вижу, – согласился Духарев. – А теперь, можно, я немного посплю?

– Спи. Я побуду здесь до утра. Князь знает.

Глава сорок седьмая, в которой Духарев отказывается ехать с князем в Тмутаракань...

Войско стояло два дня. Ждали, пока вернутся разведчики, посланные следить за отступающей ордой. Вернувшиеся доложили: печенеги ушли на Дон, к своим кочевьям..

На второй день Серегу вызвали к Игорю. Скарпи с князем не было.

Из бояр – только Асмуд.

Князь расспрашивал о печенегах, которые пожгли городок. Серега сказал: те самые, от которых Духарева с друзьями выручили княжьи дружинники. Почему степняки привязались к варягам, объяснил так: обиделись за то, что побили их родичей в Тагане. Вранья тут не было, только умолчание. Еще Духарев рассказал о ромейской галере. И саму галеру описал так подробно, как мог, и толстого ромея, что на ней военачальником. Князь спросил про Халли. Серега худого о нурмане-командире говорить не стал. Похвалил воина. Расписал, как бился отважно, как стрелы ему добывал, как погиб, сражаясь один против дюжины. Не забыл сказать и об Элде.

Сразу после этого разговора в Таган был отправлен воинский отряд: поддержать беззащитный городок.

О золоте не было сказано ничего. И о будущем Игорь тоже не спрашивал. Может, ждал, что Серега сам об этом речь заведет? Но Духарев уже сказал все, что хотел. И даже больше.

После князя Серегой «завладел» Асмуд. Увел в свой шатер, угостил вином, расспрашивал про Рёреха.

Духарев с охотой рассказывал. Как встретились. Как Рёрех чуть его не пристрелил, но потом смиростивился и взялся делать из лоха воина...

– Напрасно ты от него ушел, – заметил Асмуд. – Рано. Но это судьба. Скажи, Серегей, что ты про князя сказал... Переиграть нельзя?

Духарев покачал головой.

– Жаль. Люблю я его. С малых лет вместе.

Асмуд печалился так искренне, что Серега все же дал совет:

– Пусть не ходит в Искоростень. Не вернется.

– Свенельд?

Духарев опять отрицательно качнул головой:

– Судьба. Отговоришь – может, и жив останется.

– А может, и нет?

– А может, и нет. Будущее не за ним, за сыном.

– Он же малой!

– Вырастет.

Поговорили еще немного, добились бурдючок.

– Мы в Тмутаракань пойдем, – сказал Асмуд. – Айда с нами!

– Спасибо, но нам в другую сторону. Если князь отпустит.

– Отпустит. Но лучше бы вам – с нами. – Добавил искусительно: – Время будет – покажу, чего даже Рёрах не знал, чему у ромеев научился. И серебро ваше в сохранности будет, и сами целы. А то ведь, сам знаешь, в степи нынче беспокойно. Напоретесь опять на копченых – помощи уже не будет.

– Ничего, отобьемся! – легкомысленно заявил Духарев.

Вчетвером в степи ему казалось безопасней, чем под охраной княжьей дружины, но поблизости от Скарпи. Может, сейчас Игорь, помня о выигранном поединке, и не напоминает о золоте, но со временем Серегины заслуги могут и забыться, а вот у золота такое свойство, что о нем правители не забывают никогда.

На третий день войско стронулось в одну сторону, а Серега с друзьями – в другую.

Артак к ним не присоединился. Сказал тихонько, что найдет их в Киеве. Сейчас, мол, нельзя ему показывать, что служит Духареву.

Серега не возражал: найдет – хорошо, не найдет... Тоже хорошо. Не очень-то он Духареву симпатичен. Темный человек.

Глава сорок восьмая, в которой Серега горько жалеет о том, что отказался от предложения Асмуда

Три дня они шли по тракту без происшествий. А на четвертый вышли к Днепру. Верст на десять пониже устья реки Орель²⁸. Здесь степь уже не была сплошным травяным морем. Кое-где стояли островки-рощицы, а по ту сторону Орели темнела полоска настоящего леса. На левом, высоком берегу речки можно было разглядеть укрепленный городок, ставленный еще до Олега. Здесь кончалось Дикое Поле и начинались обжитые полянские земли. Конечно, и их время от времени захлестывала разбойная Степь. Но здесь можно было уже не опасаться внезапного набега. Народ между Орелью и Ворсклой²⁹ обитал сторожкий. Чуть что – исчезал в схоронках, а на круглых макушках курганов вырастали дымные хвосты.

Варяги остановились на днепровской круче, отвесной скале, нависшей над синей водой. Слева и справа берег зарос камышом, а под скалой место чистое, глубокое. Над такими местами обычно ставили идолов, но на этом из человеческих следов – только черная плешь

²⁸ Приток Днепра.

²⁹ Приток Днепра.

старого кострища.

На радостях, что дошли, решили встать, не дожидаясь вечера. Расседлали коней, выкупали, сами выкупались в теплой днепровской водичке. Машег с Элдой наловили рыбы. Ловили так: Машег, с берега, бил стрелой, а нурманка, ныряя, вытаскивала подбитую рыбку, добывая, если требовалось, ножом. Плавала она, как русалка, наблюдать за ней было – одно удовольствие. Но Серега решил: нехорошо глазеть на обнаженную женщину, если это женщина твоего друга, а своей под рукой нет. Мысли от этого возникают неправильные.

Поэтому Серега тоже занялся делом: набил перепелов на уху. По ухе мастером считался Устах. И заслуженно. Наелись так, что даже дышать трудно. Бездельничали, болтали о том о сем. Когда начало смеркаться, Машег с Элдой куда-то испарились. То есть понятно куда, и зачем – тоже понятно.

– Что ты решил? – спросил Устах. – Пойдешь к Свенельду?

– Пойду, – ответил Духарев. – После того, что было, врагов у меня в Киеве прибавится, но это уже не важно. Без Игоря я даже Скарпи не боюсь, а Игорёво время кончается. Этой осени он не переживет.

– Именно осени?

– Да.

Устах кивнул. Его друг – ведун. Раз он так говорит – значит, так и будет.

– А ты? – спросил Духарев. – Пойдешь со мной к Свенельду?

– Он меня не звал, – сказал Устах.

– Я зову!

– Коли так – пойду. Привык я к тебе, Серегей, – варяг усмехнулся, – заскучаю без тебя. А с тобой весело. То бежишь от кого, то с великим князем сваришься. Ни дня без драки.

– Зато и прибыль, – резонно заметил Духарев.

– В этом ли дело? – Устах махнул рукой.

– А в чем?

Из темноты донесся голос Элды. Машег с нурманкой возвращались.

– А вот в них хотя бы, – сказал синеусый варяг. – Понравилась хузарину твоя женщина – ты и отдал.

– Машег – мой друг, а Элда – вовсе не моя женщина! – запротестовал Серега.

– Халли ее тебе поручил, сам же сказал! – возразил Устах. – По закону она твоя была. А ты отдал. Это, брат, истинно княжья повадка. Помнишь, как мы с тобой в лесу встретились? Как ты с Гораздом дрался, а потом я тебе бороду брил?

– Помню, конечно!

– Помнишь, как ты спросил: а голову?

– А ты сказал: «Пока так походишь!» Голову, мол, вожди бреют, – засмеялся Духарев.

– Верно, – кивнул Устах. – А теперь говорю: пора тебе голову брить.

– Только не сейчас, ладно?

Теперь засмеялся Устах:

– Голову тебе пусть Свенельд бреет! Я для того статью не вышел.

Машег и Элда, держась за руки, возникли из темноты, присели к костру. Так же держась за руки.

– Слышь, хузарин, что главное для вождя? – спросил Устах.

– Доблесть! – ни на секунду не задумавшись, ответил Машег.

– А ты, Элда, что скажешь?

Нурманка поглядела на Машега, словно спрашивала разрешения. Хузарин ей улыбнулся. Глаза у них были почти одинаковые – синие. Только у Элды немного светлей.

– Храбрость, слава – это для воина важно, – очень серьезно ответила нурманка. – А для вождя главное – удача. У отца моего дальний родич есть, Грим Лысый, сын Кведульва. Он – великий воин. Сильней его, говорят, только сын его, Эгиль. Но поссорился Грим с конунгом Харальдом Прекрасноволосым, которого раньше Косматым звали. И покинул дом свой Грим

и бежал в Исландию. Потому что, хоть и не уступает Грим конунгу храбростью, а силой даже и превосходит, но удача Харальда больше.

И опять поглядела на Машега: хорошо ли сказала?

Хузарин кивнул: хорошо. И Элда вспыхнула улыбкой.

– Все это правильно, – сказал Духарев. – Однако спать пора. Чья первая стража будет?

– А вот сейчас жребий потянем и узнаем, – ответил Устах, обрывая травинки.

Серге выпала последняя стража, перед рассветом. Уснул мгновенно, несмотря на лягушачий концерт.

Снилось опять прошлое. Где он тоже спал, но проснулся один, в незнакомой квартире. За окном уныло тиликала сигнализация. Сон ушел. Серега, не настоящий, из сна, встал с постели, зажег сигаретку, подошел к окну... услышал за спиной мягкие шаги, начал оборачиваться и упал...

Вокруг опять была теплая южная ночь. Лягушки умолкли, слышно было, как плещет в реке рыба... И еще мягкие шаги!

Серегу будто бросило вверх, меч сам прыгнул в руку.

– В-ви-и-и-и! – пронзительно, как заяц, заверещал враг. И захлебнулся кровью.

И тут же появились еще...

Сереге завертелся волчком, сбил петлю, достал еще одного...

Услышал, как Машег кричит: «Прыгай, прыгай!» Кинулся на звук, споткнулся обо что-то, покатился по траве, вскочил, увидел, как птицей метнулась с кручи светлая фигурка, услышал чей-то вопль, тонкий свист Машеговой сабли, звук прорубаемой плоти, еще один вопль. Впереди возник враг. Серега ударил – и в лицо ему полетел светлый ком. Серега отмахнулся, но ком оказался тряпкой, накрывшей руку с мечом. И тут же на шею упал аркан. Серега успел перехватить крученный из конского волоса канатик, но из-под ног рванулась земля, и Духарев полетел на спину, прямо на подброшенную сеть. Кто-то кинулся сверху, и Серега принял его на меч. Хлынула кровь. Рукоять вывернулась из руки. Серега потянулся к засапожнику, забыв, что босой, жесткие пальцы вцепились в Серегину правую руку. С левой не ударить, левая – держала аркан: отпустишь – задушит. Ноги спутаны сетью. Серега все же извернулся, достал коленом. Чужие пальцы соскользнули с окровавленной руки... Черный молот ударил из темноты в лоб – и Серега вырубился.

Очнулся с ноющей головой и вкусом рвоты во рту. Конечно, спутанный по рукам и ногам.

Поблизости горел костерок. У костерка, на корточках, сидел Албатан. Лицо его было замотано черной от крови тряпкой, но глаза так и сияли от удовольствия. Хан сделал знак, Серегу грубо ухватили за волосы, усадили. Было больно, зато Духарев теперь видел больше. Например, он увидел запеленутого, как мумия, Машега и спутанного арканом Устаха с заплывшим глазом и лицом, залитым кровью из разбитого виска.

«Связан, значит, жив», – утешил себя Духарев, огляделся в поисках Элды, не обнаружил нурманки, вспомнил метнувшуюся с обрыва фигурку и обрадовался. Ушла Элда!

Глаза хана злобно прищурились: варяг улыбается!

Албатан сделал знак: к Сереге подскочил степняк, разорвал на нем рубашку, ударил по губам.

Хан недовольно заворчал, взял короткую пику, сунул в огонь. Покопался за пазухой, извлек золотую монету, показал Духареву, сделал вопросительный жест.

– Не понимаю, – нагло заявил Серега. – Ты словами скажи!

Албатан зашипел. Один из степняков схватил Серегу за ухо.

– Золото! Где? – выкрикнул он по-славянски.

Воняло от него, как от старого козла.

– Иди заправь своей кобыле! – посоветовал ему Духарев.

Печенег выхватил нож, намереваясь отмахнуть Сереге ухо, но хан снова зашипел, и его

воин с большой неохотой спрятал нож. Второй степняк отпустил Серегины волосы.

Пленников на время оставили в покое. Печенеги отошли подальше, переговаривались по-своему. Наконечник пики постепенно заливался красным. Было довольно легко догадаться о его предназначении.

– Ты как, Машег? – негромко спросил Духарев.

– «Пока неплохо», – падая, сказала мышка, которую нечаянно выронил ястреб.

Машег тихо засмеялся.

– Ловко они нас взяли, – сказал он. – Устах проворонил.

– Я, может, тоже проворонил бы, – отозвался Духарев. – Расслабились мы. Полянские земли. До Орели рукой подать. Леса! Что теперь делать будем, Машег?

– Что делать? Умирать. Медленно.

– Про золото будем молчать?

– А какая разница? Скажем – не скажем, все равно мучить будут. Так лучше уж их без поживы оставить. А то, может, и Элда моя подмогу приведет. Надейся, Серегей! Бог тебя любит.

– Слышал я историю, – произнес Духарев. – Про иудея вроде тебя.

Раз он со скалы упал, да успел за край зацепиться. Висит, держится из последних сил. Молится: «Помоги, Господи! Жил я праведно, заповеди соблюдал, молился вовремя, жертвовал щедро! Помоги, Господи!»

И слышит Голос:

«Ладно, коли ты такой праведный, помогу, не бойся. Отпускай руки!»

– Выходит, он спасся, этот праведный, – совершенно серьезно заявил Машег. – Раз сумел об этом рассказать.

Духарев, изумленный хузарской трактовкой анекдота, даже не нашелся, что ответить.

А пика все калилась. Наконечник – точно такой же, каким варяги жгли печенега в Тагане.

Духарев попытался вспомнить: каково это было, когда он на глазах князя протыкал себе ножом руку? Мало, что не больно, так еще и рана заросла менее чем за сутки. Даже шрама не осталось. Может, и с каленым железом получится?

«Стыдно тебе трусить, Серега! – сказал он сам себе. – Вон, Машег не боится!»

Тут он был не прав. Хузарин боялся. Но одно дело – бояться, другое – выказать страх.

Печенеги поговорили. Албатан подсел к костру, вынул пику. Показал знаком: ты мне язык попортил, а я твой сейчас выжгу.

Серегу схватили, сунули в зубы железную ложку, развели челюсти. Жаркий красный лист наконечника приблизился к лицу. Серегу держали крепко. Духарев терпел. Не станет хан ему язык жечь, если хочет услышать, где золото спрятано. Но глаз – вполне может. Жалко глаз. Хотя мертвому глаза не нужны. Как и золото.

Пика отодвинулась. Ложку тоже убрали. Хан пристально глядел в лицо варягу: испугался, нет?

Сереге хотелось верить, что страха на его лице не видно. А что вспотел, так это от жара.

Быстрым, точным движением хан уколол Духарева в грудь. Боль ожгла до костей. Зашипел, сгорая, волос, зашипела, взошла и лопнула пузырем кожа.

– А-а-а-ха-ха-ха! – зарычал Сергей, ухитрившись как-то превратить в подобие смеха первый животный вопль.

Хрен вам!

Веселая ярость накатила, заглушая боль. Нет, боль осталась. Такая же нестерпимая. Но это уже не имело значения. Главное: показать этой твари, что он – варяг! Варяг!

И смех его уже звучал не натужно, а искренне.

В глазах хана мелькнуло удивление...

Каленый наконечник уже остыл в живом мясе, но Албатан забыл его убрать. Он был в

замешательстве. Это было, как если бы он взгромоздился на свою жену... И не обнаружил необходимого отверстия. Албатан столько раз жег людей железом, что, как ему казалось, знал об этом все. В этой схватке Албатан побеждал всегда. Проклятый славянин, лишивший хана возможности говорить, украл у него и радость мести. И радость победы тоже украл. Понятно, почему он не боялся: боль не трогала славянина. Но почему?

Албатан сунул пику обратно в костер, велел принести сумку. Его не поняли. Пришлось идти самому.

Кровь на деревянном теле бога обратилась в черную липкую пленку. Албатан сдвинул повязку, прижал бога к порванной щеке, попросил беззвучно: помоги.

Снова взял пику – наконецник уже нагрелся...

Серегу увидел, как печенег вытащил черного деревянного уродца, перемазанного какой-то дрянью, сдвинул в сторону повязку. На щеке хана обнаружился неровно заштопанный рубец. Албатан прижал уродца к воспалившейся ране. О санитарии хан явно не имел никакого понятия.

Губы хана зашевелились. Затем он бережно отложил уродца и вынул из костра пику.

Серегу озарило.

– Давай жги! – громко сказал он. – Ты нем! Твой бог тебя не слышит! А мой Бог сильнее твоего.

Печенег, понимавший по-славянски, перевел Серегины слова. Албатан ощерился, показав осколки зубов и распухшую сардельку языка. И ткнул Серегу раскаленным острием. Снова шипение, вонь, боль... Но на этот раз Серегу был готов и сумел защититься, отделить себя от боли.

– Твой бог тебя не слышит, хан! – крикнул Духарев и захохотал. – Или бог оглох, или ты онемел!

Албатану очень хотелось воткнуть пику прямо в сердце славянина, и, чтобы удержаться, он отшвырнул ее прочь. На миг стало совсем тихо, только костер потрескивал. И в этой тишине троюродный брат и старый соперник Албатана, тот самый, который собирался отрезать Сереге ухо, громко произнес:

– А ведь славянин прав: Албатан онемел, и бог его больше не слышит.

Албатан выпрямился, как отпущенная пружина. Шикнула выдернутая из ножен сабля, вспыхнул багрянец на дымчатом клинке, а поперек живота родича, сквозь стеганую, шитую бляшками куртку лег ровный чистый разрыв. Миг – и печенег страшно закричал, кровь хлынула из расходящейся раны.

Албатан махнул саблей – брызги полетели на пленников – бросил ее в ножны, подхватил с кошмы деревянного бога...

Больше он ничего не успел. Другой печенег, как близнец похожий на раненого, махнул рукой – узкий пояс змеей выпрыгнул из рукава, обвился вокруг Албановой шеи. Печенег поймал его второй конец, перехватил накрест, потянул, упершись ногой в спину хана. Албатан захрипел, замахал руками. Зашитая рана на щеке разошлась, показав обломки зубов.

Остальные степняки, их осталось дюжины две, не больше, не вмешивались. Ждали, чья возьмет – того и удача. Взял душитель.

Ремешок скользнул обратно в рукав, а безжизненное тело Албатана осело на траву. Убийца отстегнул пояс хана, с дорогой синдской саблей, надел на себя, поверх собственного. Затем вырвал из пальцев мертвеца (так и не отпустил) деревянного бога, подошел к тому, кому Албатан вспорол живот, раздвинул края раны и запихнул в кровавое чрево. Раненый завопил совершенно немыслимо, содрогнулся и умер.

Печенег довольно заворчали, сочли эту быструю смерть благоприятным знаком: бог взял жизнь.

Победитель поднес к лицу перепачканного кровью и слизью бога, пошептался с ним и изрек нечто.

Духарев глянул на Машега: хузарин был доволен.

– Что он сказал?

– Говорит: кумир велел ему ждать восхода. А с восходом увозить нас в степь. Говорит: там, на правильной земле, твой бог ослабеет.

– Угу, – пробормотал Духарев. – А чему ты радуешься?

– Неужели не видишь? Бог уже помогает нам! Нас не будут пытаться, пока не увезут. Да и увезут ли? Я буду молиться. И ты молись! Бог уже вмешался. Вмешается еще раз!

– Блажен кто верует, – пробормотал Духарев. – Почему бы Ему не вмешаться чуть пораньше?

Ожоги на груди болели нестерпимо.

Кочевники копались в сумках, делили серебро, препирались.

На пленников не обращали внимания. Серега поглядел на костер... Нет, пережечь ремни нереально. Руки сгорят раньше. А вот ноги... Можно попробовать. Вон уголек подходящий. Серега, будто невзначай, вытянул спутанные ремнями ноги, накрыл откатившийся уголек. Нормально получилось. Теперь – ждать.

Степняки поделили серебро. Половина залегла спать, остальные болтали по-своему. Один, проголодавшийся, понюхал котел с ухой. Не понравилось. Достал что-то из своей сумки, стал жрать. Еще один вдруг вскочил, выкрикнул что-то. Остальные на него зашикали, опасливо поглядели на спящих товарищей.

– Что? – спросил Духарев.

– Хорошо, – ответил Машег. – Этот бычий глист вспомнил: у Албатана – два бурдюка с кумысом. Остальные говорят: чего кричишь? Два бурдюка на всех делить – ничего не останется.

Припаленный угольком сыромятный ремень ощутимо вонял. Но не больше, чем труп зарубленного Албатаном родича. И от самого Албатана тоже несло будь здоров. Вопреки известной поговорке, что, мол, труп мертвого врага всегда пахнет приятно. Вряд ли ноздри печенегов уловят и опознают вонь тлеющего ремешка.

Заворочался и застонал Устах.

– Я бы тоже кумыса выпил, – сказал Машег. – А еще лучше – вина.

– Знаешь, я бы и обычной водой удовлетворился, – заметил Духарев.

Двое печенегов вскочили, заспорили.

– Скоро светать начнет, – заметил Духарев. – Хорошо бы эти ублюдки перепились.

– Хорошо бы их после выпивки на развлечения не потянуло, – мрачно отозвался Машег, который, в отличие от Сереги, понимал базар печенегов.

– Это ты к чему?

– Знаешь, о чем они ругаются?

– Ну?

– Один говорит: кожу лучше сначала с ног сдирать, а второй утверждает, что со спины. Если пеплом присыпать, говорит, то крови меньше уходит.

– Понятно. Я бы их всех...

– Чш-ш-ш! – перебил Машег, прислушиваясь.

– Кони их беспокоились, – сказал он после паузы.

– Ну и что?

– Это или зверь, или...

– Или?

– Или не зверь. Молись, Серегей, чтобы это был не зверь. И чтобы эти ничего не слышали.

Серега молился. От ремней, связывавших его ноги, поднимался заметный дымок. Печенег спорили...

Все изменилось внезапно. По обе стороны от лагеря одновременно появились люди. И бросились на степняков. Их было не так уж много, но печенегов застали врасплох.

Спорщики сразу прекратили дискуссию и схватились за оружие. Зазвенело железо. Топот, глухие выкрики, удары... Привычные звуки боя, в котором Серега, вопреки обыкновению, играл крайне пассивную роль. И это было грустно, потому что степняки, опомнившись, явно брали верх. Вот один из нападавших, подбитый, полетел через костер, рухнул прямо на Духарева, свалив его на траву. Вертанувшись туловищем, Серега спихнул его. Бородатый мужик, славянин. Мертвый.

Убивший его печенег перемахнул через костер: пасть раззявлена в вопле, сабля над головой...

Духарев не стал ждать – врезал степняку промеж кривых ног так, что тот даже вверх подлетел. Приземлился. Сабля до половины воткнулась в почву, сам степняк воткнулся мордой в землю, волчья шапка – в костер. Духарев стриганул ногами – есть! Свободен! Печенег выл, держась рукой за гузно. Но второй, сука такая, тянулся к сабле.

Серега сделал ему анестезию – пяткой по башке. Сел спиной к сабле, примерился... Молодец, копченый. В порядке клинок держит – острый. Два движения – и ремешки поехали.

Руки немного затекли – секундное дело. Машег? Хузарин уже повернулся спиной, подставляя скрученные кисти.

Есть контакт!

Духарев кинул ему печенежскую саблю. Дальше хузарин сам справится. Серега еще раньше заприметил, где лежит его славный варяжский меч.

Вот он, голубчик!

Серега почувствовал себя хищной птицей, которая порушила тесную клетку и наконец расправила крылья... Он стал таким легким и быстрым, что, кажется, вот-вот взлетит. Быстрее и легче Сереги был только его меч. Печенеги казались набитыми тряпьем куклами – такие вялые и медлительные. Но, получив клинком, прыскали кровью вполне реально. Вот так, твари! Это вам не шкуру с пленников драть! Это вам – полный кабздец!

Серега даже запел от восторга!

Все как будто оцепенели. Застыли нападавшие – их осталось всего-то человек пять, закоченели печенеги. Почти все. До пары-тройки наконец доперло, что их мочат: кинулись к лошадям. Поздно пить боржом, мальчики! Серега в три прыжка догнал. Хлестнул мечом одного, второго... Третий повалился сам – ножка подкосилась. Не сама подкосилась. Элда-умница! В одной рубахе, босая, зато с секирой в руках.

Серега развернулся, взлетел в три прыжка обратно на кручу... Только здесь уже все закончилось.

Здесь стояли Машег с окровавленной саблей, пятеро воев-славян, натуральных кривичей (надо же!) и живописная куча нашинкованных печенегов. Вот черт! Даже обидно!

Глава сорок девятая

Добры молодцы – кривские купцы

Подмогу привела все-таки Элда. Прыгнув с десятиметровой кручи, нурманка сразу поплыла вниз по течению и совсем скоро наткнулась на ставшие к берегу торговые лодьи. Сборная купеческая флотилия, возвращавшаяся от болгар.

К сожалению, к вышедшей из реки женщине торговые люди отнеслись несерьезно, а вспыльчивая Элда, забыв, что пришла за помощью, тут же захала кому-то по зубам. Зубы уцелели. Но симпатии к нурманке поубавились. Обижать ее, конечно, не стали: такое не в обычае, и прочь не погнажи. Но и разговаривать не захотели. Элда уж и извинялась, поправ гордость, и упрашивала, и награду обещала и... чего только не обещала. Но славянские купцы – народ гордый. Да и не верили ей. Может, и вовсе не человек она, а перекинувшаяся русалка? Заманивает честных людей...

– Ну глядите! – воскликнула отчаявшаяся нурманка. – Будет вам и от Свенельда, и от Роговолта князя!

Вот тогда один из купцов и не стерпел:

– Я,– сказал степенно,– Роговолту-князю верен! И ты, баба, зря не болтай!

– А раз верен, так помоги его дружинникам!

– Врешь, небось?

Элда поклялась, что говорит правду.

– Ладно,– сказал купец.– Пошли глянем. Далеко идти-т?

– Версты три! – обрадовалась Элда.

– Пошли!

Остальные загалдели протестуя, но кривич заявил:

– Я слово сказал!

По его знаку поднялись восьмеро воев.

– Это мало! – запротестовала Элда.– Не справимся.

– Это мои,– сказал купец.– Другим я не указ. Ничё, управимся. Сама-т с нами или как?

– С вами. Топор дай.

– Тебе зачем? – удивился купец.– Чего рубить будешь?

– Печенегов.

Все дружно загоготали, а когда притихли, приказчик, который получил по зубам, сказал:

– Ты дай ей топор, Осянник! Десница у ней подходящая.

Теперь толстый бородатый купец Осянник то (не без опаски) глядел на громадного босого варяга, то на дикую бабу, простоволосую, в чужой кровище, всхлипывающую на плече невысокого, но такого же злого в бою воина, то – на посеченных степняков. Глянув на мертвецов, он вспомнил, как начали печенеги брать верх, – и тут Осянника затрясло. Не думая, купец взял большой котел с вкусно пахнущей ухой и, прижав к себе закопченным боком, стал быстро сёрбать густое варево. Выел четверть – маленько полегчало.

Костер вспыхнул ярче.

– Как ушица? – Здоровенный варяг, уже в сапогах, рукоять меча шишкой торчит из-за левого уха, возвышался над Осянником, как вставший на дыбки мишка.

– А? Чего? – смутился купец.

– Спасибо тебе! – с чувством сказал варяг.– Спас!

– Да чего там,– еще больше смутился Осянник.– Свои ж. Как баба-т сказала: полоцкие, так я сразу... Не соврала баба?

– Не соврала. А я ведь тебя помню, купец.

– Встречались, что ли?

– На тракте, под Витебском. Две зимы тому назад. Я еще к тебе в охрану хотел наняться, да ты не взял. Вперед отправил, к торжсковскому Горазду.

– И что Горазд? Взял? – спросил Осянник.

Варяг засмеялся:

– Взял, взял!

Из спасителей насмерть побили двоих. Еще двое были ранены. Из печенегов не ушел ни один. Но некоторые были еще живы. По приказу Духарева их по-быстрому прирезали, хотя кое у кого было желание позабавиться с пленниками на их собственный лад. Трупы ободрали. Все ценное Серега отдал кривичам. Только саблю Албатана оставил себе Машег. На память. И еще потому, что сабля была хороша, а Машег, как и Серега, был обучен обоерукому бою. Сверх добычи Духарев добавил кривским от себя тридцать гривен – семьям убитых. Он бы и больше дал, но Осянник сказал: довольно. Храбрость купцов была достойна восхищения. Напасть на вдвое превосходящих числом матерых степняков – это поступок!

Расстались с рассветом. Трупы степняков оставили так. Вороны да волки приберут. Дерянного божка бросили в огонь – горел отлично!

Глава пятидесятая

Киев. Осень

Большая боевая лодья с синим парусом и длинноволосой летучей девой, простершей над форштевнем сильные крылья, проскользнула между широкими купеческими насадами, повинаясь умелой руке кормчего. Уронив вниз парус, лодья на остатках хода подошла к причалу и мягко прижалась крашеным бортом к набитым стружкой мешкам-кранцам. Двое отроков тут же соскочили на причал и закрепили концы. Широкие сходни упали на доски причала, едва не прибив зазевавшегося парнишку-холопа. Один из отроков успел выдернуть пацана и отвесить ему хорошего пинка. А по сходням, топоча копытами и звеня золотом узды, уже спускался серый боевой жеребец. Воин, что вел его за собой, был так высок, что его можно было бы принять за нурмана, если бы не гладко выбритый, бледный, не успевший как следует загореть череп с единственным клоком светлых волос в пядь длиной.

Спустившись, воин передал повод отроку, легко взбежал обратно, подхватил правой рукой небольшого росточка женщину, а левой – мальчонку годов двух, сбежал вниз по сходням, поставил женщину на доски, а мальчонку усадил в седло жеребца. Пацаненок крепко вцепился в лук и огляделся с большой важностью.

Следом за вождем начали высаживаться воины. Многие прыгали прямо с борта, словно в бою. Сводили коней, сносили вещи. Толпа любопытствующих глядела издали.

Иные спрашивали: «Это кто?»

Им отвечали: «Серегей, сотник Свенельдов!»

«Неужто тот самый?»

«Он, он!»

«А мальчонка – сын?»

«Сын, кажись. Женка – его!»

«Ой, махонька! А золота на ней сколь!»

– А ну разошлись, разошлись! – зычно выкрикнул безусый молодцеватый отрок. – Да в стороны, дурни! Потопчем же!

Конные гридни, попарно, не спеша двинулись наверх. Первым – сам сотник с сыном впереди седла, рядом с сотником – синеусый варяг в сдвинутом на затылок шлеме.

За всадниками – пешие, за пешими – тут же нанятые носильщики из киевлян, приехавшая с варягами челядь. Замыкала колонну маленькая женщина на рослом белом, князю под стать, иноходце. В седле она сидела ловко, словно степнячка, властно покрикивала на носильщиков: что, мол, ползут, будто опарыши под дохлой козой? Носильщики отшучивались. У киевлян, известно, языки подвешены получше, чем у всяких там полочан да новгородцев.

Серега с удовольствием наблюдал знакомую киевскую суету и многолюдье. Наслаждался теплом – в Полоцке уже прохладно.

– Ко мне поедет? – спросил он Устаха.

– Нет, – качнул головой Устах. – Я – с парнями. Присмотрю. Узнаю заодно, как твой парс Гололобу руку лечит. Ежели плохо – пришлю обоих к твоей Сладиславе. Пускай судит: лекарь этот парс или просто чародей темный.

– Присылай, – разрешил Серега. – Можешь и так прислать. Гололобу я всегда рад, а Артак – челядин мой. Сам знаешь, я его при гриднице не потому оставил, что в моем доме ему места нет.

– Знаю. – Жеребец Устаха недовольно фыркнул, обогнув разлегшуюся посреди улицы свинью. Его всадник слегка наклонился и вытянул свинью плетью. Животина, взвизгнув, мигом очистила дорогу. – Ты к Свенельду когда пойдешь? – спросил Устах.

– Когда позовет. Ему, небось, доложат, что мы вернулись.

– Дело твое. Понятко!

– Я! – звонко отозвался молодой варяг.

– Возьмешь свой десяток – и с сотником.

– До встречи, Серегей!

– До встречи!

Устах махнул рукой, и дружина повернула на Подол. А сам сотник с десятком воинов, челядью и носильщиками поехал к Горе, обители киевской боярской знати, богачей и Власти.

Серега теперь и сам числился хоть и не княжым, а воеводы Свенельда, но боярином. И дом у него был, Свенельдов дар, – на Горе, внутри стен. Рядом со Свенельдовым подворьем.

У внутренних ворот княжьи отроки, вместо того чтобы как положено спросить, кто да зачем, – молча салютовали сотнику. И даже старший стражи, нурман, приветствовал Серегея поднятой рукой. Серегей сдержанно кивнул – как равному. Ну, почти равному.

А у собственных ворот его уже ждали. Управляющий, привратник, ключница, конюшие... Чертова прорва народу! Вечные какие-то разборки. И еще из Полоцка челяди навезли. Одно приятно: теперь это не его проблемы. Теперь здесь Слада.

«У нее не поворуют!» – подумал он не без гордости.

Серега придержал коня.

– Ну как, нравится?

– Очень! – Нежная улыбка на пухлых губках – только для него.

– Наличники и петухов новгородец резал! – похвастался Серега.

– Вижу! Очень красиво!

Еще бы не красиво! Три этажа, коньки на крыше, резьба на всем, даже на надворотной кровле, двор вымощен, сараи да конюшни выбелены. Тесновато немного, да ведь это – Гора. Тут с местом всегда проблемы.

Управляющий сунулся было: доложить. Духарев отмахнулся: потом, к ней – и показал на жену. Банька истоплена? Комнаты готовы? Коней – кормить, чистить. Дружинников – поселить в гостевых.

– Понятко, вы как? Трапеза сначала – или банька?

– Банька!

– Но после нас!

– Да ясно! Только вы, это, не очень долго... размышляйтесь! – подмигнул Сладе.

– Болтун ты, Понятко! – сказала Серегина жена.

Понятке позволялось многое: друг. Почти младший брат. Хотя, если по годам, то молодой воин постарше красавицы-булгарки. Но старшинство – не только от возраста. А серебро Поняткино – у Сладиславы в распоряжении. Пока в бочонке, а весной в дело пойдет. Прибыль пополам. Убыток, ежели что, – тоже пополам. По-свойски.

Отдохнуть Сереге не дали. Едва лишь из бани вышли – гости. И какие гости! Горазд с Мышом!

За тот год, что не виделись, Горазд еще немного раздобрел. И седины прибавилось. А Мыш вымахал на голову выше сестры, в плечах раздался, костлявый, тощий, жилистый.

Брат!

Обнялись. Полюбовались друг другом.

– Вижу-вижу! Кто тебе голову брил? Свенельд?

– Он!

– Любо! Племяша покажи!

Сын сестры – это серьезно. По родовым законам брат матери – ближе отца.

– Успеешь, налюбуйся!

– А правду говорят, что ты самого Асмуда побил?

– Врут!

– Жалко! А я, Серегей, ой ловок на мечях стал! Скажи, Горазд? Любого гридня сделаю!

Я у ромеев учился! Показать?

– Успеешь!

– А правда, ты князю киевскому смерть предсказал?
– Слушай, Мыш, остановись! Успеет еще наговориться!
– Да ну тебя! И запомни, я нынче не Мыш, а Мышата!
– Кто-о?! – Серега расхохотался, а Мыш обиделся.
Выручил Горазд.
– Мышата – это я придумал! Не гоже такого тароватого купца мелким зверьком кликать!
– Что, такой толковый?
– Не сказать, какой толковый! Слов нет!
Мыш тут же надулся от гордости.
Но тут вовремя возник управляющий, шепнул что-то Сладе: сообразил, под кем ходить будет.
– К столу! – скомандовала Сладислава. – Яства стынут!

Глава пятьдесят первая Серегей, Перунов Гром

Когда заморили червячка, Серега улучил момент, отозвал Горазда в сторонку:
– Утварь драгоценную поможешь продать?
– Ясно, помогу. Чья утварь-то?
– Больше ромейской работы. И... лучше ее продавать подальше отсюда.
– А поглядеть можно?
– Не сейчас. Сейчас она в земле схоронена.
– А-а-а... – Горазд поглядел, прищурясь. – Значит, правду говорят про ту... дань?
– Что говорят? Кто?
– Успокойся. Не народ. Так, меж своими слухи ходят. Я болтать не буду, ты знаешь.
– А что еще говорят?
Вместо ответа Горазд позвал:
– Мышата!
Серегин названный брат что-то очень серьезно толковал желтоголовому, как одуванчик, племяннику. Маленький Рад дядю слушал, но времени даром не терял: грыз медовый пряничек.
– Мышата, поведай, сынок, что слыхал о герое нашем! – Горазд хлопнул Серегу по спине.
– Это можно, – степенно отозвался Мышата. – Только, брат, чур, уговор. Я те – слухи, ты мне – правда то иль брехня. По рукам?
– Ах ты торгаш хитрый! – Духарев сгреб Мыша в охапку.
– Пусти, медведь! – затрепыхался Мыш. – Ребры поломаешь!
– А будешь со мной рядиться? – грозно спросил Духарев.
– Не буду, не буду!
– Тогда живи, – Серега разжал объятя, Мыш отряхнулся, поправил одежду, вернул на место сдвинутую золотую гривну.
– Говорят: ты сын Олегов! – Мыш ухмыльнулся, показав редкие зубы.
– Чего?!
– Того! – Очень довольный Мыш подбоченился. – Говорят, родил тебя Олег тайно от полюбовницы, девы небесной, и спрятал до времени, поручив тебя ведунам да чудищам лесным. И сидел ты в дупле дубовом тридцать лет и три года, а нынче вышел.
– Что за бред? – изумился Духарев.
– Кому бред, а кому и сказка красная!
– И что, этому верят?
– На торгу народ к красному слову доверчив! – Мыш осклабился. – Я-то помню, какой ты дурачок был, когда мы встретились, но люди-то не знают и всякие басни плетут. Вона в

Переяславле на торгу про тебя пели.— Мыш взял в руки невидимые гусли, затянул тенорком.— Повстречал князь наш Игорь-батюшка во поле войско несчислимое, печенежское. И вело то войско чудище страшное, само сплошь железное да на железном коне...

— Слушай, давай простыми словами,— попросил Духарев.— У меня от твоего пения уши болят.

— Можно и без пения,— согласился Мыш и продолжил: — ...И явился князю нашему витязь великий, именем Серегей, прозвищем Перунов Гром, и говорил, что один лишь он то чудище побить может. И велел князь боярину Асмуду проверить витязя — и побил тот Асмуда. Но пожалел, не стал жизни лишать. А потом выступил против чудища степного железного да схватил его да вырвал из седла и грянул оземь, так что лопнуло железо и вышел из чудища дух огненный. И бежали в ужасе печенеги, побросав богатства, прежде добытые. И забрал князь те богатства, говоря: мое это, по княжьему праву.

И сказал тогда Серегей-варяг, Перунов Гром слово заветное. И по слову тому кануло в землю сыру печенежское злато-серебро.

И рассердился было князь-батюшка, да утишил гнев. И рек так: «Иди ко мне, Серегей, Перунов Гром! Одесную будешь сидеть, из чаши моей пить!»

Но отвечал ему воин Перунов: «Не тебе, но сыну твоему служить буду, коли поставишь пестунами ему Свенельда, воеводу славного, да Асмуда-боярина».

И сказал князь: «Быть по сему, коли вернешь ты мне злато-серебро печенежское».

И рек тогда Серегей, Перунов Гром: «Почто тебе богатство печенежское, неисчислимое, княже? Дни твои исчислены. Мертвому злато — без нужды».

— Во как закручено! — не без восхищения произнес Духарев.— И кто же это, интересно, певцов тех надоумил?

Мыш с Гораздом переглянулись.

— Понимает дело! — одобрительно отметил Горазд.

— Угу! И не скажешь, что варяг!

— Ты на варягов бочку не кати! — огрызнулся Духарев.— Говори, что думаешь!

— А что тут думать! Песни те тебя славят да Свенельда. Ну ты хоть печенега убил, а Свенельд — что? Смекаешь?

— Угу. Ладно, увижу — спрошу.

Ну воевода! Ну хитрая лиса!

Свенельд знал все. И про золото — тоже. Духарев рискнул: доверился. Шила в мешке все равно не утаишь. Слишком многие знают об этом кладе. Вернется Игорь в Киев — что будет? Пойдет слух, что некий варяг золото у князя отнял — Игорь «потеряет лицо». Придется тогда князю брать Серегу в оборот.

«Ты не тревожься,— сказал Сереге Свенельд.— Ты теперь — мой. И послужил мне как никто. Вот и ты теперь положишься на меня. Плыви себе в Полоцк, привози своих. Я позабочусь.— И на прощанье напомнил: — Десятая доля — мне. По уговору. Не забыл?»

«Бери хоть половину!»— щедро пообещал Духарев.

«Десятую долю,— строго сказал Свенельд.— Мне лишку не надо, я не Игорь. Мне люди верные нужны. Такие, как ты. А злата еще добудем!»

С тем Серега уехал.

И теперь убедился: воевода Свенельд просто так языком не треплет, за базар отвечает четко.

Пока Серегу знакомили с новостями, за столом народ продолжал веселиться. Бочонок греческого пришелся как нельзя кстати. Серегины девки-челядинки, с молчаливого согласия хозяйки, мостились рядом с распоясавшимися дружинниками, звонкоголосый Понятко, опростав рог, затянул на пробу: «Как во славном граде Киеве...»

Отрок-вестник, которого надлежало встретить еще у ворот, стоял на пороге трапезной.

Оглядывался, ища хозяина.

Духарев махнул ему рукой.

– Свенельд-воевода велит пожаловать к нему, – сказал отрок.

– Прямо сейчас? – спросил Духарев.

– Немедля.

– Еду, – коротко ответил Духарев.

Глава пятьдесят вторая «Я ему говорил...»

– Я говорил ему, – рассказывал Асмуд. – Напомнил твои слова, Серегей. Но он только посмеялся: вот мы в Искоростене. И кто нам посмеет помешать? Князя их, Мала, в поруб посадил. Велел дружинникам ходить по дворам, вытрясать из ларей, а кто противиться станет – бить. Много собрали. Вы видели, что я привез. А ему все мало было. Говорит: надо дочиста подобрать, чтоб тебе, Свенельд, не досталось. А Скарпи его еще подзуживал. Я говорю: довольно! Беда будет! А он: ты уж говорил, Асмуд, что нам у древлян беда будет! А у нас полны возы. Вот поеду, еще такой беды наберу. А ты в Киев езжай, к Свенельду, князю древлянскому и уличскому, от Мала-князя, из поруба, привет передай!

И поехали.

А на другой день догнал нас вестник. Говорит: как мы уехали, городские Мала из поруба выпустили. И вышел Мал навстречу князю: уходи, говорит. Вымел уж все подчистую!

Игорь велел: опять его в поруб, но свои за Мала вступились, навалились кучей. Дружину – кого побили, кого повязали. Князя нашего тож. Спросили Мала: что делать? А тот и говорит: коли повадился волк к овцам, так не успокоится, пока всех не перережет. Так и этот. Если не убьем его, всех нас погубит.

И убили.

Асмуд вздохнул. Выглядел он неважно. Словно враз постарел лет на десять.

– Не убивайся ты, – сказала ему Ольга. – Судьбу не обойти. У мужа моего с древлянами с самого начала неладно было. Едва княжить стал – они уже в сторону от Киева тянули. Потому их под Свенельда и отдал. Вольно ему было со смертью играть! Не мальчик. Седьмой десяток разменял. Что делать будем, бояре?

– Я им покажу, как княжью кровь проливать! – скрипнул зубами Асмуд. – Только вели: завтра ж возьму дружину и древлян этих...

– погоди! – остановил его Свенельд. – Побить древлян – можно. Но торопиться – не следует.

– А чего ждать? Пока дружина разбежится?

– Пусть бегут, – спокойно ответил Свенельд. – Такие, кто бежит, когда бедой запахло, нам ни к чему.

– Кому это – нам? – сразу ошетинился Асмуд.

– Мне, – сказала Ольга. – И сыну моему, Святославу, которому ты – кормилец названный.

– Искоростень – град крепкий, – сказал Свенельд. – Под его стенами многих положим. Нехорошо это. Подождем. Вызнаем про планы их, что сможем. А древлян я знаю. Им страх праздню сидеть не даст. Они еще себя покажут: высунут свой лисий нос... А тут и мы!

– А ты, Серегей, что скажешь? – княгиня поглядела на Духарева. – Что скажешь, ведун?

Нет, мало она похожа на вдову, только что потерявшую любимого мужа.

– Скажу, что полюдьё для народа вообще не очень хорошо, – заметил Духарев. – Лучше, когда каждый знает, сколько с него причитается, и уверен, что лишнего не возьмут. Хочется ли человеку наживать добро, если все равно отнимут.

– Я беру то, что требуется, – возразил Свенельд. – Мне лишнего не надо.

– Скажи это древлянам, – ответил Серегей. – Ты взял, Игорь взял, и еще раз взял бы, если

бы смог.

- Раз взял, значит, было что брать! – проворчал Свенельд.
- А если отдавать нечего? Что тогда остается? Убивать?
- Ты что же, за древлян вздумал заступаться? – с угрозой произнес Асмуд.
- Не о древлянах речь, – возразил Духарев. – Речь о Правде. Скажи мне, светлая княгиня, ты на своих землях тоже берешь сколько удастся?
- Вижу, к чему ты клонишь, – сказала Ольга. – Слова твои – верные, но я ведь не о том тебя спрашивала. Идти ли нам на древлян немедленно или выждать, как говорит Свенельд?
- Да, – сказал Духарев. – Воевода прав. – И, уже чувствуя, как снисходит на него божественная ясность, произнес четко: – Древляне себя покажут, княгиня. Да так, что даже ты удивишься!

Когда, вместе с Асмудом, – Свенельд остался в Вышгороде – возвращались в Киев, Асмуд сказал строго:

- Ты, Серегей, много больно о Правде печешься да о племенах всяких. Ты теперь не кривич, не варяг – ты теперь во первую голову стал – рус. И не забывай об этом.
- Да вообще-то я им родился, – пробормотал Духарев.
- Что ты сказал? – не расслышал боярин.
- Да это я так, себе. Все верно, Асмуд. Я не забуду.

Глава пятьдесят третья

Шуйца³⁰ великого князя

Внизу, на торгу, шумели. Гора притихла. Киев ждал, как поступит княгиня. Болтали всякое. Слухи расползались по киевской земле и дальше. Убийство князя так или иначе задевало всех. В воздухе висела угроза. В народе по Игорю не плакали. Но все равно боялись перемен, боялись усобицы, степняков, ромеев... Земля без князя казалась голой. Дружина Игоря затворилась в Детинце, точила мечи. Их тоже не любили. Подыметесь вече, вспомнит старые обиды... И задавит славных витязей, навалюсь по сто на одного. Нехорошо было в Киеве. Потому что никто ничего толком не знал. Кроме самой княгини, сидевшей в своем городке Вышгороде, и больших бояр Асмуда и Свенельда. Да свежеиспеченного сотника Серегу Духарева.

Древляне объявились сами. Как и предполагалось.

На Серегин двор прибежал посыл: древлянская лодья пристала у Боричева. Свенельд зовет.

Духарев медлить не стал, велел седлать коней, кликнул с собой пару гридней: для почета, не для охраны. В Киеве сотника Серегу знали и даже, можно сказать, любили. Как всякого героя, о котором «официально» объявлено: Герой! Благо, и внешность у Духарева – подходящая: рост саженный, плечищи – на двоих хватит, зубы ровные, на губах улыбка играет. Все правильно. Герой – он должен быть счастливым, иначе какой из него образец для подражания?

Серегу и был счастливым, какие могут быть сомнения?

Бережно обнял жену, поцеловал нежно:

– Люблю тебя, маленькая!

Сбежал с крыльца, легко вспрыгнул на тонконового вороного жеребца...

– Господин!

Артака.

– Господин! Будь осторожнее! Берегись!

Серегу только усмехнулся, тронул варяжские светлые усы.

– Пусть враги мои берегутся! – отозвался весело.
Гридни тоже заухмылялись, расправили плечи: как верно сотник сказал.
– Господин! – парс ухватился за стремя.– Послушай меня! Я вижу!
Духарев согнал с лица улыбку, глянул сверху в темные блестящие глаза парса...
– Верю,– произнес он негромко.– Что?
– Не знаю,– тоже вполголоса проговорил Артак.– Зло тебя ищет. Я чую недоброе...
Сергеа покосился на Сладу: жена все слышала – и тень страха легла на ее милое лицо.
– Я не боюсь зла,– четко произнес Сергей.– Но для тебя...

Через четверть часа он снова был в седле. Но на этот раз под ним был не легконогий вороной, а верный Пепел, а на плечах не ромейский бархат, а надежная сталь. Жарковато нынче в шлеме да в подкольчужнике, но можно потерпеть. Ради того, чтобы жена, ждущая его ребенка, не волновалась. А кто посмеет сказать, что Сергеа Духарев боится... Пусть скажет – а мы повеселимся.

Челядинцы отворили ворота, и сотник Сергеем, сопровождаемый полным десятком дружинников, выехал на мощеную прямую улицу. По левую руку от сотника – Понятко. Цепкий взгляд, под рукой, в притороченном к седлу саадаке – хузарский лук с натянутой тетивой и тут же – разноцветные оперенья стрел. Звонкий тяжкий топот подков по мостовой, блеск солнца на гладкой стали. Походный строй, попарно, стремя в стремя, идеальная выучка, что у коней, что у всадников. Для стороннего наблюдателя – красота. Для того, кто понимает, предупреждение: «Даже и не думай! Сунешься – умрешь!»

Киевские улочки почти пусты. Все, кто празден, сбежали к пристани: древлян встречать. Молодцам-дружинникам даже обидно. Никто не восхищается, никто не жметя в страхе к заборам. Девочек нет, даже и покрасоваться не перед кем...

Переняли их уже под самой стеной. Человек десять слаженно перемахнули через ограду и заступили путь. И еще столько же – позади.

Понятко выдернул лук... Но остановился. Поглядел на Духарева вопросительно.

Для полного десятка обученных бойцов разогнать пару дюжин разбойников – плевое дело. Но не этих.

Ощетинив копыя, из дыр закрытых нурманских шлемов глядела смерть.

Справа – городская стена. Слева – подворье какого-то купеческого братства. Окованные медью ворота, забор в две сажени. Чтобы спрыгнуть с такого в полной броне и на ногах устоять, немалый навык нужен.

Тринадцать – впереди, двенадцать – сзади. Щит к щиту, бороды, у кого светлая, у кого – рыжая, у кого – гуще позолота, у кого – доспехи ценнее, но – с первого взгляда видно: матерые, один к одному. Не поросята – вевери.

– Стой,– бросил Духарев, хотя его отряд уже и так остановился. Сказано на тот случай, если кто из лихих парней надумает кинуться в драку «поперед батьки».

– Ну! – Сергеа двинул Пепла на полкорпуса вперед.– Что нужно?

Калиточка в богатых воротах открылась, и на улицу шагнул еще один нурман. В полном доспехе, со щитом. И толстая золотая цепь – поверх панцыря. Старый знакомый.

– А я думал, боярин, что тебя древляне убили,– холодно проговорил Духарев.– Вместе с твоим князем.

– Не повезло тебе, варяг,– процедил Скарпи.– Я живой, как видишь.

– А я могу это исправить! – перебил Духарев, глядя на нурмана с высоты седла.

Он нисколько не сомневался в намерениях Скарпи. Ну молодец парс! Кабы поехал Сергеа всего с парой молодых ребят, пришлось бы им кисло. Хотя... все равно кисло. Нурманов раза в полтора побольше, и все сплошь битые волчары: по тому, как стоят, видно. Битые. У многих броня посечена, у одного вон на запястье – тряпка, черная от крови. Должно быть – из тех, кого древляне не дорезали.

– Ну! – повторил Духарев.– Чего ты хочешь, нурман? Скажи, не стесняйся!

– Ухожу я,– сказал Скарпи, поглаживая рукоять меча. – Ухожу из Киева. Хочу вот попрощаться с одним дерзким варягом. В прошлый-то раз и не поговорили толком...

«Что уходишь, это я верю,– подумал Духарев.– Тут тебе не жить. Без Игоря. Слишком многим ты насолил, жадный нурман. А мне что делать? На узкой улочке верхами не очень-то и побьешься. С таким противником. Да и больше их. С другой стороны, время играет на меня. Донесет кто нашим, что сотника Серегея нурманы переняли... Нет, на это надеяться нельзя. Ни Свенельду, ни Асмуду сейчас не до меня. У них – послы древлянские...

...Если ударить с маху, может, и удастся опрокинуть нурманский строй. А может, и не удастся. Нурманские копы – страшное оружие. Очень эффективное».

Не хотелось Сергею бежать. Стыдно. Даже если сам уйдет, дружину на прорыве побьют всю. Варяг нурмана не слабее. Но их, варягов, только двое: Понятко да сам Серега. Остальные – молодые все. Против лучших бойцов Скарпи, в рукопашной... Эх, будь рядом хоть Устах!..

Прорываться нельзя – посекут. Биться? Тоже посекут.

Духарев взглянул на Скарпи.

Боярин убитого князя ждал. Не просто ждал – наслаждался. Мысли Серегины как с листа читал. Опытный, гад! Всё продумал, всё рассчитал. Время выбрал, место...

«Чаще бывает: не ты выбираешь битву, а она – тебя,– как будто въявь услышал Серега голос старого Рёреха.– Но место для битвы воин выбирает сам».

Скарпи – воин. И он выбрал. А для Сереги Духарева выбора не осталось, так? Топором в живот или сулицей в спину – это не выбор. Это иллюзия выбора.

Иллюзия – это когда видишь ненастоящее, а настоящего не видишь...

Скарпи ждал. Спокойный, обманчиво расслабленный.

Если есть иллюзия, значит, есть и то, что на самом деле. Что?

За Серегиной спиной напряженно ждали гридни. Так же им страшно, как ему сейчас?

Скарпи все продумал, но он тоже рисковал. В бою всякое может случиться... Хитрый, как лис, нурман Скарпи. Хитрый и жадный. В чем твоя выгода здесь? Почему тебе так нужно прикончить дерзкого варяга? Или это и впрямь дело не выгоды, а чести? Или твоя дружина перестала верить в твою удачу, и тебе срочно нужно восстановить авторитет, разделавшись с тем, кто там, в Поле, плюнул тебе в лицо?

Тогда князь сказал «Нет!» – и ты повиновался. Честь и долг – неразделимы. Сейчас князя нет, и ты...

Ага! А вот это уже похоже на правду!

Серега поглядел на сомкнутый строй нурманов.

Как узнать, что творится в этих косматых головах под круглыми железными шлемами?

«Если я прав,– подумал Духарев,– то конфликт с вашим вожаком – это наше личное дело. Если покончить с оскорбителем – личное дело Скарпи, то привлекать дружину, чтобы восстановить личное достоинство... Ха! Смыть оскорбление кровью обидчика, пролитой чужими руками,– это по-ромейски, а не по-нурмански. Если это твоя личная честь, изволь и защищать ее лично, боярин Скарпи! И попробуй увильнуть! Что тогда скажут тебе твои гордые нурманы?»

Серега оживился. Конечно, еще не факт, что ему удастся завалить Скарпи, но это уже шанс. Серьезный шанс... Черт! Слишком уж у Духарева все хорошо в последнее время. Когда все так хорошо, не хочется жизнью рисковать. А все-таки придется...

Скарпи ждал. За спиной Духарева фыркнул чей-то конь. Издалека, с пристани, доносился гул толпы. Со стороны перегородивших улочку нурманских шеренг – ни звука. Замерли – не шелохнутся. До времени.

«Какие воины! – не без зависти подумал Духарев.– Мне бы таких... Хотя чем мы хуже? По крайней мере – я!»

– Точно,– сказал Серега, перекинул ногу через спину Пепла и соскочил на землю.

– Не поговорили мы, Скарпи. Давай потолкуем. Если не станешь за чужие спины прятаться, как раньше прятался за слово своего князя!

Сергей отцепил от седла щит, надел на руку.

Молчание.

«Хитрый лис Скарпи! Ну скажи что-нибудь,отреагируй, выдай себя!»

– Неужели ты больше не боишься меня, нурман? – нагло осведомился Духарев. – Я ведь тот самый Серегей, который вашим ульфхеднарам голыми руками шеи сворачивает.

– Ты это девкам своим рассказывал бы, – спокойно произнес Скарпи.

– Они бы тебе верили, пес варяжский.

Боярин мертвого князя повернулся к Духареву спиной и двинулся к своим.

По ближнему строю нурманов прошло нечто. Не шевеление, некое незримое напряжение, предшествующее действию. Духарев понял, что его время заканчивается. Сейчас Скарпи станет в общий строй, и железные челюсти нурманских шеренг сомкнутся и перемелют...

– В девках ты точно разбираешься, – медленно проговорил Духарев в широкую спину Скарпи. – Должно, тебя древлянские девки крепко скалками угостили, если ты, своего князя бросив, сбежал позорно. А, боярин?

Скарпи остановился на полушаге. Сергей как будто увидел, как напряглись мышцы нурмана, как вздулись и окаменели под кольчужной бармицей мускулы могучей шеи...

– Ты извини, боярин, – с деланным сочувствием проговорил Серега. – Нету у меня скалки, чтоб тебя гонять. Что ж мне меч теперь марать о тебя... предателя.

Он не знал, что так у них было, в Искоростене древлянском. Но должно быть – было. Потому что Скарпи прыгнул, как бешеный пардус. Разворачиваясь уже на лету, на лету выдергивая меч. Так стремительно, что даже предельно собранный Духарев еле успел отразить удар. Но все же успел и тут же сильным толчком щита отбросил нурмана назад.

– Ага! – удовлетворенно выдохнул Сергей. – Вижу: ты и впрямь хочешь со мной поговорить на мужском языке, Скарпи Атлисон! Я не против. Только ты и я. До самой смерти. Так, нурман?

– Так, – хрипло подтвердил Скарпи. – Ты и я. Поговорим. До самой смерти. Твоей смерти.

И мгновенно обуздал свой гнев, толкнувший его на первый, яростный, бросок.

Теперь оба неторопливо двигались, высматривая, выжидая, пока противник даст возможность нанести удар.

«Сумеешь ли ты достать врага – зависит от твоего врага, – снова вспомнился Сереге старый Рёрах. – А вот сумеет ли враг достать тебя – это уже от тебя зависит».

Мир перестал существовать для Духарева. Силуэты воинов, своих и чужих, окруживших поединщиков, потеряли четкость. Все, что осталось от большого мира, это сотня квадратных метров хорошо утоптанной земли и прикрывающийся поцарапанным щитом нурман в вороненом шлеме и пыльных кожаных штанах, заправленных в такие же пыльные сапоги. И невидимая упругая струна, натянутая между ними, соединившая их намертво, в одно целое, так что ни один из них не мог и полшага сделать отдельно от другого. Все чувства куда-то ушли, осталось только немного азарта и ощущение некоей великой игры, в которой они оба, нурман и варяг, равные партнеры, и которая невозможна без одного из них и неминуемо прервется, когда...

Более опытный игрок, Скарпи ухитрился-таки получить преимущество: развернул Духарева лицом к солнцу. Но, как часто бывает, противник нурмана сумел превратить оплошность в выигрыш. Кончик его меча поймал солнечный блик и послал его, безобидный солнечный «зайчик», прямо в овальную глазную прорезь нурманского шлема. Скарпи дернул головой, уклоняясь, а Серегин клинок прыгнул вперед и вниз, под нурманский щит, целя в ногу Скарпи. Но опыт есть опыт. Тридцать лет войны – и воин хоть с завязанными глазами угадает, откуда последует удар. Щит нурмана перехватил и отбросил меч варяга. Серега еле успел принять на собственный щит клинок Скарпи. Руку пронзила короткая боль. Отсеченный край щита, кусок дерева с медной оковкой, ударился о стену. И новый удар, тоже принятый Сергеем на содрогнувшийся щит. Еще удар... Духарев не успевал

контратаковать. Скарпи полностью захватил инициативу. Его меч порхал в воздухе, как крыло бабочки, и сек так быстро, словно топор плотника, прорубающего паз в опорном столбе. Но каждый молниеносный удар отзывался болью в руке и жалобным треском деревянной основы щита. Сергей тоже мог бы вот так, изящно и стремительно, когда не рука ведет меч, а меч увлекает за собой руку... Но для этого нужно было перехватить правило поединка. На долю секунды сбить серебристое крыло нурманова меча. Крохотный миг, десятая доля секунды... Но Скарпи не давал противнику этого мига. Закаленная сталь кромсала Серегин щит. Левая рука Духарева почти онемела. Еще один удар – щит рассыплется, и тогда...

Серега все-таки сделал попытку встречной атаки.

Скарпи легко, играючи, свел ее на нет, выиграв лишние полсекунды, – размахнулся, длинно, с доворотом... Превосходный нурманский клинок с шипением разорвал воздух, выходя на завершающий удар, после которого от щита его противника останется куча бесполезной щепы, и хорошо, если только от щита...

...Духарев уже чувствовал этот, последний, удар, неотвратимый и сокрушительный. Сергей ждал его и уже почти принял... Но в самый последний момент словно какая-то сила толкнула его вверх. Духарев подпрыгнул на добрый метр (это в полном доспехе!), воины, нурманы и славяне, дружно ахнули... когда меч Скарпи с яростным шипением пропорол воздух под ногами Духарева. Хитрый нурман и не собирался доламывать щит. Хитрый нурман! Он был куда более опытным бойцом, чем Серега. Более опытным и более умелым, но удача изменила ему.

Инерция собственного замаха развернула Скарпи боком к противнику. На какой-то миг Сергей словно завис в воздухе – потрясающее зрелище! – затем булатный клинок сам повернулся в Серегиной кисти на обратный хват, и Сергей ударил сверху, с прыжка, будто копьем – повыше золотой «змеи», в кольчужный ворот нурманского панцыря. Вложив в удар не только свою немалую силу, но и сотню с четвертью килограммов облаченного в железо падающего тела. Брызнули в стороны лопнувшие кольчужные кольца, хрустнула кость, всхлипнула живая плоть, распадаясь, разрываясь под напором стального жала в три пальца шириной...

Духарев приземлился на спружинившие ноги, круглый щит соскользнул с руки нурмана, прокатился по земле и упал, задребезжав металлом оковки.

Нурман и варяг стояли напротив друг друга, глаза в глаза. Пальцы Духарева – на запястье правой, оружейной руки Скарпи, а тот еще силился вырваться, ударить, хотя сердце его было разорвано надвое булатным варяжским клинком...

Светлые глаза нурмана подернулись дымкой. Он открыл рот, силясь что-то сказать, но вместо слов изо рта хлынула кровь, запятнав штаны и сапоги победителя.

Духарев аккуратно, почти бережно опустил обмякшее тело на землю, поднатужившись, вытянул из раны меч, обтер его, вернул в ножны и только после этого поднял глаза на закаменевшую шеренгу нурманов. И сразу, не колеблясь, свистом поздравил Пепла, взял повод и спокойно двинулся прямо на ошетилившиеся копыя.

И стена расступилась. Сергей прошел между нурманами, ни на кого не глядя, неспешно, уверенно. И следом за ним вытек из западни весь десяток, один за другим, аккуратно объезжая мертвое тело, не отнимая ладоней от оружия... Но обошлось. Победа Духарева, его харизма стала щитом, который не просечь нурманской секире.

Потом, недели через две, большая часть этих нурманов придет к Духареву. Не с мстью – проситься под его руку, в его сотню. Но это будет позже, а сейчас все, кто видел последний бой Скарпи, просто почувствовали: произошло нечто. Что-то изменилось в мире, который уже не будет прежним. словно до всех наконец дошло: умер. Нет, не боярин Скарпи Атлисон, верная шуйца князя, а сам великий князь киевский Игорь, сын Рюрика. Умер. Что дальше?

Глава пятьдесят четвертая

Посольство

А дальше были древляне.

Когда Духарев с гриднями, растолкав люд, пробились поближе, между древлянской лодьей и народом уже стояли двумя цепями серьезные Свенельдовы гридни.

Устах тоже был тут. Заметил кровь на Серегинной одежде, спросил: «Откуда?»

– Потом, – бросил Духарев. – Где Свенельд?

– Да вон он! Этих встречает, – Устах сплюнул в пыль. – Моя б воля...

Но воля была не его. И древляне прибыли не абы какие. Полномочное посольство от князя Мала – к вдове князя Игоря. Человек двадцать. Важные, блин. Шапки в полметра, бляхи на грудях золотые – в полщита.

Разговаривал с ними Свенельд. Асмуд от такой чести попросил его избавить. Сказал: «Не удержусь. Порублю».

И точно, не удержался бы. Послы вели себя с невероятной наглостью. Со Свенельдом, киевским воеводой, о деле говорить отказались. Но дали понять, что не каются приплыли, а с деловым предложением. Но изложат его исключительно княгине. Ах, княгиня в Вышгороде? Ну так пусть пожалует в Киев. Недалек путь.

– Может, вас еще к княгине в терем на руках отнести? – с иронией спросил Свенельд.

– Можно и на руках, – с важностью отвечали послы. – А лучше прямо в лодье. И нас почтите, а пуще – князя нашего, прежде немалую обиду от вашего Игоря принявшего.

Серегу слушал и никак не мог понять: всерьез это или шутка?

Оказалось, никакая не шутка. Но Свенельд держался железно: как будто так и должно быть.

– Можно и в лодье, – ответил он. – Только я сначала должен княгиню известить. Грамотку к ней дадите – с чем приехали? А уж она, слово даю, примет вас с тем почетом, какой вам подobaет.

Тут глаза воеводы нехорошо сверкнули, но древляне этого не заметили.

Составили грамотку, вручили Свенельду. Главный посол воеводе даже подарок сделал: браслет золотой с птицами. Словно девке.

Воевода его потом Сереге сунул: жене отдашь.

У древлянской лодьи поставили стражу и поехали в Вышгород.

Грамотка оказалась знатная.

Никаких извинений и сожалений. «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил. И все ваши князья варяжские такие, а вот наши князья хорошие, потому что берегут Деревскую землю. Так что иди, княгиня, замуж за князя нашего Мала, и станет он тебе мужем добрым, а Киеву судьей справедливым. Тут и распре нашей конец будет, и все станет ладом».

– Я этого Мала живьем в землю зарю! – яростно бросил Асмуд. – Сватов прислать вздумал, собачий сын! Варяжские князья ему плохие! Совсем взбесились, собачьи дети! Они еще не знают, что такое варяги! Узнают!

– Хотелось бы и мне это знать, – медленно проговорила Ольга. – Только ли от глупости они такие наглые. Или за этим еще что-нибудь есть?

– Есть, – мрачно подтвердил Свенельд. – Мне сообщили: Мал этот ссылался уже с уграми. Посулил за помощь под их руку отойти. Да не только древлянскими, но и полянскими землями, и моими уличскими. К нему в Искоростень сейчас отовсюду недовольные нами идут. Большая сила там собирается.

– Говорил я: надо было сразу ударить! – в сердцах воскликнул Асмуд. – А вы – подождать! Вот и дождались!

– Не кричи, – строго одернула его княгиня. – Что угры ответили, Свенельд?

– Еще не знаю. Но буду знать. Ну что, поднимаем войско?

– Нет, – качнула головой Ольга. – Сначала сватов примем.

– Да... ты... всерьез ли это говоришь, матушка? – в один голос воскликнули Свенельд и Асмуд. Ольга стояла к ним спиной, и они не видели ее лица. А Серега видел. Сватам можно было только посочувствовать.

– Ты, воевода, вроде обещал, что их на лодье ко мне понесут, с почетом великим? – спросила княгиня.

– Это я к слову...

– А велика у них лодья?

– Да нет. На шесть весел.

– Вот и хорошо. Распорядись, чтоб так и было. Собери людей, сколько требуется. Почтим гостей дорогих. И у меня их почтим. Особо...

Смотреть, как несут древлянских послов, сбежалось пол-Киева. Так что в добровольных помощниках недостатка не было. Но понесли их не на Гору, а на большой княгинин двор, располагавшийся за городскими стенами. Пронесли с почетом до ворот. У ворот же добровольцев от лодьи оттеснили княгинины люди. Лодью внесли во двор, и ворота, к немалому огорчению любопытных, затворились...

Лодья тихонько раскачивалась на плечах носильщиков. Словно по морю шла.

Древлянские послы, важно избоченясь, восседали на лавках. Во дворе, шеренгами, стояли дружинники.

Лодья замерла. На высоком крыльце появилась великая княгиня. Подняла руку, будто здороваясь... И уронила.

Сотни луженых глоток разом выкрикнули приветствие...

И прочная палуба, словно в шторм, полетела вниз, из-под ног древлян, в ужасе вцепившихся в борта.

Вопль их канул в реве воинов.

Так же, как хруст крепких корабельных досок.

Княгиня неторопливо подошла к глубокой яме, заглянула вниз.

– Что? – спросила. – Хороша ли для вас честь? Должно ли я величаю убийц князя моего? Сладко ли вам?

– Горько, княгиня, – ответили из ямы.

– То-то! – Ольга повернулась к своим, бросила коротко: – Засыпайте!

Тем же утром в Искоростень полетели гонцы из стольного града Киева.

Везли они грамоту от великой княгини старшине древлянской. Сказано было в грамоте: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди».

А в киевском Детинце оставшаяся без главы дружина Игоря приносила присягу его юному сыну Святославу.

У юного князя были лицо и рост мальчишки, но сложение и повадка мужа. А в седле он сидел так, словно конская спина была продолжением его собственного тела.

Пока Асмуд и Свенельд разбирались с дружиной, Серега с двумя десятками гридней оставался при князе.

– Ты – тот Серегей, который предсказал смерть моего отца? – спросил его мальчик.

– Да, – подтвердил Духарев.

– А мою смерть ты сможешь предсказать?

– Ты еще слишком юн, мой князь, чтобы думать о смерти, – снисходительно, как ребенку, ответил ему Сергей.

– Если древляне возьмут верх, они меня убьют, – спокойно ответил Святослав, и Духареву стало стыдно. Святослав был мальчишкой, но он был князем. И это было важнее того, сколько ему лет.

– Мы побьем их, – сказал Серега. – А ты вырастешь и прославишься.

– Я спросил: сможешь ли ты в назначенный час предсказать и мою смерть? – строго

произнес мальчик.

– Если я скажу: да?

– Тогда я велю тебе всегда быть рядом со мной.

– Это честь,– сказал Духарев.– Но я хотел бы сражаться рядом с тобой и без этого.

– Так и будет,– выбритая головенка с одной-единственной светло-русой прядью величественно кивнула.– Что еще ты предсказал моему отцу?

– Еще то, что слава и удача будут с тобой, князь, пока рядом с тобой будет твой воевода Свенельд.

– А Асмуд?

– О нем я ничего не могу сказать. Только то, что он – лучший воин из тех, кого я знаю. Хотя ему уже немало лет.

– Свенельд будет рядом со мной,– сказал юный князь.– И Асмуд. И ты.

Глава пятьдесят пятая

«Князь уже начал...»

Древляне прислали новых послов. Лучших мужей со всей земли Древлянской. Как просила Ольга.

Княгиня встретила их по-княжески. Пригласила в баньку с дороги...

Из баньки дорогие гости не вышли. Пожар в баньке случился, а двери – беда какая! – оказались на запоре. Так и сгорели гости в одночасье.

А из Киева в Искоростень новое послание полетело:

«Вот уже иду к вам. Готовьте медов поболее в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю по нем тризну».

И, взявши с собой одних лишь отроков своих да еще сотни полторы гридней, княгиня бесстрашно отправилась на древлянскую землю.

И Асмуд, и Свенельд пытались ее отговорить, но без толку.

– Вы, главное, сами не опоздайте! – заявила Ольга и отбыла.

Две недели Серега дома почти и не бывал, ночевал в гриднице – слишком дел много было. Но последнюю ночь перед отправлением решил провести дома.

Дома, надо отметить, вполне обходились и без него. Челядь ходила по струнке, зато во дворе толклись какие-то оборванцы, прикармливаемые Сладой, по христианскому обычаю. Ближе к вечеру появлялись более почтенные гости: из киевских больших людей. Непременно – Горазд с Мышом.

Большим успехом пользовался Артак. Как предсказатель. У Слады он завоевал полное доверие и право целыми днями бездельничать, что официально называлось: «Артак предаётся размышлениям». Расходы на парса, впрочем, были невелики: ел он, как птичка.

Серегу дома встретили фанфарами, гвардейским построением и троекратным «Ура!» Однако торжественного мероприятия «Большой хозяин вернулся» не получилось. Духарев, уже наострившийся командовать, с ходу бросил Мышу:

– Ты сегодня за старшего! – подхватил Сладу и увлек ее в спальню, где они и провели вечер, ночь и даже ухитрились захватить кусочек следующего за ночью утра.

С рассветом бравый киевский сотник отбыл, прихватив с собой популярного парса (лекарь) и счастливого Мыша (набираться боевого опыта).

Мыша, правда, ему отдавать не хотели, но Серега клятвенно обещал Сладе, что глаз с брата не спустит, да и остальные его ребята присмотрят, чтоб не побили новобранца. Мыш в это время скромно стоял в сторонке, но едва отъехали, тут же заявил, что сам с усам, и никакого присмотра ему не требуется.

– Так,– сказал Духарев.– Ты, парень, забудь, как мне перечить. Это я тебе дома брат был. А теперь я – твой сотник. Скажу «бей» – бьешь. Скажу «беги» – бежишь. Скажу: спусти портки и за задницу себя ущипни – спустишь и ущипнешь. Не нравится – шагом марш

обратно. Ну?

– Не нравится,– буркнул Мыш.– Но обратно не поеду. Ты – сотник. Буду делать, что скажешь.

– Молча!

– Молча.

– Вот и хорошо. А теперь – в галоп. Опаздываем!

* * *

Киевское войско, верней, не просто киевское, а киевского князя Святослава Игоревича, разворачивалось по южному краю поля. По северному строились, подтягиваясь, древлянские полки. Были тут не только древляне, но и иные племена, хотя пришлых было намного меньше, чем могло быть. И угорский король обещанную помощь не подал. Не успел. За спиной у древлян стоял крепкий город Искоростень, в котором вполне можно было отсидеться, но разъяренные древляне не стали отсиживаться за стенами, вышли в открытое поле.

Коварный план Ольги сработал.

Увидав, что княгиня приехала на тризну всего лишь с малым войском, древляне расслабились.

Немного насторожило их отсутствие среди спутников Ольги их собственных послов, но княгиня успокоила тем, что, мол, едут послы с почетом вместе с киевскими лучшими людьми.

От радости, что все получается по-ихнему, древляне выкатили немерено и выпивки, и закуски. Наиболее достойных Ольга пригласила на тризну. «Наиболее достойных» оказалось под тысячу. Во главе с будущим женихом, князьком древлянским Малом. В этом скопище пирующих древлян княгиня осталась одна-одинешенька. Если не считать ее отроков, прислуживавших на пиру... А когда древляне перепились настолько, что перестали соображать, княгиня скромно удалилась, отроки достали мечи и вместе с подоспевшими гриднями быстренько перерезали сотрапезников. Проблем у киевлян не возникло никаких, поскольку пировать на тризне полагается без оружия.

Вероятно, кого-то недорезали. Потому что утречком весь древлянский народ уже был в курсе происшедшего. В Искоростене стояли плач и ор, побежали гонцы в другие древлянские городки. Но разъяренные древляне не стали ждать, пока соберется вся их сила. Старейшины подняли дружину Мала (и поднимать особо не требовалось – ребята и так были очень сердиты), подняли ополчение и, не мешкая, устремились в погоню за коварной вдовой.

Не мешкая – это значит ближе к полудню. Смерть Мала лишила древлян единого командования, а дисциплиной ополченцы и так никогда не отличались. В общем, сборное войско прошло верст десять – и получило весть, что к Искоростеню идет княжеское войско.

Движение застопорилось. Половина тут же закричала, что надо уходить за стены. Вторая требовала немедленной мести.

Орали до самого вечера. Притомились и решили, что утро вечера мудренее.

Утром древляне увидели русь.

И воспрняли духом. Древлян было больше. Притом – существенно больше. И все время подтягивались новые силы. Киевляне же, которые могли ударить с ходу, почему-то выжидали. Это тоже было воспринято как признак слабости. Сборное войско воодушевилось. Только военные вожди отдельных родов продолжали пререкаться, деля командование. Главного так еще и не выбрали, когда увидели, что русы начинают выстраиваться для битвы...

Это Свенельд решил дать древлянам еще немного времени. Что, к врагу подходят

подкрепления? Вот и замечательно.

– Я их знаю, – сказал воевода Святославу. – Чем больше их соберется, тем меньше у них будет порядку. Чем больше мы их разом прихлопнем, тем меньше потом придется выковыривать из-за стен.

Со Свенельдом не спорили. Древляне были – его. Он с ними и дрался, бывало, и дань с них собирал. В общем, выждали, сколько требовалось.

Сергея стоял во главе второй сотни первой тысячи, то есть слева от центра и совсем рядом с военачальниками: Святославом, Свенельдом, Асмудом. Справа от Сереги восседал на коне Устах, слева – Понятко. За ним здоровяк Клёст держал личное Серегоино знамя: белый стяг с вышитым синим соколом. Сокола придумал Серега, а вышила Сладислава.

Дальше, глубоким четким строем – конные тысячи объединенных дружин. Еще дальше – обоз и возок княгини с охраной.

Пепел нетерпеливо перебирал ногами – чувствовал общее нетерпение. Серега ласково поглаживал спинку лука, косился на командиров. Командиры не торопились.

По ту сторону поля, во всю длину, вытянулась шеренга лучших всадников. За ними – ополчение, густая шевелящаяся щетина пик, редкие стяги, родовые знаки. От древлян шел грозный низкий гул. Но русов это не пугало.

Так же как и то, что на одного киевского дружинника приходилось чуть ли не по десятку противников.

Сергея, впрочем, чуточку нервничал. Это была первая его по-настоящему крупная битва. Зато ощущать за собой слитную мощь сотен и тысяч (при том, что одна сотня – лично твоя) – это было кайфово!

Свенельд наклонился к Святославу, шепнул ему что-то.

Юный князь поднял сулицу, раскачал и изо всех сил метнул в сторону вражеского войска.

Сулица улетела недалеко, но никто из русов не счел это неудачей. Отличный бросок для столь юного воина!

Свенельд привстал на стременах.

– Русь! – закричал он громовым голосом. – Князь уже начал – последуем за князем!

– Последуем за князем, братья! – туром заревел могучий Асмуд. – Русь!!! Перун!!!

– Перун! – подхваченный общим порывом, закричал Духарев, вскидывая лук. – Русь!

И пестрое облако стрел затмило солнце.